

ЖУРНАЛ ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ И КОНФЛИКТОЛОГИИ

JOURNAL OF LEGAL ANTHROPOLOGY AND CONFLICTOLOGY

Сетевое научно-практическое издание

Основан в 2022 году

Выходит 4 раза в год

№ 2(11) – 2025

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»

FOUNDER AND PUBLISHER:
Federal State Budgetary Institution
of Higher Education
«Voronezh State University»

Сетевое научно-практическое издание
«Журнал юридической антропологии и конфликтологии»

Рецензируемый научный журнал
Издается с декабря 2022 года
Выпускается 4 раза в год

Публикует научные работы на русском и английском языках по актуальным проблемам юридической науки.
Приоритетными направлениями исследований для Журнала являются вопросы юридической антропологии и конфликтологии, теории, истории и философии права, сравнительного правоведения, методологии правовых исследований.
Редакция Журнала высоко ценит и поддерживает юридико-антропологические и конфликтологические исследования в области различных отраслевых юридических наук, а также междисциплинарные работы по изучению государственно-правовой реальности.

Журнал принимает к публикации: обзоры, оригинальные статьи, краткие сообщения от ведущих ученых России, зарубежных исследователей, преподавателей, аспирантов, соискателей, адъюнктов.

Миссия журнала – обеспечение открытого доступа к результатам оригинальных научных работ в области юриспруденции, а также междисциплинарных исследований в различных сферах взаимодействия общества, государства и права; развитие широкой научной дискуссии, направленной на формирование соответствующих современным реалиям концептов правовой теории.

Сетевое научно-практическое издание «Журнал юридической антропологии и конфликтологии» зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации серия Эл № ФС77-83459 от 15 июня 2022 г.

Адрес Редакции и Учредителя:
394018 Воронеж, Университетская пл., 1
Тел.: +7 (432) 2208276
<https://jurlac.ru>
E-mail: jurlac@mail.ru
Дата выхода в свет номера: 17.10.2025

При использовании материалов Журнала ссылка на Сетевое научно-практическое издание «Журнал юридической антропологии и конфликтологии» обязательна

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная
© Воронежский государственный университет, 2025

Networking scientific and practical edition
"Journal of Legal Anthropology and Conflictology"

Reviewed scientific journal
Published since December, 2022
4 issues released per year

Publishes scientific issues in Russian and English languages on the current problems of the juridical science.

The priority areas of research for the Journal are the issues of legal anthropology and conflictology, theory, history and philosophy of law, comparative law, juridical methodology.

The editorial board of the Journal highly appreciates and supports the legal-anthropological and conflictological research in various fields of legal sciences, as well as multidisciplinary works on the study of governmental and legal reality.

The Journal accepts for publication: reviews, original articles, brief messages from the leading Russian scientists, foreign researchers, lecturers, graduate students, applicants, adjuncts.

The mission of the Journal is to provide open access to the results of the original researches in the sphere of jurisprudence, as well as the multidisciplinary works in different areas of interaction between society, state and law; developing the broad scientific discussion aimed at the formation of the concepts of legal theory, corresponding to the modern realities.

Network scientific and practical edition
"Journal of Legal Anthropology and Conflictology" is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
Registration certificate Эл № ФС77-83459 of 15.06.2022

Editorial committee and founder address:
394018 Russia, Voronezh, Universitetskaya square, 1
Tel.: +7 (432) 2208276
<https://jurlac.ru>
E-mail: jurlac@mail.ru
Issue publication date: 17.10.2025

When using the materials of the Journal the reference to the networking scientific and practical edition "Journal of Legal Anthropology and Conflictology" is required

The materials of the Journal are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International
© Voronezh State University, 2025

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор – **Махина С. Н.**, доктор юридических наук, профессор, руководитель Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета ВГУ, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж). Заместители главного редактора: **Малиновская Н. В.**, кандидат юридических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Завьялова И. С.**, кандидат юридических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж). Ответственный секретарь – **Шелестов Д. С.**, кандидат юридических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж). Члены редакционной коллегии: **Алексеева Т. А.**, доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Санкт-Петербург); **Архипов В. В.**, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, г. Санкт-Петербург); **Баев М. О.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Баулин О. В.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Бирюков П. Н.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Васильев А. А.**, доктор юридических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Россия, г. Барнаул); **Власенко Н. А.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Российский университет дружбы народов (Россия, г. Москва); **Гамбарян А. С.**, доктор юридических наук, профессор, Российско-Армянский (Славянский) университет (Армения, г. Ереван); **Демичев А. А.**, доктор юридических наук, профессор, Нижегородская академия МВД России (Россия, г. Нижний Новгород); **Дорская А. А.**, доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (Россия, г. Санкт-Петербург); **Зражевская Т. Д.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Ломакина И. Б.**, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (Россия, г. Санкт-Петербург); **Малько А. В.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Россия, г. Саратов); **Михайлов А. М.**, кандидат юридических наук, доцент, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (Россия, г. Москва); **Носырева Е. И.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Павлов В. И.**, кандидат юридических наук, профессор, Академия МВД Республики Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск); **Панько К. К.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Сазонникова Е. В.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Раззоков Б. Х.**, доктор юридических наук, профессор, Таджикский государственный университет коммерции (Республика Таджикистан, г. Душанбе); **Романовская В. Б.**, доктор юридических наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Россия, г. Нижний Новгород); **Сорокина Ю. В.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Старилов Ю. Н.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Честнов И. Л.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (Россия, г. Санкт-Петербург); **Шеменева О. Н.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж).

EDITORIAL COMMITTEE OF JOURNAL

Chief editor – **Makhina S. N.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Scientific and Educational Center of Legal Anthropology and Conflictology of VSU Law Faculty, Voronezh State University (Russia, Voronezh). Executive editors: **Malinovskaya N. V.**, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh); **Zavyalova I. S.**, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh). Executive secretary – **Shelestov D. S.**, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh). Members of editorial committee: **Alexeeva T. A.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, The North-West Institute of Management of the RANEPA (Russia, Saint-Petersburg); **Arkhipov V. V.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Saint-Petersburg State University (Russia, Saint-Petersburg); **Baev M. O.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh); **Baulin O. V.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh); **Birukov P. N.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh); **Vasiliev A. A.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Altai State University (Russia, Barnaul); **Vlasenko N. A.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russian Federation, Peoples' Friendship University of Russia (Russia, Moscow); **Gambaryan A. S.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Russian-Armenian (Slavic) University (Armenia, Yerevan); **Demichev A. A.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia, Nizhny Novgorod); **Dorskaya A. A.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, The Northwestern Branch of Russian State University of Justice (Russia, Saint-Petersburg); **Zrazhevskaya T. D.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Voronezh State University (Russia, Voronezh); **Lomakina I. B.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Saint-Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia, Saint-Petersburg); **Malko A. V.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Povolzhsky Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (Russia, Saratov); **Mikhailov A. M.**, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (Russia, Moscow); **Nosyreva E. I.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh); **Pavlov V. I.**, Candidate of Legal Sciences, Professor, Academy of Ministry of Internal Affairs of Republic of Belarus (Republic of Belarus, Minsk); **Panko K. K.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh); **Sazonnikova E. V.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh); **Razzokov B. H.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Tajik State University of Commerce (Republic of Tajikistan, Dushanbe); **Romanovskaya V. B.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod); **Sorokina Yu. V.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh); **Starilov Yu. N.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Voronezh State University (Russia, Voronezh); **Chestnov I. L.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint-Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia, Saint-Petersburg); **Shemeneva O. N.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh).

СОДЕРЖАНИЕ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

<i>Грахоцкий А. П.</i> «Бестии» Майданека на скамье подсудимых в Дюссельдорфе (1975–1981)	7
<i>Воронин И. К.</i> Правовая природа вотчинного нормотворчества (XVIII – первая половина XIX в.).....	21

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

<i>Ломакина И. Б.</i> Монологичность правового конфликта как фактор конструирования правового пространства.....	33
<i>Романовская В. Б.</i> Животные в мире юридических конфликтов	44
<i>Зауторова Э. В.</i> О профессиональной медиативной компетентности юриста в решении конфликтов	50
<i>Горбунов М. Д.</i> Конфликт ценностей: правовой аспект	58
<i>Жане А. Н.</i> Технологии ведения переговоров как способ регулирования юридических конфликтов.....	67

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

<i>Скобелев В. П.</i> Споры о восстановлении на работе лиц, уволенных по соглашению сторон: о некоторых проблемах правоприменительной практики в Республике Беларусь	75
--	----

СТРАНИЧКА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

<i>Зверев Д. Р.</i> Причины возникновения конфликтов при раскрытии электронных доказательств в арбитражном судопроизводстве	89
---	----

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

<i>Беляев М. А.</i> Правовые исследования и их контекстуализация: рецензия на книгу “Contextualising legal research: a methodological guide” (S. Taekema, W. Van Der Burg). Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2024. 311 p.	97
<i>Шелестов Д. С.</i> Обзор Третьей ежегодной осенней научной сессии «Правовые ценности в условиях многополярного мира» (Часть II) (Воронеж, 12 ноября – 10 декабря 2024 г.).....	111

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	132
-------------------------------------	-----

CONTENTS

ANTHROPOLOGICAL PROBLEMS OF LAW

<i>Grakhotsky A. P.</i> «Brutes» of Majdanek in the dock in Düsseldorf (1975–1981)	7
<i>Voronin I. K.</i> Legal nature of patrimonial rule-making (XVIII – first half of the XIX centuries)	21

CONFLICTOLOGICAL PROBLEMS OF LAW

<i>Lomakina I. B.</i> The monologue of a legal conflict as a factor in the construction of a legal space	33
<i>Romanovskaya V. B.</i> Animals in the world of legal conflicts	44
<i>Zautorova E. V.</i> On professional mediative competence of a lawyer in conflict resolution....	50
<i>Gorbunov M. D.</i> Conflict of values: legal aspect.....	58
<i>Zhane A. N.</i> Negotiation technologies as a way of legal conflicts regulation.....	67

FOREIGN EXPERIENCE

<i>Skobelev V. P.</i> Disputes on the reinstatement of persons dismissed by mutual agreement: some problems of law enforcement practice at the Republic of Belarus.....	75
--	----

YOUNG SCIENTISTS' PAGE

<i>Zverev D. R.</i> Reasons for conflicts in the disclosure of electronic evidence in arbitration proceedings	89
--	----

REVIEWS, CRITIQUES

<i>Belyaev M. A.</i> Legal research and its contextualization: Review of the book “Contextualising legal research: a methodological guide” (S. Taekema, W. Van Der Burg). Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2024. 311 p.	97
<i>Shelestov D. S.</i> Review of the Third annual autumn scientific session “Legal Values in a Multipolar World” (Part II) (Voronezh, November 12 – December 10, 2024).....	111

INFORMATION FOR AUTHORS	132
--------------------------------------	-----

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

УДК 341.645

«БЕСТИИ» МАЙДАНЕКА НА СКАМЬЕ ПОДСУДИМЫХ В ДЮССЕЛЬДОРФЕ (1975–1981)

А. П. Грахоцкий

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 13 января 2025 г.

Аннотация: в 1975–1981 гг. в Дюссельдорфе проходил судебный процесс против преступников концентрационного лагеря Майданек. На скамье подсудимых оказались 6 бывших сотрудниц СС, надзирательниц лагеря: А. Орловски, Х. Лехерт, Г. Райан, Р. Зюсс, Ш. Майер, Г. Бёттхер. Результаты судебного разбирательства продемонстрировали, что юстиция Западной Германии, как и германское общество в целом, не были готовы к признанию вины немецких женщин за преступления национал-социализма. В то же время судебный процесс глубоко всколыхнул западногерманскую общественность. Граждане ФРГ узнали о вопиющих преступлениях, совершенных немецкими женщинами в концентрационном лагере Майданек. Нацистские преступницы были проникнуты антисемитской, расовой идеологией, верили в свои превосходство и безнаказанность.

Ключевые слова: нацистские преступницы, Майданек, ФРГ, суд, приговор, вина, свидетели, жертвы.

«BRUTES» OF MAJDANEK IN THE DOCK IN DUSSELDORF (1975–1981)

A. P. Grakhotsky

Gomel State University named after Francisk Skorina

Abstract: the trial in Dusseldorf (1975–1981) was the first trial in Germany in which German women from among the former personnel of concentration camps were brought to justice. Former SS employees, Majdanek wardens A. Orlowski, H. Lachert, H. Ryan, R. Zuss, S. Mayer, H. Bettcher were accused of selecting prisoners, participated in the extermination of Jewish women and children. The results of the trial demonstrated that the West German justice system, as well as German society as a whole, were not prepared to hold German women to blame for the crimes of National Socialism. At the same time, widespread press coverage of the trial contributed to the fact that German

© Грахоцкий А. П., 2025

citizens became aware of the outrageous crimes committed by German women in Majdanek. The materials of the criminal case clearly demonstrated that crimes unprecedented in the world history were committed by ordinary Germans, not only men, but also women. German citizens were imbued with anti-Semitic, racial ideology and believed in their superiority and impunity. The Düsseldorf trial became a milestone for German women on the path to awareness of national guilt and responsibility for the crimes of the Nazi regime.

Key words: Nazi criminals, Majdanek, Germany, trial, verdict, guilt, witnesses, victims.

Введение. На протяжении десятилетий в германском социуме доминировал нарратив о немецких женщинах-матерях и домохозяйках, являвшихся «жертвами» режима Третьего рейха¹. В послевоенные годы судебные процессы против немок, причастных к нацистским злодеяниям, проходили крайне редко. Относительно подсудимых-женщин в общественном сознании сформировался образ патологических психопатов, совершавших зверства над узниками концентрационных лагерей, дабы удовлетворить свои садистские наклонности. Демонизация отдельно взятых нацистских преступниц создавала алиби для миллионов «нормальных женщин», которые «ничего не знали» о преступлениях нацистов и были «вынуждены» терпеть гитлеровскую диктатуру².

Только в 1980-е гг. в научных исследованиях началось критическое осмысление роли женщин в становлении и функционировании нацистского режима в Германии³. Американский историк Клаудия Кунц осветила проблему женского антисемитизма, показала, насколько высоким был уровень поддержки НСДАП среди немецких женщин, описала, каким образом матери и жены выполняли функции «проводников» идеологии национал-социализма в своих семьях⁴.

Современные исследования подтверждают, что немецкие женщины были в полной мере задействованы в аппарате нацистского террора: служили в подразделениях СС, секретариатах айнзатцкоманд и геста-

¹ См.: *Kompisch K. Täterinnen: Frauen im Nationalsozialismus*. Köln, 2008.

² См., например, о судебном процессе против «Бухенвальдской ведьмы» Ильзы Кох: *Jardim T. Ilse Koch on Trial Making the «Bitch of Buchenwald»*. Cambridge, 2023. В 1951 г. судом Аугсбурга преступница была приговорена к пожизненному заключению. В 1967 г. она повесилась в своей тюремной камере.

³ См.: *Lanwerd S., Stoehr I. Frauen- und Geschlechtergeschichte des Nationalsozialismus seit den 1970er Jahren. Forschungsstand, Veränderungen, Perspektiven // Frauen- und Geschlechtergeschichte des Nationalsozialismus. Fragestellungen, Perspektiven, neue Forschungen*. Innsbruck, 2007. S. 22–68.

⁴ См.: *Koonz C. Mothers in the Fatherland. Women, the Family, and Nazi Politics*. New York, 1987.

по, структурах вермахта и военных медицинских службах⁵. Женщины-медики принимали непосредственное участие в программах «принудительной эвтаназии», унесших жизни более 200 тыс. душевнобольных и инвалидов⁶. Историк Элизабет Гарвей, опираясь на дневники и письма женщин, служивших на территории оккупированной Польши, показала, как немецкие дамы «примеряли» на себя роль представительниц «расы господ», практиковали физическое насилие, издевались над славянскими мужчинами, проводили селекции узников концентрационного лагеря Майданек⁷.

В связи с этим актуализировалась проблема ответственности нацистских преступниц за злодеяния, совершенные в годы Второй мировой войны. Вопросы уголовного преследования гитлеровских преступников достаточно основательно рассмотрены в историко-правовой науке⁸. Однако гендерный аспект данной проблематики, необходимость изучения подходов германского правосудия к оценке преступлений бывших нацисток не нашли подробного отражения в научных исследованиях. В данной статье на примере Дюссельдорфского процесса (1975–1981) поставлена цель рассмотреть одну из немногих попыток немецкой Фемиды привлечь к ответственности нацистских преступниц, совершавших свои злодеяния в концентрационном лагере Майданек.

Предыстория процесса. Концентрационный лагерь Майданек располагался в пригороде польского города Люблин. За период с сентября 1941 г. по июль 1944 г. через лагерь прошло более 130 тыс. узников, порядка 80 тыс. человек лишились жизни. Наибольшее количество жертв (60 тыс. чел.) составили евреи⁹. В Майданеке служило более 1300 сотрудников СС (мужчин и женщин)¹⁰.

⁵ См.: *Mühlenberg J.* Das SS-Helferinnenkorps: Ausbildung, Einsatz und Entnazifizierung der weiblichen Angehörigen der Waffen-SS 1942–1949. Hamburg, 2010; *Lower W.* Hitler's Furies: German Women in the Nazi Killing Fields. Boston, 2013; *Mailänder E.* Unsere Mütter, unsere Großmütter. Erforschung und Repräsentation weiblicher NS-Täterschaft in Wissenschaft und Gesellschaft // *Nationalsozialistische Täterschaften. Nachwirkungen in Gesellschaft und Familie.* Berlin, 2016. S. 83–101; *Betzin P.* Krankenschwestern im System der nationalsozialistischen Konzentrationslager: Selbstverständnis, Berufsethos und Dienst an den Patienten im Häftlingsrevier und SS-Lazarett. Frankfurt am Main, 2018.

⁶ См.: Die nationalsozialistische «Euthanasie»-Aktion «T4» und ihre Opfer: Geschichte und ethische Konsequenzen für die Gegenwart / Hg. M. Rotzoll. Paderborn, 2010.

⁷ См.: *Harvey E.* Women in the Nazi East. Agents and Witnesses of Germanization. London, 2003.

⁸ См.: *Freudiger K.* Die juristische Aufarbeitung von NS-Verbrechen. Tübingen, 2002; *Eichmüller A.* Keine Generalamnestie. Die Strafverfolgung von NS-Verbrechen in der frühen Bundesrepublik. München, 2012; *Jasch H.-Ch., Kaiser W.* Der Holocaust vor deutschen Gerichten: Amnestieren, Verdrängen, Bestrafen. Ditzingen, 2017.

⁹ См.: URL: https://www.majdanek.eu/pl/history/ogolne_informacje/1

¹⁰ См.: *Lichtenstein H.* Majdanek. Reportage eines Prozesses. Frankfurt, 1979. S. 23.

В 1960 г. сотрудники Центрального ведомства управлений юстиции земель ФРГ по расследованию преступлений национал-социализма начали сбор информации о лицах, проходивших службу в лагере Майданек¹¹. Спустя два года собранные материалы были переданы прокуратуре Кёльна, где было заведено уголовное дело. В материалах дела фигурировали 232 подозреваемых¹².

В 1964 г. известный «охотник за нацистами» С. Визенталь¹³ вышел на след бывшей надзирательницы Майданека Гермины Браунштайнер. С 1958 г. преступница проживала в пригороде Нью-Йорка, имела гражданство США, была замужем за американским гражданином Расселом Райаном. По наводке С. Визенталь в дом семьи Райан пришел журналист газеты «The New York Times». Вскоре на первой полосе издания вышла статья «Бывшая надзирательница концентрационного лагеря живет как домохозяйка в Куинсе». Газетная публикация вызвала широкий резонанс в американском обществе. В 1971 г. Гермина Райан была лишена гражданства Соединённых Штатов. Западная Германия и Польская Народная Республика затребовали экстрадиции бывшей нацистки. Испугавшись высылки в Польшу, Г. Райан согласилась на отправку в ФРГ. В августе 1973 г. она была взята под стражу в Дюссельдорфе¹⁴.

Судебный процесс. В ноябре 1975 г. в земельном суде Дюссельдорфа начался процесс против 15 преступников Майданека. Среди обвиняемых было 6 женщин: пенсионерка Алиса Орловски и домохозяйки Хильдегард Лехерт, Гермина Райан, Роза Зюсс, Шарлотта Майер и Гермина Бёттхер.

Дюссельдорфский процесс стал первым в ФРГ судебным разбирательством, в ходе которого к ответственности привлекались немецкие женщины из числа бывших представительниц персонала концентрационных лагерей. Это обеспечило процессу пристальное внимание со стороны прессы и германской общественности¹⁵. Судебные баталии длились более 5 лет. Материалы уголовного дела составляли 100 томов и 20 тыс. листов. В качестве свидетелей было привлечено более 340 человек (среди них 215 бывших узников Майданека и 85 эсэсовцев)¹⁶.

¹¹ Данное ведомство было создано в городе Людвигсбург в 1958 г. См. подробно: Weinke A. Eine Gesellschaft ermittelt gegen sich selbst: die Geschichte der Zentralen Stelle Ludwigsburg 1958–2008. Darmstadt, 2008.

¹² См.: Lichtenstein H. Op. cit. S. 23–26.

¹³ О деятельности С. Визенталь и созданного им Центра еврейской документации см.: Segev T. Simon Wiesenthal. Die Biographie. München, 2010.

¹⁴ См.: Schmitz T. Die Stute von Majdanek // Süddeutsche Zeitung Magazin. 1996. No. 50. S. 17–18; Müller-Münch I. Die Frauen von Majdanek: vom zerstörten Leben der Opfer und der Mörderinnen. Reinbek bei Hamburg, 1982. S. 89–90.

¹⁵ См.: Zimmermann V. Zeitgeschichte im Gerichtssaal. Der Majdanek-Prozess 1975–1981 // Einsicht 16. Bulletin des Fritz Bauer Instituts. 2016. No. 16. S. 32.

¹⁶ См.: Schmitz T. Op. cit. S. 18–20.

На одном из судебных заседаний в мае 1976 г. скончалась подсудимая Алиса Орловски (1903 г. рожд.). Преступница проживала в Берлине. В 18-летнем возрасте она родила внебрачного ребенка и была вынуждена покинуть родительский дом. А. Орловски работала манекенщицей. На протяжении двух лет состояла в браке с выходцем из Одессы Георгием Орловским. В 1943 г. подсудимая поступила на службу в концентрационный лагерь Равенсбрюк. Спустя месяц была переведена в Майданек, где возглавила команду надзирательниц. С апреля 1944 г. преступница работала в концлагерях Плашов, Аушвиц и позже снова в Равенсбрюке. После окончания войны нацистка была задержана и передана в распоряжение польского правосудия. А. Орловски являлась одной из обвиняемых на знаменитом Аушвицком (Освенцимском) процессе в Кракове (ноябрь – декабрь 1947 г.). Подсудимая была приговорена к 15 годам лишения свободы. В 1956 г. амнистирована и возвращена в Западную Германию. В 1973 г. германский суд приговорил ее к 10 месяцам ареста за многочисленные публичные антисемитские высказывания. Вскоре после освобождения Орловски была задержана по делу о преступниках Майданека. Согласно свидетельским показаниям, обвиняемая являлась одной из самых жестоких надзирательниц, она регулярно участвовала в селекциях узников, избиениях женщин и детей, руководила пунктом по сортировке изъятых у жертв ценностей¹⁷.

В 1979 г. в отдельное производство были выделены дела бывших надзирательниц Розы Зюсс (1920 г. рожд.), Гермиды Бётхер (1918 г. рожд.) и Шарлотты Майер (1918 г. рожд.). 19 апреля 1979 г. в отношении них суд присяжных в Дюссельдорфе вынес оправдательный приговор¹⁸.

Р. Зюсс проходила по двум эпизодам обвинения. Во-первых, преступнице вменялось убийство узницы и ее ребенка. В 1967 г. о данном убийстве польским правоохранителям сообщила бывшая узница Майданека Янина Доб. Вскоре после этого свидетельница умерла, на процессе в Дюссельдорфе была зачитана стенограмма ее допроса. В ходе судебного разбирательства о подобном инциденте вспомнил другой свидетель, также бывший узник Майданека, сотрудничавший с нацистами («капо»), Франц Арм. Последний заявлял, что летом 1943 г. он видел, как по прибытии нового эшелона с еврейскими узниками одна женщина пыталась бежать вместе со своим ребенком. На мотоцикле беглецов преследовала надзирательница. Свидетель до конца не был уверен, что это была именно Р. Зюсс. В итоге судьи посчитали, что в их распоряжении не было до-

¹⁷ См.: Klee E. Auschwitz. Täter, Gehilfen, Opfer und was aus ihnen wurde. Personenlexikon. Frankfurt am Main, 2013. S. 305.

¹⁸ См.: Das Urteil des Landgerichts Düsseldorf vom 19.04.1979, 8 Ks 1/75 // Justiz und NS-Verbrechen. Sammlung deutscher Strafurteile wegen nationalsozialistischer Tötungsverbrechen 1976–1979. Band XLII. Amsterdam, 1979. No. 852. S. 779–822.

статочного количества доказательств для того, чтобы признать подсудимую виновной в совершении этого преступления¹⁹.

Во-вторых, Р. Зюсс обвинялась в участии в акции уничтожения еврейских детей. Согласно показаниям свидетелей, в конце августа – начале сентября 1943 г. в Майданек прибыл эшелон с евреями из Белостока. Среди новых узников было по меньшей мере 100 детей. Надзирательницы отбирали ребят у матерей и помещали в кузова двух тракторов. На транспорте детей доставляли в газовые камеры²⁰. Однако судьи усомнились в том, что это были именно еврейские дети. По мнению представителей правосудия, речь могла идти о «польских или русских детях, которых вывозили в Варшаву, а оттуда – на Запад»²¹.

В качестве обстоятельства, положительно характеризующего подсудимую, суд указал следующее. Р. Зюсс поступила на службу в лагерь в январе 1943 г. Осенью того же года она заболела тифом, лечилась в госпитале и только в декабре 1943 г. вернулась в Майданек. Опираясь на свидетельские показания, присяжные заключили, что после тяжелой болезни обвиняемая переосмыслила свое жестокое отношение к узникам концлагеря. Одна из свидетельниц называла Р. Зюсс «настоящей бестией», которая избивала людей «за любые мелочи». Однажды преступница так отхлестала ее плетью, что женщина не могла ходить на протяжении 10 дней. Однако по прошествии определенного времени, уже после перенесенной болезни, Р. Зюсс извинилась перед узницей за нанесенные ей увечья. Судьи расценили такой поступок «как личное мужество»: подсудимая «не побоялась», что за «подобные извинения» может последовать наказание со стороны лагерного начальства²².

В отношении Г. Бёттхер прокуратура представила доказательства участия подсудимой в двух акциях уничтожения узников лагеря. В апреле 1943 г. обвиняемая приняла участие в селекции вновь прибывших узниц. Во время переключки заключенных надзирательница предложила женщинам, имеющим проблемы со здоровьем, выйти из строя и направиться в санитарный барак. Несколько узниц последовали призыву Г. Бёттхер. В результате обманутые женщины оказались в газовой камере²³.

В мае – июне 1943 г. в Майданек доставили около 100 детей из Варшавского гетто. Маленьких узников поместили в отдельный барак, обнесенный колючей проволокой. Спустя несколько дней две надсмотрщи-

¹⁹ См.: Das Urteil des Landgerichts Düsseldorf vom 19.04.1979, 8 Ks 1/75 // Justiz und NS-Verbrechen. Sammlung deutscher Strafurteile wegen nationalsozialistischer Tötungsverbrechen 1976–1979. Band XLII. Amsterdam, 1979. No. 852. S. 804–806.

²⁰ См.: Ibid. S. 806–807.

²¹ Ibid. S. 807.

²² См.: Ibid. S. 803.

²³ См.: Ibid. S. 813.

цы, одной из которых была Бёттхер, посадили детей в грузовики и доставили в газовую камеру. О данном злодеянии свидетельствовала бывшая узница лагеря, гражданка Израиля Злата Бур. Ее дочь была одной из жертв этого преступления²⁴.

По обоим пунктам обвинения суд посчитал вину Г. Бёттхер недоказанной ввиду того, что участие подсудимой в вышеперечисленных преступлениях смог подтвердить «только один свидетель»²⁵.

Как и в случае с Р. Зюсс, судьи отметили факты, «положительно характеризующие» Г. Бёттхер. Присяжные учли, что между собой узницы называли подсудимую Жемчужинка (пол. *Perelka*) или Мышка. Эксперт-лингвист, выступавший на процессе, указал, что данные наименования в польском языке не несли негативной семантической нагрузки²⁶. По словам свидетелей, обвиняемая значительно реже в сравнении с другими надзирательницами была узников, зимой Жемчужинка разрешала узницам, которые были вынуждены работать без зимней одежды, греться, становясь «плотно друг к другу»²⁷.

Ш. Майер обвинялась в участии «как минимум» в двух селекциях узников в период с апреля по сентябрь 1943 г.: вместе с другими надзирательницами подсудимая определяла, кого из прибывающих евреек оставлять в живых для использования на лагерных работах, а кого отправить в газовые камеры. Вопреки фактам, предоставленным стороной обвинения, судьи посчитали, что для признания вины подсудимой «недостаточно свидетельских показаний»²⁸. Более того, присяжные отметили, что обвиняемая «по-человечески» относилась к узницам: разрешала подогреть суп во время обеда, есть картофель, «нелегально» пронесенный на территорию лагеря, стремилась увеличить паек вверенному ей подразделению заключенных²⁹.

После вынесения оправдательного приговора трем бывшим надзирательницам по Дюссельдорфу прокатились массовые протесты. Активисты молодежных, антифашистских и еврейских организаций устроили пикетирование здания суда, выступали с требованием отставки судей. Горячие дискуссии на тему «справедливости» данного приговора разгорелись в немецких средствах массовой информации. Граждане ФРГ выступали с открытыми письмами, в которых отмечали, что им «стыдно перед еврейскими друзьями за такое судебное решение»³⁰.

²⁴ См.: Ibid. S. 812.

²⁵ См.: Ibid. S. 812–815.

²⁶ См.: Ibid. S. 810.

²⁷ См.: Ibid. S. 811.

²⁸ Ibid. S. 821–822.

²⁹ См.: Ibid. S. 818.

³⁰ Zimmermann V. Op. cit. S. 33, 35.

В итоге, по прошествии пяти с половиной лет судебных разбирательств, 30 июня 1981 г. состоялось заключительное заседание. Из 15 обвиняемых к концу процесса осталось лишь 9. Среди них – только 2 женщины: Гермина Райан и Хильдегард Лехерт.

Топчущая Кобыла и Кровавая Бригитта. Наиболее жестокими среди надзирательниц Майданека прослыли Г. Райан и Х. Лехерт. Перавая получила от узников прозвище Топчущая Кобыла. Преступница часто избивала заключенных ногами. Она специально оснащала свою обувь стальными «подковами», чтобы ее удары становились сильнее. Х. Лехерт именовали Кровавой Бригиттой. Как вспоминали свидетели, нацистка никогда не прекращала истязания «провинившихся» узников до тех пор, пока жертвы не начинали истекать кровью³¹.

Гермина Райан (Браунштайнер) родилась в 1919 г. в Вене. После окончания восьмилетней школы девушка работала на пивном заводе. В 1937 г. она переехала в Лондон, где устроилась домработницей в одном из богатых домов. Однако спустя год по причине складывавшихся геополитических обстоятельств Г. Райн покинула Великобританию. Преступница работала на различных заводах в Вене, затем в Берлине. В 1939 г. ей предложили высокооплачиваемую позицию надзирательницы в концлагерном лагере Равенсбрюк. В октябре 1942 г. нацистка была переведена в Майданек, где проходила службу до начала 1944 г. Затем в качестве старшей надзирательницы Г. Райан вернулась в Равенсбрюк. После окончания войны нацистка оказалась в американской зоне оккупации, год провела в плену. В 1948 г. она была задержана австрийской полицией. За преступления, совершенные в Равенсбрюке, Райан была приговорена к трем годам тюремного заключения. В 1950 г. преступница оказалась на свободе. Некоторое время она проживала в Вене, затем вышла замуж и эмигрировала в США³².

Хильдегард Лехерт родилась в 1920 г. в Берлине. Окончила народную школу и получила рабочую профессию. Преступница имела двух внебрачных детей. Работала на различных предприятиях Берлина. В апреле 1942 г. Х. Лехерт была приглашена на службу в Равенсбрюк. Спустя несколько месяцев нацистка оказалась в Майданеке. В декабре 1943 г. она была уволена со службы в связи с беременностью. Вскоре после рождения третий ребенок умер. В апреле 1944 г. Х. Лехерт вернулась в ряды СС и получила место надзирательницы в концлагере Аушвиц. В начале 1945 г. она перешла на службу в полицию безопасности. После войны Лехерт была задер-

³¹ См.: *Lichtenstein H.* Op. cit. S. 28, 70, 72.

³² См.: *Das Urteil des Landgerichts Düsseldorf vom 30.06.1981, 8 Ks 1/75 // Justiz und NS-Verbrechen. Sammlung deutscher Strafurteile wegen nationalsozialistischer Tötungsverbrechen 1976–1979. Band XLIV. Amsterdam, 1981. No. 869. S. 433–435.*

жана британскими оккупационными властями и передана в руки польского правосудия. Как и А. Орловски, преступница являлась одной из обвиняемых на Освенцимском процессе в Кракове. Верховный национальный трибунал Польши приговорил Х. Лехерт к 15 годам лишения свободы³³. В 1956 г. нацистка получила досрочное освобождение, вернулась в ФРГ и устроилась на работу уборщицей в публичном доме Гейдельберга. Преступница была завербована агентами ЦРУ. Однако после нескольких проколов в работе ее уволили из американской спецслужбы. Тогда Х. Лехерт перешла в Федеральную разведслужбу Западной Германии. Однако и там бывшая нацистка проявила «непрофессионализм» и была уволена. В 1979 г., уже будучи обвиняемой на Дюссельдорфском процессе, Х. Лехерт выдвигалась кандидатом от праворадикальной партии на выборах в Европейский парламент³⁴.

В ходе процесса Г. Райан и Х. Лехерт обвинялись в проведении многочисленных селекций еврейских узников Майданека³⁵. Прокуратуре Дюссельдорфа удалось доказать вину подсудимых по двум эпизодам обвинения.

В середине мая 1943 г. в Майданек прибыл эшелон с узниками Варшавского гетто. Среди них было порядка 300 женщин и девочек. Перед лагерным врачом Бланке была поставлена задача отобрать «неработоспособных» узниц для последующего уничтожения. Помощь врачу при проведении селекции оказывали надзирательницы лагеря, среди последних были Г. Райан и Х. Лехерт. Нацисты выстроили женщин на лагерном плацу и приказали обнажить ноги. Доктор и его помощники осматривали узниц и выявляли потенциальных жертв. «Слабых» женщин отводили в сторону. Так было отобрано около 50 жертв. Эти женщины знали, что их ожидает смерть, поэтому плакали, кричали, некоторые пытались бежать. Надзирательницы удерживали их, били плетью. Затем под конвоем женщин направляли в помывочную, где и запускался смертоносный газ «Циклон Б»³⁶.

Также во второй половине мая 1943 г. преступниками была организована так называемая «детская акция». Согласно материалам уголовного дела, надзирательницы получили приказ ликвидировать детей, доставленных в лагерь из Варшавского гетто. Нацистки выгоняли детей из барачных и отправляли в грузовик. По меньшей мере 50 детей было доставлено в газовую камеру³⁷.

³³ См.: Ibid. S. 440–441.

³⁴ См.: *Das Gupta O.* Wie eine KZ-Aufseherin von CIA und BND angeheuert wurde // *Süddeutsche Zeitung*. 2016. 6 September. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/kz-aufseherin-cia-bnd-1.3149351> (дата обращения: 21.11.2023).

³⁵ См.: Ibid. S. 477–494, 533–542.

³⁶ См.: Ibid. S. 477–483.

³⁷ См.: Ibid. S. 490–494.

Как отмечали свидетели, особую жестокость проявляла Г. Райан. Она била ребят ногами и «зашвыривала» в кузов автомобиля. Судьи заключили, что Г. Райан принимала участие в нацистских злодеяниях «с особым рвением». Подсудимая активно «выискивала» и избивала жертв для того, чтобы «выслужиться перед начальством» и «сделать себе карьеру»³⁸.

Х. Лехерт обвинялась также в совершении отдельных преступлений против узниц лагеря. Следствие выяснило, что весной 1943 г. из еврейских узниц Майданека была создана «выгребная» команда. В обязанности последней входила очистка выгребных ям. Женщин заставляли погружаться в ямы и ведрами извлекать оттуда содержимое. На одном из судебных заседаний свидетели из числа бывших узниц Майданека заявляли, что в августе 1943 г. Кровавая Бригитта столкнула двух евреек в яму, после чего женщины «захлебнулись в фекалиях»³⁹. Кроме того, подсудимой вменялось убийство польской узницы из команды «горничных». По словам свидетелей, летом 1943 г. Х. Лехерт застрелила польку после того, как узнала, что девушка забеременела от офицера СС⁴⁰. Однако по данным эпизодам уголовного дела, «ввиду нехватки доказательств», суд посчитал вину подсудимой недоказанной⁴¹.

В итоге Германа Райан получила пожизненный срок лишения свободы. Хильдегард Лехерт была приговорена к 12 годам тюрьмы⁴². Последней так и не пришлось отбывать наказание. В зачет данного срока судьи приняли время содержания под стражей, а также тюремное заключение, отбытое Х. Лехерт в Польше. Преступница умерла в 1995 г. в Берлине в возрасте 75 лет⁴³.

Г. Райан провела в колонии 15 лет. В 1996 г. она получила помилование. Преступница была тяжело больна диабетом и лишилась левой голени. До своей смерти в 1999 г. бывшая нацистка проживала в Бохуме вместе со своим американским мужем⁴⁴.

Заключение. Дюссельдорфский процесс, как и подавляющее большинство других судов над нацистскими преступниками, проходивших в ФРГ в 1950–1970-е гг.⁴⁵, не стал образцом справедливости. Оправдательные приговоры, вынесенные нацистским преступницам Р. Зюсс, Г. Бёттхер, Ш. Майер, а также мягкий приговор в отношении Х. Лехерт свидетельствовали о том, что юстиция Западной Германии, как и германское

³⁸ См.: *Das Gupta O.* Op. cit. S. 478, 491, 562.

³⁹ См.: *Ibid.* S. 542–546.

⁴⁰ См.: *Ibid.* S. 549–550.

⁴¹ См.: *Ibid.* S. 545, 551.

⁴² См.: *Ibid.* S. 385.

⁴³ См.: *Ibid.*

⁴⁴ См.: *Schmitz T.* Op. cit. S. 22.

⁴⁵ См., например: *Jasch H.-Ch., Kaiser W.* Op. cit.

общество в целом, не были готовы к признанию вины немецких женщин за преступления национал-социализма. Приговоренная к пожизненному заключению Г. Райан на страницах судебного приговора предстала отъявленной садисткой и карьеристкой, «досадным исключением» из общей массы «нормальных женщин».

В то же время судебное разбирательство в Дюссельдорфе глубоко всколыхнуло западногерманскую общественность. Граждане ФРГ узнали о вопиющих преступлениях, совершенных немецкими женщинами в концентрационном лагере Майданек. Материалы уголовного дела отчетливо демонстрировали, что беспрецедентные в истории человечества злодеяния совершались рядовыми немцами, не только мужчинами, но и женщинами. Нацистские преступницы были проникнуты антисемитской, расовой идеологией, верили в свои превосходство и безнаказанность. Дюссельдорфский процесс стал для немецких женщин своеобразной вехой на пути к осознанию национальной вины и ответственности за преступления нацистского режима⁴⁶.

Библиографический список

Betzin P. Krankenschwestern im System der nationalsozialistischen Konzentrationslager: Selbstverständnis, Berufsethos und Dienst an den Patienten im Häftlingsrevier und SS-Lazarett / P. Betzin. – Frankfurt am Main : Verlag Dr. Edgar Bönsch, 2018. – 599 S.

Das Gupta O. Wie eine KZ-Aufseherin von CIA und BND angeheuert wurde / O. Das Gupta // Süddeutsche Zeitung. – 2016. – 6 September. – URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/kz-aufseherin-cia-bnd-1.3149351> (дата обращения: 21.11.2023).

Die nationalsozialistische “Euthanasie”-Aktion “T4” und ihre Opfer: Geschichte und ethische Konsequenzen für die Gegenwart / Hg. M. Rotzoll. – Paderborn : Schöningh, 2010. – 463 S.

Eichmüller A. Keine Generalamnestie. Die Strafverfolgung von NS-Verbrechen in der frühen Bundesrepublik / A. Eichmüller. – München : Oldenbourg Verlag, 2012. – 476 S.

Freudiger K. Die juristische Aufarbeitung von NS-Verbrechen / K. Freudiger. – Tübingen : Mohr Siebeck, 2002. – 444 S.

Harvey E. Women in the Nazi East. Agents and Witnesses of Germanization / E. Harvey. – New Haven ; London : Yale University Press, 2003. – 408 p.

Jardim T. Ilse Koch on Trial Making the “Bitch of Buchenwald” / T. Jardim. – Harvard University Press, 2023. – 368 p.

Jasch H.-Ch. Der Holocaust vor deutschen Gerichten : Amnestieren, Verdrängen, Bestrafen / H.-Ch. Jasch, W. Kaiser. – Ditzingen : Reclam, 2017. – 263 S.

⁴⁶ О проблеме национальной вины и ответственности современных поколений немцев за преступления нацистского режима см.: *Schlink B.* Vergangenheitsschuld: Beiträge zu einem deutschen Thema. Zürich, 2007.

- Klee E.* Auschwitz. Täter, Gehilfen, Opfer und was aus ihnen wurde. Personenlexikon / E. Klee. – Frankfurt am Main : Fischer, 2013. – 506 S.
- Kompisch K.* Täterinnen: Frauen im Nationalsozialismus / K. Kompisch. – Köln : Böhlau, 2008. – 277 S.
- Koonz C.* Mothers in the Fatherland. Women, the Family, and Nazi Politics / C. Koonz. – New York : St. Martin's Press, 1987. – 576 p.
- Lanwerd S.* Frauen- und Geschlechtergeschichte des Nationalsozialismus seit den 1970er Jahren. Forschungsstand, Veränderungen, Perspektiven / S. Lanwerd, I. Stoehr // Frauen- und Geschlechtergeschichte des Nationalsozialismus. Fragestellungen, Perspektiven, neue Forschungen / Hg. J. Gehmacher, G. Hauch. – Innsbruck : Studienverlag, 2007. – S. 22–68.
- Lichtenstein H.* Majdanek. Reportage eines Prozesses / H. Lichtenstein. – Frankfurt : Europäische Verlagsanstalt, 1979. – 188 S.
- Lower W.* Hitler's Furies: German Women in the Nazi Killing Fields / W. Lower. – Boston : Houghton Mifflin Harcourt, 2013. – 288 p.
- Mailänder E.* Unsere Mütter, unsere Großmütter. Erforschung und Repräsentation weiblicher NS-Täterschaft in Wissenschaft und Gesellschaft / E. Mailänder // Nationalsozialistische Täterschaften. Nachwirkungen in Gesellschaft und Familie / Hg. O. von Wrochem, C. Eckel. – Berlin : Metropol, 2016. – S. 83–101.
- Mühlenberg J.* Das SS-Helferinnenkorps: Ausbildung, Einsatz und Entnazifizierung der weiblichen Angehörigen der Waffen-SS 1942–1949 / J. Mühlenberg. – Hamburg : Hamburger Ed., 2010. – 575 S.
- Müller-Münch I.* Die Frauen von Majdanek: vom zerstörten Leben der Opfer und der Mörderinnen / I. Müller-Münch. – Reinbek bei Hamburg : Rowohlt, 1982. – 183 S.
- Segev T.* Simon Wiesenthal. Die Biographie / T. Segev. – München : W. J. Siedler Verlag, 2010. – 576 S.
- Schlink B.* Vergangenheitsschuld: Beiträge zu einem deutschen Thema / B. Schlink. – Zürich : Diogenes, 2007. – 187 S.
- Schmitz T.* Die Stute von Majdanek / T. Schmitz // Süddeutsche Zeitung Magazin. – 1996. – № 50. – S. 16–26.
- Weinke A.* Eine Gesellschaft ermittelt gegen sich selbst: die Geschichte der Zentralen Stelle Ludwigsburg 1958–2008 / A. Weinke. – Darmstadt : Wiss. Buchges., 2008. – 224 S.
- Zimmermann V.* Zeitgeschichte im Gerichtssaal. Der Majdanek-Prozess 1975–1981 / V. Zimmermann // Einsicht 16. Bulletin des Fritz Bauer Instituts. – 2016. – No. 16. – S. 30–37.

References

- Betzin P.* Nurses in the Nazi Concentration Camp System: Self-Perception, Professional Ethics, and Service to Patients in the Prisoner's Infirmary and SS Hospital / P. Betzin. – Frankfurt am Main : Verlag Dr. Edgar Bönsch, 2018. – 599 p. [In Germ.]
- Das Gupta O.* How a Concentration Camp Guard Was Hired by the CIA and BND / O. Das Gupta // Süddeutsche Zeitung. – 2016. – September 6. – URL: <https://www.>

sueddeutsche.de/politik/kz-aufseherin-cia-bnd-1.3149351 (Date of access: 21.11.2023). [In Germ.]

Eichmuller A. No General Amnesty. The Prosecution of Nazi Crimes in the Early Federal Republic / A. Eichmuller. – Munich : Oldenbourg Verlag, 2012. – 476 p. [In Germ.]

Freudiger K. The Legal Appraisal of Nazi Crimes / K. Freudiger. – Tübingen : Mohr Siebeck, 2002. – 444 p. [In Germ.]

Harvey E. Women in the Nazi East. Agents and Witnesses of Germanization / E. Harvey. – New Haven ; London : Yale University Press, 2003. – 408 p. [In Engl.]

Jardim T. Ilse Koch on Trial Making the "Bitch of Buchenwald" / T. Jardim. – Harvard University Press, 2023. – 368 p. [In Engl.]

Jasch H.-Ch. The Holocaust in German Courts : Amnesty, Repression, Punishment / H.-Ch. Jasch, W. Kaiser. – Ditzingen : Reclam, 2017. – 263 p. [In Germ.]

Klee E. Auschwitz. Perpetrators, Accomplices, Victims and What Became of Them. Biographical Encyclopedia / E. Klee. – Frankfurt am Main : Fischer, 2013. – 506 p. [In Germ.]

Kompisch K. Perpetrators: Women in National Socialism / K. Kompisch. – Cologne : Böhlau, 2008. – 277 p. [In Germ.]

Koonz C. Mothers in the Fatherland. Women, the Family, and Nazi Politics / C. Koonz. – New York : St. Martin's Press, 1987. – 576 p. [In Engl.]

Lanwerd S. Women's and Gender History of National Socialism since the 1970s. State of Research, Changes, Perspectives / S. Lanwerd, I. Stoehr // Women's and Gender History of National Socialism. Questions, Perspectives, New Research / ed. J. Gehmacher, G. Hauch. – Innsbruck : Studienverlag, 2007. – Pp. 22–68. [In Germ.]

Lichtenstein H. Majdanek. Reportage of a Trial / H. Lichtenstein. – Frankfurt : Europäische Verlagsanstalt, 1979. – 188 p. [In Germ.]

Lower W. Hitler's Furies: German Women in the Nazi Killing Fields / W. Lower. – Boston : Houghton Mifflin Harcourt, 2013. – 288 p. [In Engl.]

Mailänder E. Our Mothers, Our Grandmothers. Research and Representation of Female Nazi Perpetration in Science and Society / E. Mailänder // National Socialist Perpetration. Aftermath in Society and Family / ed. O. von Wrochem, C. Eckel. – Berlin : Metropol, 2016. – Pp. 83–101. [In Germ.]

Muhlenberg J. The SS Women's Auxiliary Corps: Training, Deployment, and Denazification of Female Members of the Waffen-SS 1942–1949 / J. Mühlenberg. – Hamburg : Hamburger Ed., 2010. – 575 p. [In Germ.]

Müller-Münch I. The Women of Majdanek: The Devastated Lives of the Victims and the Murderers / I. Müller-Münch. – Reinbek near Hamburg : Rowohlt, 1982. – 183 p. [In Germ.]

Segev T. Simon Wiesenthal. The Biography / T. Segev. – Munich : W. J. Siedler Verlag, 2010. – 576 p. [In Engl.]

Schlink B. Guilt of the Past: Contributions to a German Theme / B. Schlink. – Zurich : Diogenes, 2007. – 187 p. [In Germ.]

Schmitz T. The Mare of Majdanek / T. Schmitz // Süddeutsche Zeitung Magazin. – 1996. – No. 50. – Pp. 16–26. [In Germ.]

The Nazi "Euthanasia" Operation "T4" and Its Victims: History and Ethical Consequences for the Present / ed. M. Rotzoll. – Paderborn : Schöningh, 2010. – 463 p. [In Germ.]

Weinke A. A Society Investigates Itself: the History of the Central Office Ludwigsburg 1958–2008 / A. Weinke. – Darmstadt : Wiss. Buchges., 2008. – 224 p. [In Germ.]

Zimmermann V. Contemporary History in the Courtroom. The Majdanek Trial 1975–1981 / V. Zimmermann // Einsicht 16. Bulletin of the Fritz Bauer Institute. – 2016. – No. 16. – Pp. 30–37. [In Germ.]

Для цитирования:

Грахоцкий А. П. «Бестии» Майданека на скамье подсудимых в Дюссельдорфе (1975–1981) // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 2(11). С. 7–20.

Recommended citation:

Grakhotsky A. P. «Brutes» of Majdanek in the dock in Dusseldorf (1975–1981) // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 2(11). Pp. 7–20.

Сведения об авторе

Грахоцкий Александр Павлович – начальник отдела международных связей Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: grahotsky@gsu.by

Information about author

Grakhotsky Alexander Pavlovich – Head of the Department of International Relations of the Francisk Skaryna Gomel State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

E-mail: grahotsky@gsu.by

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ВОТЧИННОГО НОРМОТВОРЧЕСТВА (XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)

И. К. Воронин

Дальневосточный государственный университет путей сообщения

Поступила в редакцию 10 декабря 2025 г.

Аннотация: в статье рассматривается правовая природа нормативных актов, исходящих не от государства, а от частных лиц – дворян-вотчинников. Акты представлены в виде различных приказов, инструкций, наставлений, выдаваемых в XVIII – первой половине XIX в. приказчикам и крепостным крестьянам крупными аристократами-землевладельцами (Орловыми, Шереметевыми, Строгановыми и другими). В них содержатся нормы, регламентирующие порядок управления вотчинами, должностные обязанности вотчинной администрации, имущественные правоотношения, санкции за правонарушения и проступки, совершенные крепостными крестьянами. Автор показывает взаимосвязь законодательства, вотчинного нормотворчества и обычного права крестьян.

Ключевые слова: вотчинное правотворчество, дворянин-вотчинник, крестьяне, приказчики, инструкции, наказания, приказы, вотчинная юстиция, вотчинное право.

LEGAL NATURE OF PATRIMONIAL RULE-MAKING (XVIII – FIRST HALF OF THE XIX CENTURIES)

I. K. Voronin

Far Eastern State Transport University

Abstract: the article examines the legal nature of normative acts emanating not from the state, but from private persons – nobles-patrimonial owners. They are presented in the form of various orders, instructions, instructions issued in the XVIII – first half of the XIX century to clerks and serfs by large aristocrats-landowners (the Orlovs, Sheremetevs, Stroganovs and others). They contain norms regulating the procedure for managing patrimonies, the official duties of the patrimonial administration, property legal relations, sanctions for offenses and offenses committed by serfs. The author shows the relationship between legislation, patrimonial rule-making and the customary law of peasants.

Key words: patrimonial law-making, nobleman-patrimonial owner, peasants, clerks, instructions, mandates, orders, patrimonial justice, patrimonial law.

Уникальными источниками права в нашей истории являются многочисленные нормативные акты в виде наставлений, приказов, инструкций и других документов, выдаваемых владельцами вотчин своим приказчикам, доверенным лицам, а порой и самим крестьянам вплоть до отмены крепостного права. Большинство современных авторов склонны употреблять применительно к ним термин «вотчинная юстиция», при этом имея в виду «...право феодала вершить суд над теми, кто проживал на принадлежавших ему землях»¹. Аналогичной позиции придерживается Л. Ю. Мхитарян. Она сторонник той точки зрения, что вотчинная юстиция есть особая форма суда, существовавшая в России со времени возникновения вотчин крупных феодалов². Вместе с М. А. Исаевым³ она рассматривает ее как один из столпов судебной системы Древней Руси, наряду с великокняжеским (государственным) и церковным судом. А. А. Елисеева, употребляя ту же терминологию, рассматривает вотчинный суд комплексно, как систему норм и правоприменительной деятельности, направленную на поддержание устойчивости крестьянского хозяйства⁴.

Расцвет «вотчинной юстиции», как полагают большинство авторов, приходится на XVIII – первую половину XIX в., когда, с одной стороны, право дворян распоряжаться крепостными ничем не ограничивается, а с другой – возрастает заинтересованность самих вотчинников в повышении устойчивости крестьянских хозяйств, втягивающихся в товарно-денежные отношения. Отсюда потребность самих вотчинников в урегулировании правоотношений, возникающих между крестьянами, между крестьянами и вотчинниками или их представителями. Термин «юстиция» в данном контексте является условным и не совсем точным. В общепринятом понимании – это система правоохранительной и правоприменительной деятельности государства, в которой реализуется судебная власть⁵. Однако, во-первых, нормы права, которые называют «вотчинной юстицией», исходили не от государства, а от частных лиц. Во-вторых, они охватывают не только процессуальные нормы, но

¹ История государства и права России: словарь терминов / авт.- сост. Н. М. Иванова. СПб., 2023. С. 10.

² См.: Мхитарян Л. Ю. Общая характеристика вотчинной юстиции в российской судебной системе // *Ex jure*. 2024. № 2. С. 78–88.

³ См.: Исаев М. А. История Российского государства и права: учебник. М., 2012. С. 37.

⁴ См.: Елисеева А. А. Вотчинная юстиция в системе владельческого патронирования крестьянства на примере верхневолжских вотчин графов Шереметевых в конце XVIII – первой половине XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-2. С. 86–89.

⁵ См., например: Толковый словарь русского языка / под. ред. Д. И. Ушакова. М., 1940. Т. IV, С – Ящурный. Стб. 1450.

и в значительной степени нормы материального права. Можно было бы воспользоваться другим термином – «вотчинное право». В частности, этой позиции придерживается В. А. Александров, изучавший сельскую общину⁶. Понятие «право» является более широким и более емким. Однако оно употреблялось в юридической литературе XIX в. исследователями, в частности, таким известным юристом, как К. П. Победоносцев, применительно к поземельным отношениям, объектом которых являются помещичьи имения-вотчины⁷. В этом контексте, как ни странно, термин «право» охватывает нормы исключительно материального характера, и только в одном аспекте – поземельных правоотношениях. В связи с этим мы полагаем, что более корректно употребление такого термина, как «вотчинное нормотворчество», субъектом которого были крупные дворяне-вотчинники.

Публикация документов, относящихся к вотчинному нормотворчеству, началась еще в XVIII в. самими его творцами⁸. Во второй половине XIX – начале XX в. эти документы вводились в научный оборот уже историками-профессионалами⁹. Особая роль в этом принадлежит М. В. Довнар-Запольскому, опубликовавшему серию таких документов¹⁰. Эстафета по публикации была подхвачена советскими учеными. Многие публиковали соответствующие комментарии и, таким образом, вводили рассматриваемые нормы в научный оборот¹¹. На их основе создаются монографии и научные труды¹². Наиболее полный их перечень дан в мо-

⁶ См.: Александров В. А. Сельская община в России (XVII – нач. XIX в.). М., 1976. С. 319–321.

⁷ См.: Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. М., 2002. 800 с.

⁸ См.: Воронцов Р. О способах к исправлению сельского домостроительства // Труды ВЗО. 1769. Т. V. С. 1–12; Болотов А. Т. Наказ управителю или приказчику, каким образом ему править деревнями в небытность своего господина // Там же. 1770. Т. XV. С. 95–218.

⁹ См.: Инструкция князей Грузинских. Сообщение А. И. Звездина // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Сб. статей, сообщений, описей дел и документов. Нижний Новгород, 1912. Т. 10. С. 49–57.

¹⁰ См.: Довнар-Запольский М. В. Материалы для истории вотчинного управления в России // Университетские известия. Киев, 1904. № 7. С. 65–96; Его же. Материалы для истории вотчинного управления в России // Там же. Киев, 1909. № 7. С. 193–240; Его же. Материалы для истории вотчинного управления в России // Там же. Киев, 1910. № 11. С. 241–288.

¹¹ См.: Устюгов Н. В. Инструкция вотчинному приказчику первой четверти XVIII в. // Исторический архив. М.; Л., 1949. Т. IV. С. 150–183; Андреев А. И. Наказ вотчинника крестьянам 1709 г. // Там же. М., 1953. Т. VIII. С. 269–277; Петровская И. Ф. Наказы вотчинным приказчикам первой четверти XVIII в. // Там же. С. 221–225.

¹² См.: Шереметев П. Б. Инструкция ярославской моей вотчины Юхоцкой волости приказчику, а в небытность приказчика исполнения по ней чинить выборным, определенным вместо приказчика // Щенетов К. Н. Крепостное право в вотчинах Шереметевых. М., 1947. С. 269–285.

нографии А. А. Александрова – советского исследователя русской крестьянской общины. Всего им обнаружено 47 инструкций (наказов) для крестьян и управляющих, исходящих от помещиков. Однако этот список нельзя назвать полным, так как в нем указаны только опубликованные инструкции и документы, хранящиеся в фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА, г. Москва)¹³. Эти нормативные акты родились в недрах вотчин крупных дворян-землевладельцев: Борятинских¹⁴, Орловых-Давыдовых¹⁵, Паниных и Блудовых¹⁶, Нарышкиных¹⁷, Строгановых¹⁸, Самариных¹⁹, Мещерских²⁰, Щербатовых²¹. Однако ряд актов, принадлежащих Шереметевым, хранится в Российском государственном историческом архиве (РГИА, г. Санкт-Петербург)²² и частично введен в научный оборот А. А. Елисеевой²³. Полагаем, что работа по их выявлению, анализу и введению в научный оборот учеными-историками права только начинается.

Появление и расцвет вотчинного нормотворчества обусловлены спецификой и потребностями XVIII столетия. В Соборном уложении 1649 г. и последующих общегосударственных актах законодатель намеренно оставил пробелы в системе государственных норм, касающихся взаимоотношений вотчинников и подвластных им крестьян. Вотчинное правотворчество развивалось в неразрывной связи с утверждением абсолютизма в России. Целью «регулярного государства», каким Петр I видел Россию, по мнению современных исследователей, было благо народа, которое мыслилось им как сильная власть, законность, подчинение и рациональность²⁴. Модель взаимоотношений между императором и его подданными естественным образом переносилась на отношения между дворянами и их крепостными. Екатерина II, обоснованно считавшая-

¹³ См.: Александров В. А. Указ. соч. С. 319–321.

¹⁴ РГАДА. Ф. 1255. Оп. 3. Д. 710. Лл. 1–22.

¹⁵ Там же. Ф. 1278. Оп. 1, ч. 1. Д. 678. Лл. 6–42; Там же. Ф. 1273. Оп. 1, ч. 4. Д. 2763. Лл. 1–24; 25–30.

¹⁶ Там же. Ф. 1274. Оп. 1, ч. 2. Д. 1117. Лл. 1–29.

¹⁷ Там же. Ф. 1272. Оп. 2. Д. 28. Лл. 29–31 л. об., 39 л–39 л. об.

¹⁸ Там же. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 389. Лл. 1–3 л. об.

¹⁹ Там же. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 223. Лл. 1–41; Там же. Оп. 1. Д. 745. Лл. 1–18; Там же. Оп. 1. Д. 746. Лл. 1–16 л. об; Там же. Оп. 1. Д. 747. Лл. 1–26 л. об.

²⁰ Там же. Ф. 1378. Оп. 1. Д. 739. Лл. 1–29.

²¹ Там же. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 358. Л. 1–22; Оп. 1. Д. 772. Л. 7–33; Там же. Д. 183. Л. 13–44.

²² РГИА. Ф. 1088. Оп. 3 д. 317. Лл. 1–56.

²³ См.: Елисеева А. А. Инструкции приказчикам как источник изучения вотчинного хозяйства (на примере вотчин Шереметевых) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 5(55) : в 2 ч. Ч. I. С. 66–69.

²⁴ См.: Козлова Ю. А. К проблеме построения регулярного государства при Петре I // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т. 12, № 4. С. 20.

ся достойной преемницей Петра Великого, в своем знаменитом наказе, по нашему мнению, проводит две ключевые идеи. Первая – идея законности и права, вторая – исключительная роль «благородных» в устроении этого правового порядка. Именно «благородным», т.е. дворянам, с молчаливого согласия абсолютистского государства, давалось право заполнить правовой вакуум.

Автор Уложения для вотчины Симбилейской граф В. Г. Орлов в преамбуле к нему писал: «С того времени, как я купил Вашу вотчину, насылались к Вам приказы за подписанием моим и за подписанием конторщиков моих. Я рассудил сочинить уложение для других моих вотчин, оное способно и для Вашей, в нем содержатся правила по всегдашнему исполнению чрез собрание сих правил в одно сие уложение доставившиеся и конторе моей и *Вашему правлению большое облегчение в отправлении дел* (выделено нами. – И. В.). Сие уложение подписано мною. Еже ли в оном найдется та или другая статья темна или неполна для вас, то пишете ко мне о сем обстоятельно»²⁵. Как видим, и самому младшему брату Григория Орлова – знаменитого фаворита Екатерины II – были не чужды идеи общего блага. Этой идеи, понимаемой, безусловно, по-своему, придерживались и другие представители вотчинного нормотворчества. В частности, один из представителей рода Шереметевых, оставивших богатое нормотворческое наследие, Петр Борисович (1713–1788), сам непосредственно участвовал в работе Уложенной комиссии Екатерины II от дворян Санкт-Петербурга²⁶.

По форме и содержанию нормативные акты, вышедшие из-под пера владельцев крупных вотчин XVIII – первой половины XIX столетия, можно разделить на несколько видов. Вплоть до конца первой половины XVIII в. превалируют акты правоприменительного характера, т.е. различные приказы и распоряжения по какому-либо конкретному случаю, адресованные вотчинным приказчикам или бурмистрам, последними могли назначаться старосты из крестьян. Эти акты не были рассчитаны на многократное применение, носили разовый характер. Параллельно с этим появляются всевозможные инструкции и наставления по частным случаям ведения вотчинного хозяйства.

По содержанию их можно условно разделить на две части. Одни из них носили «технический» характер и обобщали, главным образом, практику агрономических и зоотехнических мероприятий. В частности, содержали агрономический календарь: когда, как и какие культуры се-

²⁵ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1, ч. 4. Д. 2763. Л. 31 об.

²⁶ См.: Баранов П. И. Шереметев, Петр Борисович // Русский биографический словарь : в 25 т. Т. 23 (1911), Шебанов – Шютц. С. 187–190.

ять и убирать, как хранить полученную продукцию²⁷. В такого рода инструкциях можно встретить рекомендации, как выращивать гусей или уток, разводить породистых лошадей. Эти документы являются важным источником знаний об уровне развития агро- и зоотехнологий. Они свидетельствуют о незаурядных познаниях их авторов в области сельскохозяйственных наук. Недаром такого рода документы печатались ими в трудах Императорского Вольного экономического общества – детища «просвещенного абсолютизма» Екатерины II, созданного в 1765 г. «...для скорейшего распространения земледельческих и домо-строительных познаний»²⁸.

Второго рода нормативные акты, созданные владельцами вотчин, регулировали отношения, складывающиеся непосредственно между ними и их крестьянами, между самими крестьянами внутри крестьянской общины, а также содержали алгоритм действий их приказчиков (доверенных) в тех или иных типичных обстоятельствах. Такие нормативные акты имеют собственно юридический характер. И хотя они исходят непосредственно от частных лиц – владельцев вотчин, а не от органов государственной власти, тем не менее по умолчанию первые выступали в роли агентов публичной власти. Наиболее характерны в этом плане должностные инструкции, адресованные различным должностным лицам вотчинной администрации (бурмистрам, старостам, десятским, сотским и др.)²⁹.

По мере накопления нормативных актов у их творцов возникала потребность в их обобщении и упорядочении. Появляются на свет общие инструкции и наставления приказчикам и крестьянам, а затем и уложения по управлению вотчинами. Логика таких действий прослеживается в процитированной нами преамбуле Уложения для вотчины Симби-лейской графа В. Г. Орлова (датировано архивистами 1796 г.). Такой же логики позднее придерживались и составители Свода законов Российской империи, которые стремились не столько прописать новые нормы, сколько обобщить и систематизировать уже имеющиеся.

Несмотря на то, что каждый вотчинник составлял свои уложения самостоятельно, по структуре они были весьма схожи. Первый блок включал в себя статьи, регламентирующие порядок управления имениями, включая сюда должностные инструкции вотчинной администрации. Затем могли следовать нормы, регулирующие выполнение полицейских функций вотчинной администрацией. Здесь же могли быть нормы, ре-

²⁷ См.: Мордвинов Н. С. Некоторые замечания для управителей земледельческих помеществ. СПб., 1834. [2], 14 с.

²⁸ Ходнев А. И. История Императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 года. СПб., 1865. С. 98.

²⁹ См.: Довнар-Запольский М. В. Материалы для истории вотчинного управления в России // Университетские известия. Киев, 1909. № 7. С. 222–224.

гламентирующие разрешение споров и конфликтов между крестьянами и вотчинной администрацией, меры наказания виновных крестьян. Отдельный блок статей посвящался взаимоотношениям вотчинного правления с крестьянской общиной. В частности, следовали указания по созыву мирских сходов, разделу крестьянских семей. При этом вотчинники стремились не допустить ослабления отдельных крестьянских хозяйств. Они пытались всеми силами перекрыть каналы, по которым «исправные» крестьяне могли выбыть из вотчины (путем выдачи девок замуж, отдачи парней в рекруты, продажи крестьян и т.п.). Много внимания в этих актах уделялось конкретным рекомендациям по ведению хозяйственной деятельности.

Нормативные акты вотчинников действовали по времени, в пространстве и по кругу лиц. Как правило, инструкции, уложения и др. акты вступали в силу с момента их появления в вотчинной конторе или объявления их крестьянам на сходе. Сроки действия также не оговаривались. Тем не менее инструкция 1764 г. приказчикам графа П. Б. Шереметева принципиально мало изменилась и просуществовала вплоть до реформы 1861 г.³⁰ Упомянутый нами документ, начертанный рукой Орлова, пожалуй, является исключением, так как в нем оговаривается срок прекращения действия инструкции – 1 января 1898 г. Вполне логично предположить, что данные нормативные акты действовали на территории дворянских вотчин. Тем не менее и здесь есть один нюанс. Первоначально они издавались владельцем для каждой вотчины отдельно и лишь в конце XVIII – начале XIX в. появляются универсальные акты, стремящиеся предусмотреть всё до мельчайших деталей в управлении всех имений. Одними из богатейших в России было семейство Шереметевых. На пике могущества им принадлежало до 200 тыс. душ мужского пола. Огромными владениями обладали семейства Строгановых, Орловых, Юсуповых и других сиятельных и титулованных особ Российской империи.

Даваемые вотчинниками инструкции, наставления, а затем и уложения, с одной стороны, соотносятся с общегосударственным законодательством, а с другой – с обычным правом крестьян. Примером тому служат инструкции, определяющие меру ответственности крестьян, совершивших те или иные проступки или преступления. В качестве наказания были: битье кнутом, заковывание в цепи, кратковременные аресты и разного рода штрафы или натуральные повинности. В то же время, в отличие от польской шляхты, творившей полный произвол, вплоть до казни крестьян в родовых поместьях³¹, в России это было строжайше

³⁰ См.: Елисеева А. А. Инструкции приказчикам как источник изучения вотчинного хозяйства (на примере вотчин Шереметевых). С. 68.

³¹ См.: *Боплан Гийом ле Вассер де*. Описание Украины : пер. с фр. СПб., 1832. С. 9, 111.

запрещено. Более того, патологически жестокий помещик лишался дееспособности. Однако это, на наш взгляд, нельзя рассматривать как уголовное наказание, поскольку такой помещик приравнялся к моту, не способному контролировать распоряжение своим имуществом. Надо иметь в виду, что, получив неограниченную власть над крестьянами, русский помещик-дворянин оставался в рамках общероссийского законодательства: согласно Соборному уложению, он не мог лишать своих крестьян жизни³². Это обстоятельство отложило отпечаток и на вотчинное нормотворчество.

В рассматриваемых нами нормативных актах прослеживается тенденция вмешательства во внутреннюю жизнь крестьянской общины. Тем не менее вотчинники вынуждены были считаться с нормами обычного права, выработанными крестьянами независимо от их владельцев на протяжении длительного существования крестьянского мира. Так, граф П. Б. Шереметев в инструкции приказчику Муромской вотчины села Карачарова писал: «После умерших крестьян движимое и недвижимое имение их наследником по челобитью их делить по ниже писанному, а без челобитья их в раздел не вступать на раздел чинить без взяток»³³. Это практически означало, что приказчик мог вмешиваться в процесс раздела имущества только в том случае, если община и крестьянское семейство из-за возникших разногласий не могли это сделать самостоятельно. Еще более характерной была позиция Строгановых по отношению к обычному праву, сложившемуся в их имениях. Неизвестный нам приказчик их имений писал в 1827 г., что «...при составлении проекта того я соблюдал: 1. Приспособление к тем Пермским крестьянским обычаям, кои в них издавна укоренились и в понятиях их приняли вид законности»³⁴. Далее неизвестный корреспондент Строгановых разъяснял, что он имел в виду: «Господа Строгоновы, приобрет владельческое право на людей, добровольно на земли их поселившиеся, не уничтожили дарованного крестьянам права на потомственное владение землями»³⁵. Предполагалось не только по умолчанию принимать нормы обычного права, сложившиеся среди крестьян на Южном Урале еще в конце XVII–XVIII вв., но и «узаконить» их, инкорпорировав в вотчинное нормотворчество.

Итак, вотчинное нормотворчество, а вернее, его результаты являются, наряду с государственным правом, нормами обычая, важным источником регулирования правоотношений, складывающихся в имениях крупных

³² См.: Уложение 1649 г. // ПСЗРИ. Т. 1649. Январь, 29. Гл. XXI. Ст. 79.

³³ Довнар-Запольский М. В. Материалы для истории вотчинного управления в России // Университетские известия. Киев, 1909. № 7. С. 90.

³⁴ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2, ч. 3. Д. 4294. Л. 1 об.

³⁵ Там же. Л. 1. Об. 4.

землевладельцев между крестьянами-общинниками, с одной стороны, и вотчинниками, их приказчиками, с другой. Оно позволяло заполнить правовой вакуум, образовавшийся после принятия Соборного уложения 1649 г. Его специфика заключалась в том, что субъектом нормотворчества было не государство, а частные лица, которым государство фактически делегировало публичные функции.

Библиографический список

Александров В. А. Сельская община в России (XVII – нач. XIX в.) / В. А. Александров. – М. : Наука, 1976. – 323 с.

Андреев Н. В. Наказ вотчинника крестьянам 1709 г. / Н. В. Андреев // Исторический архив. – М., 1953. – Т. VIII. – С. 269–277.

Баранов П. И. Шереметев, Петр Борисович / П. И. Баранов // Русский биографический словарь : в 25 т. – Т. 23 (1911), Шебанов – Шютц. – С. 187–190.

Болотов А. Т. Наказ управителю или приказчику, каким образом ему править деревнями в небытность своего господина / А. Т. Болотов // Труды ВЭО. – 1770. – Т. XV. – С. 95–218.

Боплан Гийом ле Вассер де. Описание Украины / Гийом ле Вассер де Боплан. – СПб. : Тип. К. Крайя, 1832. – XX, 179 с.

Воронцов Р. О способах к исправлению сельского домостроительства / Р. Воронцов // Труды ВЭО. – 1769. – Т. V. – С. 1–12.

Довнар-Запольский М. В. Материалы для истории вотчинного управления в России / М. В. Довнар-Запольский // Университетские известия. – Киев, 1904. – № 7. – С. 65–96.

Довнар-Запольский М. В. Материалы для истории вотчинного управления в России / М. В. Довнар-Запольский // Университетские известия. – Киев, 1909. – № 7. – С. 193–240.

Довнар-Запольский М. В. Материалы для истории вотчинного управления в России / М. В. Довнар-Запольский // Университетские известия. – Киев, 1910. – № 11. – С. 241–288.

Елисеева А. А. Вотчинная юстиция в системе владельческого патронирования крестьянства на примере верхневолжских вотчин графов Шереметевых в конце XVIII – первой половине XIX века / А. А. Елисеева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 11-2. – С. 86–89.

Елисеева А. А. Инструкции приказчикам как источник изучения вотчинного хозяйства (на примере вотчин Шереметевых) / А. А. Елисеева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 5(55) : в 2 ч. – Ч. I. – С. 66–69.

Инструкция князей Грузинских. Сообщение А. И. Звездина // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии : сб. статей, сообщений, описей дел и документов. – Нижний Новгород : Нижегородская ученая архивная комиссия, 1912. – Т. 10. – С. 49–57.

Исаев М. А. История Российского государства и права : учебник / М. А. Исаев. – М. : Статут, 2012. – 839 с.

История государства и права России : словарь терминов / авт.-сост. Н. М. Иванова. – СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2023. – 52 с.

Козлова Ю. А. К проблеме построения регулярного государства при Петре I / Ю. А. Козлова // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. – 2022. – Т. 12, № 4. – С. 19–27.

Мордвинов Н. С. Некоторые замечания для управителей земледельческих поместьев / Н. С. Мордвинов. – СПб. : Тип. Н. Греча, 1834. – 14 с.

Мхитарян Л. Ю. Общая характеристика вотчинной юстиции в российской судебной системе / Л. Ю. Мхитарян // Ex jure. – 2024. – № 2. – С. 78–88.

Петровская И. Ф. Наказы вотчинным приказчикам первой четверти XVIII в. / И. Ф. Петровская // Исторический архив. – 1953. – Т. VIII. – С. 221–225.

Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права / К. П. Победоносцев. – М. : Статут, 2002. – 800 с.

Толковый словарь русского языка / под. ред. Д. И. Ушакова. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. – Т. IV, С – Ящурный. – 1502 с.

Устюгов Н. В. Инструкция вотчинному приказчику первой четверти XVIII в. / Н. В. Устюгов // Исторический архив. – 1949. – Т. IV. – С. 150–183.

Ходнев А. И. История Императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 года / А. И. Ходнев. – СПб. : Типография Товарищества «Общественная польза», 1865. – 667 с.

Шереметев П. Б. Инструкция ярославской моей вотчины Юхоцкой волости приказчику, а в небытность приказчика исполнения по ней чинить выборным, определенным вместо приказчика / П. Б. Шереметев // Щепетов К. Н. Крепостное право в вотчинах Шереметевых / К. Н. Щепетов. – М. : Издание дворца-музея Останкино, 1947. – С. 269–285.

References

Aleksandrov V. A. Rural community in Russia (XVII – early XIX centuries) / V. A. Aleksandrov. – Moscow : Nauka, 1976. – 323 p.

Andreev N. V. Instructions of the patrimonial owner to the peasants in 1709 / N. V. Andreev // Historical archive. – Moscow, 1953. – Т. VIII. – Pp. 269–277.

Baranov P. I. Sheremetev, Petr Borisovich / P. I. Baranov // Russian biographical dictionary : in 25 vol. – Т. 23 (1911), Shebanov – Schutz. – Pp. 187–190.

Beauplan Guillaume le Vasseur de. Description of Ukraine / Guillaume le Vasseur de Beauplan. – St. Petersburg : Type. K. Kraya, 1832. – XX, 179 p.

Bolotov A. T. Instructions to the manager or clerk on how he should manage the villages during the absence of his master / A. T. Bolotov // Works of the VEO. – 1770. – Т. XV. – Pp. 95–218.

Dovnar-Zapolsky M. V. Materials for the history of patrimonial management in Russia / M. V. Dovnar-Zapolsky // University News. – Kiev, 1904. – No. 7. – Pp. 65–96.

Dovnar-Zapolsky M. V. Materials for the history of patrimonial management in Russia / M. V. Dovnar-Zapolsky // University News. – Kiev, 1909. – No. 7. – Pp. 193–240.

Dovnar-Zapolsky M. V. Materials for the history of patrimonial management in Russia / M. V. Dovnar-Zapolsky // University News. – Kiev, 1910. – No. 11. – Pp. 241–288.

Eliseeva A. A. Instructions to clerks as a source for studying the patrimonial economy (using the Sheremetev patrimonies as an example) / A. A. Eliseeva // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Theoretical and practical issues. – 2015. – No. 5(55) : in 2 parts. – Part I. – Pp. 66–69.

Eliseeva A. A. Patrimonial justice in the system of owner patronage of the peasantry on the example of the Upper Volga patrimonies of the Sheremetev counts in the late 18th – first half of the 19th century / A. A. Eliseeva // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Theoretical and practical issues. – 2015. – No. 11-2. – Pp. 86–89.

Explanatory dictionary of the Russian language / ed. D. I. Ushakov. – Moscow : State publishing house of foreign and national dictionaries, 1940. – Vol. IV, S – Yashchurny. – 1502 p.

History of the state and law of Russia: dictionary of terms / author-compiled. N. M. Ivanova. – St. Petersburg : St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2023. – 52 p.

Instructions of the Georgian princes. Message of A. I. Zvezdin // Actions of the Nizhny Novgorod provincial scientific archival commission. Collection of articles, messages, inventories of cases and documents. – Nizhny Novgorod : Nizhny Novgorod scientific archival commission, 1912. – Vol. 10. – Pp. 49–57.

Isaev M. A. History of the Russian state and law : textbook / MGI-MO (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia / M. A. Isaev. – Moscow : Statut, 2012. – 839 p.

Khodnev A. I. History of the Imperial Free Economic Society from 1765 to 1865 / A. I. Khodnev. – St. Petersburg : Printing house of the “Public Benefit” Partnership, 1865. – 667 p.

Kozlova Yu. A. On the problem of building a regular state under Peter I / Yu. A. Kozlova // From the history and culture of the peoples of the Middle Volga region. – 2022. – V. 12, No. 4. – Pp. 19–27.

Mkhitaryan L. Yu. General characteristics of patrimonial justice in the Russian judicial system / L. Yu. Mkhitaryan // Ex jure. – 2024. – No. 2. – Pp. 78–88.

Mordvinov N. S. Some remarks for managers of agricultural estates / N. S. Mordvinov. – St. Petersburg : Type. N. Grecha, 1834. – 14 p.

Petrovskaya I. F. Instructions to patrimonial clerks of the first quarter of the 18th century / I. F. Petrovskaya // Historical archive. – 1953. – Vol. VIII. – Pp. 221–225.

Pobedonostsev K. P. Course of civil law. First part: Patrimonial rights / K. P. Pobedonostsev. – Moscow : Statut, 2002. – 800 p.

Sheremetev P. B. Instructions to the clerk of my Yaroslavl patrimony of the Yukhotsk volost, and in the absence of the clerk, the execution of it is to be carried out by an elected person appointed in place of the clerk / P. B. Sheremetev // *Shchepetov K. N.* Serfdom in the Sheremetev patrimonies / K. N. Shchepetov. – Moscow : Ostankino Palace Museum Publishing House, 1947. – Pp. 269–285.

Ustyugov N. V. Instructions to the patrimonial clerk of the first quarter of the 18th century / N. V. Ustyugov // Historical archive. – 1949. – Vol. IV. – Pp. 150–183.

Vorontsov R. On methods for correcting rural house-building / R. Vorontsov // Proceedings of the VEO. – 1769. – T. V. – Pp. 1–12.

Для цитирования:

Воронин И. К. Правовая природа вотчинного нормотворчества (XVIII – первая половина XIX в.) // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 2(11). С. 21–32.

Recommended citation:

Voronin I. K. Legal nature of patrimonial rule-making (XVIII – first half of the XIX centuries) // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 2(11). Pp. 21–32.

Сведения об авторе

Воронин Иван Константинович – доцент кафедры теории и истории государства и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: voronin@festu.khv.ru

Information about author

Voronin Ivan Konstantinovich – Associate Professor of the Chamber of Theory and History of State and Law of Far Eastern State Transport University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

E-mail: voronin@festu.khv.ru

УДК 340.01

МОНОЛОГИЧНОСТЬ ПРАВОВОГО КОНФЛИКТА КАК ФАКТОР КОНСТРУИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА

И. Б. Ломакина

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации*

Поступила в редакцию 19 февраля 2025 г.

Аннотация: показаны общеправовые проблемы понимания монологической коммуникации как фактора конструирования правового пространства, в котором конфликтность проистекает из природы социальных отношений. Утверждается необходимость изучения монологизма и диалогизма в философском и теоретико-правовом измерении. Рассматриваются межкультурные конфликты. Доказывается, что диалог, конструирующий идентичность в рамках одной социальной системы, в потенции расширяет горизонты нормальной коммуникации, включая других (другого) в себя, а также что коммуникация, основанная на взаимном признании и уважении, не может быть абстракцией, иначе она превращается в монолог или в симулякр диалога, за которым может скрываться любое беззаконие, включая массовый геноцид. Монологическое конструирование правового пространства показывает мир через призму тотальности и «одноправдивости».

Ключевые слова: монолог, диалог, юридический конфликт, дискурс, коммуникация.

THE MONOLOGUE OF A LEGAL CONFLICT AS A FACTOR IN THE CONSTRUCTION OF A LEGAL SPACE

I. B. Lomakina

*St.-Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation*

Abstract: the author of the article shows the general philosophical problems of understanding monological communication as a factor in constructing a legal space in which conflict arises from the nature of social relations. The

© Ломакина И. Б., 2025

necessity of studying monologism and dialogism in the philosophical and theoretical-legal dimension is argued. The article discusses intercivilizational conflicts. The author proves that a dialogue that constructs identity within the framework of one social system potentially expands the horizons of normal communication, including others (the other) in itself. It is proved that communication based on mutual recognition and respect for another cannot be an abstraction, otherwise it turns into a monologue or a simulacrum of dialogue, which can hide any outrage, including mass genocide. The monological construction of the legal space shows the world through the prism of totality and "one-truthfulness".

Key words: monologue, dialogue, legal conflict, discourse, communication.

Монологизм – это не один голос, а один логос...
при любом количестве голосов имеется среди них один,
который втягивает все остальные в свою «логосферу»¹.

Л. А. Гоготишвили

Проблемам диалогизма посвящено достаточно большое количество работ как философской, так и юридической направленности. Совсем наоборот обстоят дела с монологизмом, особенно в части его понимания правоведческим дискурсом. Между тем, как нам представляется, именно монологизм выступает катализатором конфликта, а посему именно теоретической юриспруденции предстоит восполнить существующий пробел.

Рассмотрим философские основы монологизма. М. М. Бахтин в одной из своих многочисленных работ усматривает в монологизме связь с «идеологизмом», утверждая, что последний не терпит рядом с собой правды, отличной от своей². Поэтому монологическую коммуникацию он называет «одноправдивой». Современный исследователь творчества Бахтина Л. А. Гоготишвили продолжает намеченную философом линию рассуждения. «Монологизм», в ее понимании, – «это не один голос, а один логос... при любом количестве голосов имеется среди них один, который втягивает все остальные в свою “логосферу”»³.

«Монологизм» с философской точки зрения, по мнению Бахтина, это идеалистическое мировоззрение. Внешний мир вторичен по отношению к «монологическому» сознанию, так как в замысле последнего мир игра-

¹ Гоготишвили Л. А. Двуголосие в соотношении с монологизмом и полифонией (мягкая и жесткая версии интерпретации идей М. М. Бахтина) // Бахтинский сборник. М., 2004. Вып. 5.

² См.: Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 2, Записи курса лекций по истории русской литературы, 1922–1927.

³ Гоготишвили Л. А. Указ. соч. С. 338.

ет лишь функцию ценностно нейтрального фона. В «монологическом замысле... построение этого мира – с его точками зрения и завершающими определениями – предполагает устойчивую позицию вовне, устойчивый авторский кругозор... и дано на твердом фоне внешнего мира»⁴.

Бахтинский «твердый мир» – это не «твердость» в буквальном смысле, а продукт активности идеологического сознания, результат его идеалистического «вывода»: «Идеология как вывод, как смысловой итог изображения при монологическом принципе неизбежно превращает изображенный мир в безгласный объект этого вывода»⁵.

Так, по мысли исследователя, «идеологизм», осознав свою укорененность в одном-единственном сознании, становится – «монологизмом». Таким образом, монологизм – это эго-персонализм с идеологическим уклоном, в нем обнаруживает себя монополия на истинное знание. Индивид с помощью «идеологичности» конструирует мир. Поэтому, вопрошая: «Что такое монологизм в высшем смысле?» – М. М. Бахтин отвечает: «Отрицание равноправности сознаний в отношении к истине... Монологизм в пределе отрицает наличие вне себя другого равноправного и ответно-равноправного сознания, другого равноправного “я” (“ты”»⁶. Анализируя данные умозаключения, можно прийти к утверждению, что для такого рода философии, всё другое – это лишь сотворенные сущности, «объекты вывода». Самодостаточность обретается тоталитарностью авторской идеологии, и ей подчиняется весь мыслимый автором мир.

Несомненно, философия (и методология) монологизма включает непростые вопросы, на которые сложно ответить. Так, например, может ли монолог существовать без диалога, каковы механизмы перехода одного в другое и где эти точки пересечения? Не менее важный вопрос: кто может претендовать на монологизм и как долго будет его тотальность распространяться на другого (их)?

Как справедливо полагает И. Л. Честнов, «...человек является самим собой и “другим” – образом обобщенного социально значимого представителя социального (и правового) статуса. Любая социальная интеракция предполагает проекцию образа типичного на конкретного человека (или подведение единичного – этого данного индивида под типичное, включая процесс юридической квалификации). Такого рода типизации лежат в основе категоризации мира и когнитивного (шире – психического) его восприятия. Важно, чтобы имело место партнерское равноправие, выработка совместно признаваемого решения, а не навязывание своей воли

⁴ Бахтин М. М. Указ. соч. С. 50.

⁵ Там же. С. 64.

⁶ Там же. С. 184, 192.

другим»⁷. Таким образом, диалог – это партнерская коммуникация, в которой монолог исключен, но монолог может возникнуть в любой момент, и этот момент не так просто отследить.

Общественные отношения – это отношения, в которых не только «я» и «ты» выступаем («лицом-к-лицу») друг другу, но и отношения статусов (ролей), которые превратили меня и тебя в других, носителей обезличенных статусов. При этом «я» невозможно без «ты», выступающего как сперва значимый другой, а затем – любой другой. Поэтому «я» формируется в диалоге с «ты» как с другим, при этом если «я» и «ты» признаем друг друга и наш союз обеспечивает нам большую безопасность, нежели мы были бы каждый по себе, то «я» и «ты» уже не просто два индивида, а «я» и «ты» это – мы. Наше мы есть результат диалога, в котором может преобладать в большей степени коллективное и в меньшей – индивидуальное.

Эти абстрактные размышления в примитивной форме показывают существование двух противоположных типов коммуникации. Если это утверждение экстраполировать на уровень коллективных объединений, то можно признать, что существуют два типа культур: индивидуалистические (как правило – западные) и холистические (восточные)⁸. Разделение культур на западные и восточные отчасти выглядит схематично и упрощенно, но иные классификации еще хуже, поскольку практически не выявляют сущностные различия в их антрополого-правовом измерении.

Возьмем за рабочую гипотезу идею о существовании двух цивилизационных векторов развития. Один являет западный вектор, второй – восточный. Рассмотрим позиции ведущих социологов на проблему коммуникации между ними, предварительно обозначив проблему того, что не каждая коммуникация есть диалог и не каждый диалог бывает между равнодостоинными и равноправными коммуникантами. При этом, как мы писали ранее в одной из своих работ, не противопоставляя Запад и Восток, не вынося оценок о дальнейших перспективах их развития, всё же в экзистенциальном отношении западный и восточный вектор не тождественны. В то же время они предлагают друг другу альтернативные глобальные проекты, порой используя в коммуникативных практиках не только диалог, но и монолог с применением силового ресурса (крестовые походы, опиумные войны, колонизация Индии, Америки, Австралии и Африки). Конечно, нельзя сводить всемирную историю только к череде бесконечных войн и конфликтов, но и иллюзии по поводу «прекрасного

⁷ Честнов И. Л. Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности. СПб., 2000. С. 28.

⁸ См.: Ломакина И. Б. Ориенталистская традиция понимания восточной государственности // Криминалист. 2024. № 1.

и мирного сосуществования» питать тоже вряд ли стоит. Поэтому проблема диалогизма и монологизма в социальной жизни в целом и в праве в частности, как нормативном порядке ее выражения, требует нового осмысления существования и взаимодействия цивилизаций⁹.

Весьма любопытно взглянуть на процесс складывания миропорядка глазами его создателей и идейных вдохновителей, речь идет о Новом времени. Времени, когда политическая карта мира изобиловала новыми (вновь открытыми) материками и континентами. Времени, когда диалог и монолог переплетались между собой, являя миру уникальные политические и культурные формы человеческого бытия. И в связи с этим небезынтересны мысли «социальных архитекторов», конструирующих этот новый мир. Особенно это интересно потому, что они свои мысли еще не табуировали политкорректными фразами, а показывали процесс так, как он есть на самом деле.

Так, например, Адам Фергюсон, представитель шотландского Просвещения, в книге «Опыт истории гражданского общества» (1767) весьма искренне писал, что человеческие группы не существуют сами по себе, они всегда существуют в соотношении с другими эквивалентными человеческими группами. Эти группы организуются одни против других. «Понятия “сограждане”, “земляки”, не будучи противопоставлены понятиям “чужаки”, “иноземцы”... вышли бы из употребления и утратили всякий смысл. Отдельных людей мы любим за их личные качества; страну же нашу мы любим, так как она составляющая часть человечества...»¹⁰.

В целом, соглашаясь с идейной позицией Фергюсона, современный французский историк и социолог Эммануэль Тодд прозорливо замечает, что «появление Франции и Англии является великолепной иллюстрацией данного явления. В Средние века каждое из этих двух государственных образований определится одно против другого»¹¹.

Возвращаясь к гуманистическому наследию Фергюсона, Э. Тодд сочувственно заключает, что, несмотря на весь либеральный флер, всё же внутренняя мораль определенного общества связана с его безнравственностью во внешних делах. Именно враждебность к другой группе заставляет одних быть солидарными со своей собственной группой. И далее он пишет, что «без соперничества наций и военных упражнений, гражданское общество едва ли оформилось, обрело цель существования.

⁹ См.: Ломакина И. Б. Традиции и инновации в контексте существования цивилизаций восточного и западного типа // Изменения в праве: новаторство и преемственность : монография / авт. колл. ; под общ. ред. Д. Е. Мерешкина, С. Л. Сергеевнина, Н. В. Разуваева. СПб., 2022.

¹⁰ Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. М., 2000. С. 57–58.

¹¹ Тодд Э. Поражение Запада. М., 2024. С. 30.

...тщетно было бы надеяться, что мы сможем внести в народ в массе чувство единения, не подтвердив враждебности к оппонентам. Если бы мы могли взять и истребить в какой-либо нации чувство неприязни к иноземцам, тем самым мы, вероятно, разорвали или ослабили бы спланирующие ее внутренние узы и вычеркнули бы из национальной истории самые бурные массовые сцены и излияния чувств»¹².

Вместе с тем, несмотря на противоречия, о которых писали Фергюсон и Тодд, несмотря на кровопролитные войны и династические заговоры, борьбу между католиками и протестантами с кровавой Варфоломеевской ночью, нет оснований полагать, что в рамках европейского социокультурного контекста не существовало диалога. Диалог между варварскими королями и католическим престолом был всегда, а конструируемая средневековыми схоластами картина мира находила отклик в сердце каждого, кто мыслил себя европейцем. Поэтому, как отмечает Ивэр Нойманн в блестящей работе по социологии международных отношений «Использование Другого: Образы Востока в формировании европейских идентичностей», сам термин Европа возникает в результате вражды воинов папы Римского с иноверцами «маврами» и «сарацинами»¹³.

Поэтому, несмотря на существующие противоречия, европейский мир вмещал в себя единое ценностное ядро. Поэтому Эдмунд Бёрк, разрабатывая концепцию единой Европы, прозорливо восклицает, что европейцев объединяет единая культура, в основе которой лежит монархическое правление, христианская религия, наследие римского права и древние германские обычаи, а также феодальные институты¹⁴.

На наш взгляд, именно католическая религия и римское право сыграли существенную роль в формировании европейского мировоззрения. Поэтому универалистская идея о фундаментальном единстве всего человечества и искоренении ересей послужила основанием для европейского мессианства. Средневековые схоласты лишь закрепили этот принцип, конкретизируя его в правомочиях папы Римского. Отсюда легальное насилие по отношению к неверным. Монолог должен был привести к диалогу.

Однако диалог, рожденный из монолога, не предполагал абсолютного приятия другого и напоминал скорее неравный брак, где одному можно всё, а другому кое-что... Несмотря на явный перекося в коммуникации, всё же это был диалог. Позже появится юридическая конструкция «равные, но раздельные», и вряд ли поспоришь, что эта конструкция имеет

¹² См.: Тодд Э. Указ. соч.

¹³ См.: Нойманн И. Использование Другого: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. С. 74.

¹⁴ См.: Белов М. В., Витальева А. И. Эдмунд Бёрк – ранний идеолог британской империи // Диалог со временем. 2011. Вып. 34.

правовую природу. Хотя как знать? Ведь угол зрения, официальная номинация (означивание) и конвенция тоже имеют значение.

Таким образом, диалог не всегда предполагает равные правомочия и формальное равенство, но он точно невозможен, если нет точек культурного притяжения, нет признания в другом того же, что есть у меня, даже с некоторыми допущениями того, что, может быть, он более дурен собой и совсем не воспитан.

Жесткие социальные структуры, такие как церковь, государство, формируют и жесткую привязку к правовому статусу. Поэтому, как отмечает И. Нойманн, «...вопрос, мучивший европейцев на протяжении долгого времени, состоял в том, обладают ли неверные вообще какими-либо правами на владения или завоевание этих земель было прямой обязанностью христиан. И если при Августине (354–430) разрешение этой дилеммы клонилось к исключительности и выражалось в папском одобрении священных войн, целью которых было завоевание неверных, то при папе Иннокентии IV (1243–1254) знатоки канонического права пришли к компромиссу, заключив, что по отношению к неверным силу можно применять лишь для воздаяния за нанесенные христианам обиды, а обращение в христианство должно достигаться мирным путем, посредством миссионерской деятельности»¹⁵.

Налицо – монолог по отношению к другому, иному, врагу. А что же внутри себя, всегда ли царил диалог? Конечно, нет! Нарастание политических разногласий внутри христианского мира, вызванных бурным экономическим и политическим развитием городов, секуляризацией власти, не привело к нивелированию статуса «исламского другого». Монологическое конструирование «другого» еще более демонизируется и манифестируется как воплощение зла. Как в свое время еретики мыслились Августином «хуже отравителей», так и сейчас монолог формировал образ врага, что в свою очередь продолжало служить объединяющим фактором в полном распрей христианском мире XIV–XV вв.

Как отмечает И. Нойманн, «с образованием в начале XIV века Османской империи и постепенным нарастанием ее военного давления на христианство на смену “сарацину” пришел другой антихрист “турок-осман”». Как полагает И. Нойманн, именно «“турок-осман” внес вклад в образование современной системы европейских государств. Даже после Вестфальского мира и распространения секулярной доктрины государства представления о том, что отношения между суверенами относятся к сфере религиозного, еще не окончательно ушли в прошлое. Европа оставалась христианской по своему характеру и с этой точки зрения противо-

¹⁵ Нойманн И. Указ. соч. С. 76.

поставлялась исламу Османской империи, владениям Великого Могола, индуизму, а также конфуцианской традиции императорского Китая»¹⁶.

Известно, что в конце XVII в. английский общественный деятель Уильям Пенн, пацифист и лидер квакеров, в своих многочисленных произведениях религиозной, философской и политической направленности сформулировал принципы единого европейского сообщества, объединенного общей христианской моралью. Наиболее отчетливо эти идеи нашли выражение в работе «Европейская конференция, парламент или сословия» (1693). Именно здесь он предлагает отказаться народам, исповедующим ислам, от своей религии и приобщиться к единому цивилизованному миру. Известно, что Уильям Пенн искал встречи с Петром I с целью убеждения последнего принять квакерство и стать величайшим христианским монархом. Встреча не состоялась, но письмо всё же им было передано.

Таким образом, очевидна одна существенная деталь, характеризующая европейскую коммуникацию, – это её монологичность. «Предварительные требования» – вот основа созидания. Эта конструкция, пройдя через века, отчетливо проявляется сегодня. Поэтому международное право с европоцентристских позиций – изобретение европейцев. Его принципы конструируют внутреннее пространство. Здесь идея взаимного признания и равнодостоинства проявляется наиболее отчетливо, хотя дискриминируемое население еще долгое время было вне права. Монолог к другим культурам всё сильнее и отчетливее проявлялся в том случае, если нужны были источники сырья и рынки сбыта.

Государства, находящиеся «вне европейской цивилизации, должны формально войти в круг государств, чье поведение определяется правом. Они должны совершить некий шаг, с согласия последних или некоторых из них, который равнялся бы принятию этого права во всей его целостности и исключал бы любую возможность недопонимания»¹⁷. Поэтому соответствовать стандарту цивилизованности должны были те, кто включался в диалог. Отсюда черты, объединявшие страны цивилизованного мира, стали очевидными лишь в противопоставлении его нецивилизованным «варварским» и «диким» мирам. «Обычаев – никаких, нравы – скотские!» – любили говорить испанские миссионеры в отношении индейских племен. Монологичность коммуникации не предполагала ни взаимного признания, ни равнодостоинства, и даже насильственная христианизация не предполагала включения коренного населения в правовое поле в полном объеме.

¹⁶ Нойманн И. Указ. соч. С. 77.

¹⁷ Там же. С. 91.

Парадоксально, но факт, что лучше всех показал межкультурный монолог теоретик естественного права Джеймс Лоример. Солидаризируясь с расовым антропологизмом Ж. Гобино, Лоример писал о четырех различиях между цивилизованной и варварской частями человечества. Из этих различий проистекал правовой статус. «Полного политического признания удостоивались все современные европейские государства, колонии, где имелись европейские поселенцы, и бывшие европейские колонии. Но Турции, Персии, Китаю, Сиаму и Японии даровалось лишь частичное политическое признание – а значит, только ограниченное членство в «семье наций». «В случае турок, – указывал Лоример, – мы имеем горький опыт последствий предоставления прав цивилизации варварам, которые показали неспособность исполнять свои обязанности и которые, быть может, не относятся даже к передовым расам человечества»¹⁸.

Таким образом, «стандарты» цивилизованности – это итог монологизма. И по мере того, как европейские другие (например, турки) постепенно включались в европейское культурное пространство и, особенно после вступления Турции в НАТО, основным «другим» по отношению к европейской идентичности стал Советский Союз. Сегодня Советский Союз, как Вавилон для Рима, канул в Лету, но многие его достижения благодаря диалогу между цивилизациями остались.

Итак, сказанное подтверждает теорию Р. Дарендорфа и Р. Коллинза о том, что конфликты всегда имманентны социальной системе¹⁹, а посему их окончательно разрешить невозможно²⁰. Вместе с тем, диалог, конструирующий идентичность в рамках одной социальной системы, в потенции расширяет горизонты нормальной коммуникации, включая других, другого в себя. Коммуникация, основанная на взаимном признании и уважении другого, не может быть абстракцией, иначе она превращается в монолог или в симулякр диалога, за которым может укрываться любое беззаконие, включая массовый геноцид. Конечно, сегодня наша цивилизация далека от идеалистических представлений И. Канта о «вечном мире», но есть надежда на то, что диалог – лучший помощник в преодолении монологизма. Монологическое же конструирование правового пространства показывает мир через призму тотальности и одноправдивости. Ориенталистская традиция – яркое тому подтверждение²¹.

¹⁸ Цит. по: Нойманн И. Указ. соч. С. 90.

¹⁹ См.: Collins R. Conflict sociology: toward an explanatory science. N.Y., 1975. P. 58.

²⁰ См.: Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Западная социология: современные парадигмы : антология / сост. Г. Н. Соколова, Л. Г. Титаренко. Минск : Белорусская наука, 2015. С. 180.

²¹ См.: Ломакина И. Б. Ориенталистская традиция понимания восточной государственности. С. 141–147.

Библиографический список

Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского / М. М. Бахтин // *Бахтин М. М. Собр. соч.* – М. : Русские словари, 2000. – Т. 2, Записи курса лекций по истории русской литературы, 1922–1927. – С. 57–65.

Белов М. В. Эдмунд Бёрк – ранний идеолог британской империи / М. В. Белов, А. И. Витальева // *Диалог со временем.* – 2011. – Вып. 34. – С. 74–99.

Гоготишвили Л. А. Двуголосие в соотношении с монологизмом и полифонией (мягкая и жесткая версии интерпретации идей М. М. Бахтина) / Л. А. Гоготишвили // *Бахтинский сборник.* – М. : Языки славянских культур, 2004. – Вып. 5. – С. 338–410.

Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта / Р. Дарендорф // *Западная социология: современные парадигмы : антология* / сост. Г. Н. Соколова, Л. Г. Титаренко. – Минск : Белорусская наука, 2015. – С. 174–182.

Ломакина И. Б. Ориенталистская традиция понимания восточной государственности / И. Б. Ломакина // *Криминалист.* – 2024. – № 1. – С. 141–147.

Ломакина И. Б. Традиции и инновации в контексте существования цивилизаций восточного и западного типа / И. Б. Ломакина // *Изменения в праве: новаторство и преемственность : монография* / авт. колл. ; под общ. ред. Д. Е. Мерешкина, С. Л. Сергеевнина, Н. В. Разуваева. – СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2022. – С. 50–71.

Нойманн И. Использование Другого: образы Востока в формировании европейских идентичностей / И. Нойманн. – М. : Новое издательство, 2004. – 336 с.

Тодд Э. Поражение Запада / Э. Тодд. – М. : Издательство АСТ, 2024. – 320 с.

Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества / А. Фергюсон. – М. : РОССПЭН, 2000. – 389 с.

Честнов И. Л. Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности / И. Л. Честнов. – СПб. : Изд-во Санкт-Петерб. юрид. ин-та Генеральной прокуратуры РФ, 2000. – 104 с.

Collins R. Conflict sociology: toward an explanatory science / R. Collins. – N.Y. : Academic Press, 1975. – 584 p.

References

Bakhtin M. M. Problems of Dostoevsky's Work / M. M. Bakhtin // *Bakhtin M. M. Collected Works.* – Moscow : Russian Dictionaries, 2000. – Vol. 2, Notes on the Lecture Course on the History of Russian Literature, 1922–1927. – Pp. 57–65.

Belov M. V. Edmund Burke – an Early Ideologist of the British Empire / M. V. Belov, A. I. Vitaleva // *Dialogue with Time.* – 2011. – Iss. 34. – Pp. 74–99.

Chestnov I. L. Law as Dialogue: Towards the Formation of a New Ontology of Legal Reality / I. L. Chestnov. – St. Petersburg : St. Petersburg Publishing House. Legal Institute of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2000. – 104 p.

Collins R. Conflict sociology: toward an explanatory science / R. Collins. – N.Y. : Academic Press, 1975. – 584 p. [In Engl.]

Dahrendorf R. Elements of the Theory of Social Conflict / R. Dahrendorf // *Western Sociology: Modern Paradigms : anthology* / compiled by G. N. Sokolova, L. G. Titarenko. – Minsk : Belarusian Science, 2015. – Pp. 174–182.

Ferguson A. Experience of the History of Civil Society / A. Ferguson. – Moscow : ROSSPEN, 2000. – 389 p.

Gogotishvili L. A. Two-voice in relation to monologism and polyphony (soft and hard versions of the interpretation of M. M. Bakhtin's ideas) / L. A. Gogotishvili // Bakhtin Collection. – Moscow : Yazyky slavyanskikh kultur, 2004. – Iss. 5. – Pp. 338–410.

Lomakina I. B. Orientalist Tradition of Understanding Eastern Statehood / I. B. Lomakina // Criminalist. – 2024. – No. 1. – Pp. 141–147.

Lomakina I. B. Traditions and Innovations in the Context of the Existence of Eastern and Western Civilizations / I. B. Lomakina // Changes in Law: Innovation and Continuity : monograph / author's coll. ; under the general ed. D. E. Mereshkina, S. L. Sergevnina, N. V. Razuvaeva. – St. Petersburg : IPC SZIU RANEPa, 2022. – Pp. 50–71.

Neumann I. Using the Other: Images of the East in the Formation of European Identities / I. Neumann. – Moscow : Novoye Izdatelstvo, 2004. – 336 p.

Todd E. The Defeat of the West / E. Todd. – Moscow : AST Publishing House, 2024. – 320 p.

Для цитирования:

Ломакина И. Б. Монологичность правового конфликта как фактор конструирования правового пространства // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 2(11). С. 33–43.

Recommended citation:

Lomakina I. B. The monologue of a legal conflict as a factor in the construction of a legal space // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 2(11). Pp. 33–43.

Сведения об авторе

Ломакина Ирина Борисовна – профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

E-mail: lomakina7311@gmail.com

Information about author

Lomakina Irina Borisovna – Professor of the Department of Theory and History of State and Law of St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

E-mail: lomakina7311@gmail.com

ЖИВОТНЫЕ В МИРЕ ЮРИДИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

В. Б. Романовская

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

Поступила в редакцию 2 марта 2025 г.

Аннотация: в статье рассматриваются различные виды юридических конфликтов, связанных с животными. Указывается на низкий уровень общественного правосознания по вопросу понимания моральной ответственности людей за благополучие животного мира и на отставание российского законодательства от европейского по вопросам защиты животных от деятельности людей.

Ключевые слова: благополучие животных, правовые конфликты, правовая защита животных, декларация о сознании животных.

ANIMALS IN THE WORLD OF LEGAL CONFLICTS

V. B. Romanovskaya

Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky

Abstract: the article discusses various types of legal conflicts related to animals. It is pointed out that there is a low level of public awareness on the issue of understanding people's moral responsibility for the welfare of the animal world and that Russian legislation lags behind European legislation on the protection of animals from human activities.

Key words: animal welfare, legal conflicts, legal protection of animals, declaration on animal consciousness.

Юридические конфликты современного мира охватывают широкий спектр общественных отношений. Это, в первую очередь, международные конфликты (споры между государствами по вопросам границ, ресурсов, исполнения международных договоров), примеров чему мы видим большое количество на всех континентах. Это и корпоративные споры (конфликты между компаниями, технологическими гигантами, связанные с интеллектуальной собственностью, антимонопольным законодательством и трудовыми отношениями). В современном мире растет количест-

во экологических споров и конфликтов, связанных с защитой окружающей среды, включая дела о загрязнении природных ресурсов. Они включают иски против крупных корпораций за экологический ущерб. Появились новые виды конфликтов в относительно молодой сфере, связанные с кибербезопасностью, защитой данных и нарушением авторских прав в интернете. Многочисленны и неисчерпаемы уголовные дела, разбирающие конфликты между государством и индивидуумом по поводу преступлений, совершаемых гражданами одной страны на территории другой. Наконец, из совсем недавних, – вопросы, возникшие в связи с пандемиями, включая конфликты по поводу обязательных вакцинаций, ограничения на передвижение и др. Каждый из этих конфликтов может иметь серьезные последствия для конкретных людей, организаций и даже целых государств.

Остановимся на юридических конфликтах, связанных с животными. Они могут возникать в различных контекстах и охватывают множество аспектов. Перечислим некоторые из них. Во-первых, конфликтна сама проблематика, которая существует из-за различий в понимании прав животных. Некоторые организации и активисты требуют признания животных как субъектов права, что противоречит традиционному для российской науки взгляду на них как на объекты собственности. Во-вторых, актуальна проблема защиты различных видов животных, поскольку в разных странах существуют свои правила. Споры могут возникать вокруг охраны исчезающих видов и соблюдения международных соглашений, таких как Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры (CITES). Конфликты могут возникать между государствами, компаниями и экологическими организациями по вопросам охраны природы и использования природных ресурсов. В-третьих, отдельный крайне серьезный вопрос – жестокое обращение с животными, особенно в животноводстве и сельском хозяйстве. Законы о защите животных могут стать предметом споров, особенно когда речь идет о жестоком обращении или эксплуатации животных в развлекательной индустрии, сельском хозяйстве или научных исследованиях.

В последнее время обострилась полемика вокруг цирковых животных, зоопарков и океанариумов. В этом вопросе также существуют разные мнения, которые можно продемонстрировать, опираясь на ряд критериев, которые выработаны специалистами этой сферы развлекательных услуг: образовательная ценность, культурная значимость, научная ценность, сохранение видов и др. Цирковые работники ссылаются на важность сохранения культурной традиции, что животные в цирке имеют хорошее питание, уход, внимание и заботу, что для детей это познавательно и интересно. Их оппоненты парируют, что дрессировка и вы-

ступления вызывают у животного стресс, подвергая риску его самого и человека. Примеров тому более чем достаточно. Кроме того, животные в цирке не демонстрируют естественное поведение, следовательно, эта ситуация не отвечает правильному познавательному интересу, о котором говорят владельцы цирков. Высказывается обоснованное мнение, что принуждение, навязанное животным, может быть оправдано только высшими интересами. Однако основная цель действий с участием диких животных – развлечь публику. Эта цель не оправдывает жесткие ограничения, налагаемые на животных, даже если это связано с экономической выгодой. Кстати, в настоящее время некоторые цирки сознательно отказываются от номеров с животными.

В-четвертых, серьезная полемика возникла по поводу использования животных в научных исследованиях. Есть проблема в ветеринарных практиках, которые отличаются от страны к стране. Конфликты могут возникать между владельцами животных и ветеринарными клиниками по вопросам лечения или результатов медицинских процедур, способов эвтаназии животного при неизлечимом заболевании. На западе существует запрет на эвтаназию здорового животного. В нашей стране животное может быть умерщвлено по желанию хозяев без медицинских показаний. Эти конфликты требуют внимательного рассмотрения с точки зрения законодательства и с точки зрения этических норм, при участии различных заинтересованных сторон, включая правозащитников, юристов и государственные органы.

Таким образом, разнообразных конфликтов с участием животных существует большое количество как внутри стран, так и на международном уровне.

Как и где могут разрешаться эти конфликты? Существует ли орган, способный помочь урегулировать споры, касающиеся интересов животных в современном мире? Можно ли рассчитывать на ООН как на организацию, играющую важную роль в разрешении юридических конфликтов на международном уровне? Подходят ли традиционные способы, с помощью которых ООН пытается урегулировать конфликтные ситуации, а именно: миротворческие операции и миссии в регионах конфликта, международные суды, мирные переговоры, разработка и принятие международных норм и стандартов, доклады и рекомендации по различным юридическим вопросам, и др.? Надо признать, что хотя ООН выполняет множество функций, направленных на разрешение юридических конфликтов и поддержание мира, однако применительно к теме защиты животных внутри той или иной страны эта международная организация отношения не имеет. Или же рассчитывать нужно только на свои силы, на внутреннее законодательство, на изменение правосознания всех членов обще-

ства, включая депутатов правотворческих органов разного уровня, правоохранителей и, конечно, в первую очередь, на самих производителей продукции животноводства? Это большая и трудновыполнимая задача, решение которой в России видится за далеким горизонтом.

Однако, кроме ООН, не ставящей целью помощь животному миру, существуют и другие межправительственные организации, которые прилагают большие усилия в защиту животных всех видов. В середине XX в. британский ученый Джон Вебстер сформулировал концепцию «пяти свобод», которая стала основополагающей в области благополучия животных. Она включала свободу от голода и жажды, свободу от дискомфорта, свободу от боли, свободу естественного поведения, свободу от страха и стресса¹.

Вскоре эта концепция была принята Всемирной организацией здравоохранения животных – межправительственной организацией, ответственной за улучшение здоровья животных. Отметим, что организация представлена в 182 странах мира, на всех континентах. Среди ее задач, связанных в основном с противодействием заболеваниям, есть и задача содействия благополучию животных. В 2006 г. в Великобритании был принят Закон о благополучии животных – *Animal Welfare Act*², который установил высокие стандарты в содержании животных.

В настоящее время самое прогрессивное законодательство в области защиты животных имеет Европейский Союз. В 1987 г. был принят Протокол о защите и благополучии животных³, который признает животных чувствующими существами. Аналогичное законодательство действует и в других государствах, таких как Австралия, Новая Зеландия, Канада, скандинавские страны. Наша страна не является участником данного Протокола. Так, во многих странах мира был снят конфликт между интересами человека и животными в пользу природы и животного мира. В нашей стране этот конфликт сохраняется на разных уровнях, как между учеными по вопросу признания прав животных, так и между зоозащитниками и производителями мясной продукции, осуществляющими негуманный убой и содержание скота и птиц. Конфликты внутри российского социума в отношении бездомных животных настолько глубоки, что порой переходят в открытые столкновения. Надо признать, что общественная практика демонстрирует большое различие в отношении

¹ См.: *Previti A.* Protection of farmed camels (*Camelus Dromedarius*): welfare problems and legislative perspective // *Animal Science Journal*. 2015. No. 87(2).

² См.: *Adams B.* Legislative History of the Animal Welfare Act: Introduction. URL: <https://web.archive.org/web/20160513224105/https://awic.nal.usda.gov/legislative-history-animal-welfare-act/intro> (дата обращения: 10.02.2025).

³ См.: *European Convention for the Protection of Pet Animals (1987)* URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=090000168007a67d> (дата обращения: 15.02.2025).

к бездомным животным со стороны зарубежного и российского общества. К сожалению, приходится констатировать наличие в нашей стране средневекового уровня понимания животного мира и моральной ответственности человека за него.

Одним из наиболее известных документов в области защиты всех животных является «Декларация о сознании животных», подписанная рядом известных ученых и специалистов в области зоологии, нейробиологии и этики. Эта декларация подчеркивает важность признания способности животных к сознанию и страданиям.

В ней говорится, что научно доказано, что многие животные обладают сознанием и способны испытывать эмоции, боль и страдания. Это своего рода призыв к обществу и правительствам принимать этические обязательства по защите животных и предотвращению их страданий. Из него проистекает необходимость разработки и внедрения законов, защищающих права животных на основе их способности к сознанию.

В условиях современного мира, полного конфликтов разных уровней и видов, вопросы о положении животных часто отходят на задний план. При попытках обсуждения их на законодательном уровне возникают жесткие противостояния, показывающие, что по этим вопросам трудно найти консенсус, каждая точка зрения имеет свои аргументы, и окончательное решение часто зависит от этических, экономических и практических соображений гражданского общества и государства. Полагаем, что усилия специалистов в области права, зоопсихологии, ветеринарии должны быть направлены на выработку некой дорожной карты, ведущей к общей гуманизации отношения людей и животных.

Библиографический список

Adams B. Legislative History of the Animal Welfare Act: Introduction / B. Adams, J. Larson // URL: <https://web.archive.org/web/20160513224105/https://awic.nal.usda.gov/legislative-history-animal-welfare-act/intro> (дата обращения: 10.02.2025).

European Convention for the Protection of Pet Animals (1987). – URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=090000168007a67d> (дата обращения: 15.02.2025).

Previti A. Protection of farmed camels (Camelus Dromedarius): welfare problems and legislative perspective / A. Previti, B. Guercio, A. Passantino // *Animal Science Journal*. – 2015. – No. 87(2). – Pp. 183–189.

References

Adams B. Legislative History of the Animal Welfare Act: Introduction / B. Adams, J. Larson // URL: <https://web.archive.org/web/20160513224105/https://awic.nal.usda.gov/legislative-history-animal-welfare-act/intro> (date of access: 10.02.2025). [In Engl.]

European Convention for the Protection of Pet Animals (1987). – URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=090000168007a67d> (date of access: 15.02.2025). [In Engl.]

Previti A. Protection of farmed camels (*Camelus Dromedarius*): welfare problems and legislative perspective / A. Previti, B. Guercio, A. Passantino // *Animal Science Journal*. – 2015. – No. 87(2). – Pp. 183–189. [In Engl.]

Для цитирования:

Романовская В. Б. Животные в мире юридических конфликтов // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 2(11). С. 44–49.

Recommended citation:

Romanovskaya V. B. Animals in the world of legal conflicts // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 2(11). Pp. 44–49.

Сведения об авторе

Романовская Вера Борисовна – заведующий кафедрой теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор

E-mail: tigpnngu@yandex.ru

Information about author

Romanovskaya Vera Borisovna – Head of the Department of Theory and History of State and Law of Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Doctor of Legal Sciences, Professor

E-mail: tigpnngu@yandex.ru

О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МЕДИАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ЮРИСТА В РЕШЕНИИ КОНФЛИКТОВ

Э. В. Зауторова

*Вологодский институт права и экономики ФСИН России,
Научно-исследовательский институт ФСИН России*

Поступила в редакцию 12 февраля 2024 г.

Аннотация: одним из способов решения юридических конфликтов выступает медиация. Медиатор способен передать содержание вопроса от одного субъекта другому и может сделать их общение глубоким для взаимного понимания и решения возникших противоречий. Владея высоким уровнем профессиональной медиативной компетентности, юрист должен обладать совокупностью личностных качеств, которые определяют его профессиональные способности вести коммуникацию в ситуациях решения профессиональных задач и юридических конфликтов. В статье рассматривается понятие «профессиональная медиативная компетентность», указывается на значимость ее владения специалистом в решении юридических конфликтов.

Ключевые слова: деятельность юриста, профессиональная компетентность, медиатор, медиативная компетентность, юридические конфликты, решение конфликтов.

ON PROFESSIONAL MEDIATIVE COMPETENCE OF A LAWYER IN CONFLICT RESOLUTION

E. V. Zautorova

*Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*

Abstract: mediation is one of the ways to resolve legal conflicts. The mediator is able to transfer the content of the question from one subject to another and can make their communication deep for mutual understanding and solving the contradictions that have arisen. Having a high level of professional mediation competence, a lawyer must have a set of personal qualities that determine his professional ability to communicate in situations of solving professional problems and legal conflicts. The article considers the concept of "professional mediative competence", points out the importance of its ownership by a specialist in resolving legal conflicts.

Key words: lawyer's activity, professional competence, mediator, mediation competence, legal conflicts, conflict resolution.

© Зауторова Э. В., 2025

Для современного этапа развития науки характерна ориентация на компетентность как ожидаемый результат образования человека на разных ступенях возрастного развития. Активно ведутся исследования по выявлению коммуникативной компетентности у человека разного возрастного и статусного уровней¹. Первым ввел термин «компетенция» Н. Хомский в 1965 г. Он использовал понятие «компетенция» в теории языка, трансформационной грамматике и писал о фундаментальном различии между компетенцией и употреблением. Исследователь считал, что употребление – это непосредственное отражение компетенции².

Природа компетентности такова, что она всегда проявляется в определенной деятельности. Так, ученые выделяют социально-личностные, экономические, общенаучные, организационно-управленческие, общепрофессиональные, специальные компетенции³. Для любой профессиональной деятельности необходимы ключевые компетенции, которые связаны «с успехом личности в быстроменяющемся мире». Большинство ученых (Э. Ф. Зеер, А. П. Тряпицына, А. В. Хуторской, В. В. Щербакова и др.) считают коммуникативную компетенцию ключевой. Так, для профессиональной деятельности юриста важна его медиативная компетентность, особенно при решении юридических конфликтов.

Юридическая конфликтология выполняет важную роль в предупреждении и эффективном урегулировании юридических конфликтов, а также в управлении конфликтными процессами и т.д. В юридической конфликтологии проблемы конфликтов рассматриваются комплексно, а юридический аспект занимает объективно важное место. Готовность юриста к решению профессиональных коммуникативных задач требует целенаправленного формирования профессиональной медиативной компетентности как способности на компетентностной основе решать профессиональные и коммуникативные задачи в сфере производственной деятельности (гражданские, трудовые, семейные, административные споры)⁴.

В научной литературе рассматриваются различные теоретические вопросы юридической конфликтологии, правового положения медиатора и его роли в альтернативном разрешении конфликтов, а также правовые

¹ См.: Скишдлевска Э. В. История развития медиации // Уголовный закон: современное состояние и перспективы развития. Материалы II Международной научно-практической конференции, приуроченной ко дню принятия Уголовного Кодекса РФ. Воронеж, 2018.

² См.: Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса / под ред. В. А. Звегинцева. М., 1972.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Астахов П. А. Юридические конфликты: современные формы и способы разрешения // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2019. № 5; Зауторова Э. В. Межнациональные конфликты и религиозный экстремизм как угроза национальной безопасности страны // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 3.

вопросы реализации процедуры медиации в Российской Федерации. Медиация в юриспруденции является одной из технологий альтернативного урегулирования споров с участием третьей нейтральной, беспристрастной, не заинтересованной в данном конфликте стороны – медиатора, который помогает сторонам выработать определенное соглашение по спору, при этом стороны полностью контролируют процесс принятия решения по урегулированию спора и условия его разрешения⁵.

Посредником в процессе передачи профессиональной информации является медиатор, который осуществляет декодирование профессиональной информации в коммуникативную форму, предназначенную для понимания собеседником. Он способен передать содержание вопроса от одного субъекта другому и может сделать их общение глубоким для взаимного понимания и решения возникших противоречий⁶.

Медиация может являться адекватным способом разрешения различных юридических конфликтов. При этом речь идет как о письменной, так и устной ее форме в интерпретации, обобщении и понимании полученной профессиональной информации с целью передачи ее другому человеку, не имеющему возможности понять суть статьи закона, ознакомиться с текстом оригинала, учесть особенности действующих правовых норм и т.д.⁷

Медиатор помогает решить спор без обращения в суд, найти решение, которое устроит обе стороны. Вместе с тем не следует путать два близких понятия: судебное примирение и собственно медиация. Судебное примирение всегда происходит в рамках уже инициированного процесса. Медиация же чаще всего проводится до начала разбирательств в суде.

В юридической литературе отмечается, что в судах и примирительных процедурах может участвовать только профессиональный медиатор, который должен отвечать требованиям, обозначенным в Федеральном законе от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». В других случаях достаточно, если медиатор является «совершеннолетним и дееспособным человеком, обладающим знаниями в области психологии, конфликтологии, юриспруденции, экономики и т.п., в зависимости от специализации».

⁵ См.: *Крапчатова И. Н.* Медиация как способ разрешения уголовно-правовых конфликтов в странах западной Европы // *Законность и правопорядок в современном обществе*. 2011. № 5.

⁶ См.: *Маслова В. М.* Процесс медиации как метод выработки жизнеспособного решения проблемы // *Образование. Наука. Научные кадры*. 2020. № 1.

⁷ См.: *Шамликашвили Ц. А.* Медиация – современный метод внесудебного разрешения споров. М., 2017.

При этом медиатором не может быть лицо, заинтересованное в споре, в частности, родственник одной из сторон. Также медиатор не вправе делать публичные заявления по поводу спора без согласия на это сторон и не имеет права оказывать им посторонние услуги⁸.

Вместе с тем в настоящее время возникают противоречия между высокой планкой социального заказа на профессионалов, компетентных в области медиативной деятельности, и их умением вести профессиональный диалог на уровне культурной коммуникации, а также между объективными потребностями социума в поиске различных способов урегулирования конфликтов и процессом формирования профессиональной медиативной компетентности у юристов. Потребность в преодолении названных противоречий предопределяет решение проблемы подготовки квалифицированных специалистов в области медиации и владеющих деятельностью медиатора в урегулировании юридических конфликтов с высоким уровнем сформированности медиативной компетентности. Ее решение обусловлено уровнем компетентности в данных видах деятельности, позволяющим специалисту занять в них позицию субъекта. Субъектная позиция в общении – это системообразующий компонент медиативной деятельности, позволяющий проявлять индивидуальность, творчество и развивать способности юриста согласовывать свои действия и принимать решения. Также важно уметь представить себя, правильно задать вопрос, провести дискуссию, хорошо владеть устной и письменной коммуникацией, ненасильственно разрешать конфликты, быть толерантным по отношению к другим и т.д.

При этом отметим такие принципы профессиональной деятельности юриста в данной области, как добровольность, конфиденциальность, независимость и беспристрастность медиатора, которые выступают в качестве исходных факторов его статуса⁹.

К задачам медиатора, оказывающего квалифицированную юридическую помощь, также можно отнести способность работать в команде, понимать профессиональную и этическую ответственность. Развитие коммуникативных и интеллектуальных способностей для профессионального общения с собеседником, ведение профессионального комму-

⁸ См.: Бирюк А. А. К вопросу об использовании онлайн-медиации // Трибуна ученого. 2020. № 7; Смирнова М. Г. Причины неразвитости правового регулирования и правоприменительной практики внесудебного примирения в современной России // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 2(56). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-nerazvitosti-pravovogo-regulirovaniya-i-pravoprimenitelnoy-praktiki-vnesudebnogo-primireniya-v-sovremennoy-rossii?ysclid=m71j03xa9a381285494> (дата обращения: 12.02.2025).

⁹ См.: Улитин И. Н. Перспективы становления и развития медиации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. М., 2016. Т. 1, № 1. С. 93.

никативного диалога (в том числе и интерактивного) между субъектами конфликта являются задачами профессиональной медиативной компетентности. При этом профессиональное общение медиатора развивает его творческие способности, расширяет сферу профессионального взаимодействия¹⁰.

Практики утверждают, что смысл прибегать к медиации эффективен особенно тогда, когда спорящие знают друг друга давно и хотят договориться о чем-либо так, чтобы это устраивало всех. Вместе с тем необходимость в юридической поддержке может возникнуть в любой момент, при этом *юрист со сформированной профессиональной медиативной компетентностью умеет управлять конфликтом и знает, как перевести его в конструктивную фазу, разрешить с пользой не только для участников, но и в целом для общества*¹¹.

Так, например, медиация в гражданском процессе является альтернативным разрешением спора (закреплено в ст. 153.5 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ), может применяться к любым гражданским делам, если нет ограничений. Для того, чтобы стороны процесса смогли урегулировать спор с помощью медиации, им достаточно отправить письменное или устное ходатайство, а суд должен будет предоставить оппонентам время для разрешения спора в мирном порядке (ст. 135 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ)¹².

Если стороны согласны привлечь посредника для разрешения конфликта, то это происходит в досудебном порядке. В таком случае стороны заключают соглашение, выбирают одного или нескольких медиаторов и определяют порядок осуществления медиации¹³. Результатом процедуры медиации может стать полный или частичный отказ от иска или жалобы либо их признание, а также признание обстоятельств дела.

Таким образом, для осуществления эффективного решения споров юрист должен иметь высокий уровень сформированности профессиональной медиативной компетентности, обладать совокупностью личностных качеств, которые определяют его профессиональные способ-

¹⁰ См.: Мельниченко Р. Г. Медиативные технологии разрешения семейных конфликтов // Правовая парадигма. 2018. Т. 17, № 1. С. 135.

¹¹ См.: Малышева Ю. В. Примирение: от теории к практике // Система ценностей современного общества. 2016. № 45. С. 104.

¹² См.: Смирнова М. Г. Указ. соч.

¹³ См.: Кушнарева Л. В. Понятие и история становления института медиации // Актуальные проблемы гражданского судопроизводства : материалы межвузовской научно-практической конференции. Краснодар, 2017. С. 292.

ности, и владеть умениями вести коммуникацию в ситуациях решения профессиональных задач и юридических конфликтов различного уровня.

Библиографический список

Астахов П. А. Юридические конфликты: современные формы и способы разрешения / П. А. Астахов // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. – 2019. – № 5. – С. 29–38.

Бирюк А. А. К вопросу об использовании онлайн-медиации / А. А. Бирюк // Трибуна ученого. – 2020. – № 7. – С. 129–134.

Зауторова Э. В. Межнациональные конфликты и религиозный экстремизм как угроза национальной безопасности страны / Э. В. Зауторова // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. – 2024. – № 3. – С. 63–69.

Крапчатова И. Н. Медиация как способ разрешения уголовно-правовых конфликтов в странах Западной Европы / И. Н. Крапчатова // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2011. – № 5. – С. 246–251.

Кушнарeva Л. В. Понятие и история становления института медиации / Л. В. Кушнарeva // Актуальные проблемы гражданского судопроизводства : материалы межвузовской научно-практической конференции. – Краснодар : КубГУ, 2017. – С. 292–298.

Малышева Ю. В. Примирение: от теории к практике / Ю. В. Малышева // Система ценностей современного общества. – 2016. – № 45. – С. 102–106.

Маслова В. М. Процесс медиации как метод выработки жизнеспособного решения проблемы / В. М. Маслова // Образование. Наука. Научные кадры. – 2020. – № 1. – С. 114–116.

Мельниченко Р. Г. Медиативные технологии разрешения семейных конфликтов / Р. Г. Мельниченко // Правовая парадигма. – 2018. – Т. 17, № 1. – С. 135–141.

Смирнова М. Г. Причины неразвитости правового регулирования и правоприменительной практики внесудебного примирения в современной России / М. Г. Смирнова // Ленинградский юридический журнал. – 2019. – № 2(56). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-nerazvitosti-pravovogo-regulirovaniya-i-pravoprimeritelnoy-praktiki-vnesudebnogo-primireniya-v-sovremennoy-rossii?ysclid=m71j03xa9a381285494> (дата обращения: 12.02.2025).

Скшидлевска Э. В. История развития медиации / Э. В. Скшидлевска // Уголовный закон: современное состояние и перспективы развития. Материалы II Международной научно-практической конференции, приуроченной ко дню принятия Уголовного Кодекса РФ. – Воронеж : ООО «АМиСТа», 2018. – С. 505–508.

Улитин И. Н. Перспективы становления и развития медиации / И. Н. Улитин // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2016. – Т. 1, № 1. – С. 93–96.

Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса / Н. Хомский ; под ред. В. А. Звегинцева. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 259 с.

Шамликашвили Ц. А. Медиация – современный метод внесудебного разрешения споров / Ц. А. Шамликашвили. – М. : Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2017. – 77 с.

References

- Astakhov P. A.* Legal conflicts: modern forms and methods of resolution / P. A. Astakhov // Bulletin of the Russian State Humanitarian University. – 2019. – No. 5. – Pp. 29–38.
- Biryuk A. A.* On the issue of using online mediation / A. A. Biryuk // Tribune of the scientist. – 2020. – No. 7. – Pp. 129–134.
- Khomsky N.* Aspects of the Theory of Syntax / N. Khomsky ; ed. by V. A. Zvegintsev. – Moscow, 1972. – 259 p.
- Krapchatova I. N.* Mediation as a way to resolve criminal-legal conflicts in Western European countries / I. N. Krapchatova // Legality and law and order in modern society. – 2011. – No. 5. – Pp. 246–251.
- Kushnareva L. V.* The concept and history of the formation of the institution of mediation / L. V. Kushnareva // Actual problems of civil proceedings : materials of the interuniversity scientific and practical conference. – Krasnodar : KubGU, 2017. – Pp. 292–298.
- Malysheva Yu. V.* Reconciliation: from theory to practice / Yu. V. Malysheva // The system of values of modern society. – 2016. – No. 45. – Pp. 102–106.
- Maslova V. M.* The mediation process as a method of developing a viable solution to the problem / V. M. Maslova // Education. Science. Scientific personnel. – 2020. – No. 1. – Pp. 114–116.
- Melnichenko R. G.* Mediation technologies for resolving family conflicts / R. G. Melnichenko // Legal paradigm. – 2018. – Vol. 17, No. 1. – Pp. 135–141.
- Shamlikashvili Ts. A.* Mediation – a Modern Method of Out-of-Court Dispute Resolution / Ts. A. Shamlikashvili. – Moscow : Interregional Center for Management and Political Consulting, 2017. – 77 p.
- Skshidlevska E. V.* History of the development of mediation / E. V. Skshidlevska // Criminal law: current state and development prospects. Proceedings of the II International scientific and practical conference dedicated to the day of adoption of the Criminal Code of the Russian Federation. – Voronezh : AMiSTa, 2018. – Pp. 505–508.
- Smirnova M. G.* Reasons for the underdevelopment of legal regulation and law enforcement practice of extrajudicial reconciliation in modern Russia / M. G. Smirnova / Leningrad Law Journal. – 2019. – No. 2(56). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-nerazvitosti-pravovogo-regulirovaniya-i-pravoprimenitelnoy-praktiki-vnesudebnogo-primireniya-v-sovremennoy-rossii?ysclid=m71j03xa9a381285494> (date of access: 12.02.2025).
- Ulitin I. N.* Prospects for the formation and development of mediation / I. N. Ulitin // International journal of humanitarian and natural sciences. – 2016. – Vol. 1. – No. 1. – Pp. 93–96.
- Zaurova E. V.* Inter-ethnic conflicts and religious extremism as a threat to the country's national security / E. V. Zaurorova // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. – 2024. – No. 3. – Pp. 63–69.

Для цитирования:

Зауторова Э. В. О профессиональной медиативной компетентности юриста в решении конфликтов // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 2(11). С. 50–57.

Recommended citation:

Zautorova E. V. On professional mediative competence of a lawyer in conflict resolution // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 2(11). Pp. 50–57.

Сведения об авторе

Зауторова Эльвира Викторовна – профессор кафедры юридической психологии и педагогики Вологодского института права и экономики ФСИН России, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор

E-mail: elvira-song@mail.ru

Information about author

Elvira Viktorovna Zautorova – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

E-mail: elvira-song@mail.ru

КОНФЛИКТ ЦЕННОСТЕЙ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

М. Д. Горбунов

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

Поступила в редакцию 3 февраля 2024 г.

Аннотация: в статье отмечается, что разнообразие ценностных установок в обществе неизбежно провоцирует конфликты. Их разрешение зависит от эффективного и гибкого правового регулирования. Правовые механизмы способны координировать интересы людей, способствуют поиску согласия и установлению иерархии ценностей при их правовой охране. Однако само право не свободно от ценностей, поэтому внутри него существует проблема конфликта правовых ценностей, устранение которой зависит от целой системы поступательных мероприятий на основе аксиологического подхода.

Ключевые слова: конфликтология, ценности, аксиология, юридическая практика, правовые конфликты.

CONFLICT OF VALUES: LEGAL ASPECT

M. D. Gorbunov

Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky

Abstract: it is noted that the diversity of value systems in society inevitably provokes conflicts. Their resolution depends on effective and flexible legal regulation. Legal mechanisms are capable of coordinating the interests of people, contribute to the search for agreement and the establishment of a hierarchy of values with their legal protection. However, the law itself is not free from values, therefore within it there is a problem of conflict of legal values, the elimination of which depends on a whole system of progressive measures based on the axiological approach.

Key words: conflictology, values, axiology, legal practice, legal conflicts.

Актуальность рассмотрения правового аспекта конфликта ценностей обусловлена тем, что право не только выступает основным инструментом регулирования общественных отношений, но и призвано находить баланс между различными ценностями, обеспечивая справедливость и порядок. Однако в условиях многообразия ценностных установок право не всегда может однозначно разрешить возникающие противоречия, что приводит к сложным юридическим и этическим проблемам.

© Горбунов М. Д., 2025

Анализ литературы позволяет сформулировать определение конфликта ценностей как сложного социального явления, которое возникает в результате столкновения различных систем убеждений, принципов и норм¹.

Ценности как устойчивые представления о том, что является важным, значимым и желательным для человека или общества, формируются под влиянием культуры, религии, воспитания, образования и социального опыта. По своей природе они многообразны и связаны со сферой духовной жизни человека, которая имеет различные проявления в морали, религии, культуре в целом². Особое место в данном перечне занимают правовые ценности, закрепленные в законодательстве и правовой системе в целом, обеспечивая общий порядок в обществе³.

Названные категории ценностей не существуют изолированно и взаимодействуют друг с другом, формируя сложную систему, которая определяет поведение людей и функционирование общества. Однако именно это взаимодействие часто становится источником конфликтов ценностей. Различные факторы социальной жизни дополнительно способствуют таким столкновениям, включая модернизационные процессы, культурное многообразие, миграцию, идеологическую поляризацию, дихотомию индивидуальных и общественных интересов, свободы и безопасности.

Право как основной регулятор общественных отношений призвано находить баланс между этими противоречиями, нивелировать деструктивное влияние названных социальных изменений, обеспечивая справедливость и порядок. Оно, таким образом, выполняет несколько ключевых функций в разрешении конфликтов ценностей, включая установление границ и приоритетов в защите тех или иных ценностей, создание механизма разрешения споров и установления баланса между ценностями и индивидами (группами), которые их исповедуют⁴.

Однако само право не является нейтральным: оно отражает доминирующие в обществе ценности, что делает его одновременно инструментом разрешения конфликтов и их источником⁵. Необходимо отметить, что сами правовые ценности неоднородны и могут вступать в проти-

¹ См.: Троценкова Е. В. Ценностный конфликт в коммуникативных ситуациях различного типа: влияние ценностных ментальных репрезентаций на стратегии общения // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. № 2. С. 24.

² См.: Федчук Д. А. Понятие ценности в аксиологии и схоластическое понятие «Благо» // Международный журнал исследований культуры. 2016. № 2(23). С. 52.

³ См.: Петрова Т. В. Ценности права и правовые ценности // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2023. № 4(104). С. 131.

⁴ См.: Самарин В. Г. О праве как ценности в современной России // Система ценностей современного общества. 2016. № 46. С. 93.

⁵ См.: Каландаришвили З. Н. Право и культура: проблемы институционального взаимодействия в социальном пространстве // Научные труды Санкт-Петербургской академии художеств. 2018. № 47.

воречия, выражая иную сторону рассматриваемой проблемы. Проблема усложняется и тем, что сами правовые механизмы, направленные на определение правил в отношении сформированных ценностей, могут вносить дополнительные сложности. Во-первых, негибкость права при существующих пороках правовой системы в виде пробелов и коллизий ведет к тому, что нормы становятся нечеткими и неэффективными, а их применение несвоевременным. Во-вторых, неоднородность правоприменительной и правотворческой практики и сложность процессов толкования могут вносить дисбаланс в установленную систему приоритетов и выдвигать те или иные ценности в качестве предпочтительных. Этот процесс не всегда соответствует объективной общественной необходимости и может удовлетворять интересы лишь малой части заинтересованных групп.

Россия как многонациональное и многоконфессиональное государство задает особый контекст проблемы, поскольку российское общество сталкивается со множеством конфликтов ценностей, которые находят отражение в правовой системе⁶. Эти конфликты часто связаны с противоречиями между традиционными и современными ценностями, а также с поиском баланса между индивидуальными правами и общественными интересами. В результате право не только становится ограниченным в возможности разрешения конфликтов ценностей, но также испытывает внутренние трудности ввиду конфликта между правовыми ценностями. К числу актуальных для России конфликтов правовых ценностей можно отнести:

1) традиционализм и прогрессизм. Россия стремится сохранить свои традиционные устои, вводя охранительное законодательство, одновременно интегрируясь в глобальное сообщество, что приводит к конфликтам между новой теорией прав человека и ее либеральными устоями с консервативными установками, укоренившимися в значимой части российского общества⁷;

2) религиозность и светскость. В условиях многоконфессиональности России вопросы, связанные с религией, часто становятся предметом споров и разночтений между клерикальной и светской частью общества. Особо остро это проявляется в нежелании отдельных религиозных об-

⁶ См.: Федоренко С. П. Правовые ценности в современных российских условиях // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2017. № 2. С. 228.

⁷ См.: Черникова В. Е. Конфликт традиционных моральных ценностей и ценностей информационного общества // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2014. № 3(144). С. 45.

щин действовать в соответствии со светскими нормами, учитывая конституционную гарантию свободы вероисповедания⁸;

3) экология и индустриализация. Необходимость интенсивного экономического развития и его стимулирование правовыми средствами в рамках соответствующего направления государственной деятельности входит в противоречие с установленным режимом экологической безопасности и рационального природопользования⁹;

4) общественная безопасность и индивидуальная свобода. Необходимость обеспечения общественной безопасности и поддержания правопорядка сопряжено с тенденцией к вторжению в частную жизнь граждан и контролю за информацией. Внедрение системы распознавания лиц в общественных местах и ограничение на распространение информации определенного содержания является неоднозначной тенденцией¹⁰.

Данные проблемы, безусловно, требуют нахождения баланса и построения определенной иерархии ценностей с учетом существующих общественных задач. Для этого российская правовая система предлагает несколько механизмов для разрешения конфликтов ценностей:

1) судебная практика: суды играют ключевую роль в разрешении споров, связанных с конфликтами ценностей. Конституционный Суд РФ непосредственно уполномочен рассматривать дела, связанные с действием конституционных принципов и ценностей;

2) законодательная инициатива: принятие новых законов, таких как законы о защите чувств верующих или об экологической безопасности, направлено на урегулирование возможных конфликтов и установление общих ценностных приоритетов в правовом регулировании;

3) международное право: Россия является частью международного сообщества и учитывает международные нормы и договоры, которые в результате ратификации составляют часть национальной правовой системы.

Тем не менее названных механизмов не всегда достаточно, как показывают вышеуказанные проблемы¹¹. Конфликты ценностей в российском правовом поле требуют комплексного подхода, учитывающего как национальные традиции, так и международные стандарты. Поиск ба-

⁸ См.: *Сугрей Л. А.* Синкретизм этнического и религиозного в конфликте ценностей // Теория и практика общественного развития. 2015. № 17. С. 151.

⁹ См.: *Алексашина В. В.* Развитие постиндустриальной цивилизации и эволюция биосферы // Academia. Архитектура и строительство. 2011. № 3.

¹⁰ См.: *Елагин А. Г.* Безопасность и свобода в жизнедеятельности человека // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1(33). С. 5.

¹¹ См.: *Кондрашев А. А.* Конфликт конституционных ценностей в теории и практике Конституционного правосудия в России // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 4(33). С. 21–29.

ланса между различными интересами остается одной из ключевых задач для обеспечения гармоничного развития общества. Представляется, что важная составляющая здесь – построение аксиологического ценностно-ориентированного подхода в праве, что требует отдельных значимых усилий как на практическом, так и научном уровнях¹².

Вопрос правовых ценностей и вопрос ценностей в обществе тесно связаны, поэтому возникает отчасти парадоксальная ситуация, когда в условиях конфликта ценностей внутри права само право призвано разрешать конфликты ценностей в обществе. В итоге такие конфликты часто остаются нерешенными или усугубляются не только из-за изъянов правовой системы, но и из-за проблем в самом обществе. Таким образом, проблему конфликта правовых ценностей необходимо рассматривать в совокупности с общим вопросом конфликта ценностей, учитывая ряд общекультурных факторов и явлений, упомянутых в начале:

1) культурный и религиозный плюрализм. Конфликты ценностей часто возникают из-за столкновения различных культурных и религиозных традиций. Например, вопросы, связанные с ношением религиозной символики или проведением обрядов, могут вступать в противоречие с требованиями светского общества;

2) политизация ценностей. Конфликты ценностей часто используются в политических целях, что затрудняет их объективное разрешение. Например, мероприятия, направленные на защиту традиционных ценностей, могут быть восприняты как инструмент давления на меньшинства;

3) недостаток культурного и межконфессионального диалога. Отсутствие конструктивного диалога между государством, обществом и различными группами (религиозными, этническими, культурными) часто приводит к эскалации конфликтов ввиду нежелания или невозможности учитывать объективные интересы друг друга;

4) динамика общественных отношений. Ценности общества постоянно меняются под влиянием технологического прогресса, глобализации и других факторов. Вопросы, связанные с искусственным интеллектом, цифровой приватностью или соматическими правами, только начинают входить в поле нормативного регулирования¹³.

В итоге комплексное решение проблемы конфликта ценностей должно предполагать не только совершенствование правовых механизмов разрешения таких конфликтов и повышение адаптивности права, но также

¹² См.: Шустров Д. Г. Аксиология Конституции Российской Федерации 1993 года // Социально-политические науки. 2015. № 4. С. 14–26.

¹³ См.: Кузьменков В. А., Грищенко А. А. Глобализация, архаизация и конфликт ценностей // Евразийский Союз Ученых. 2015. № 3-8(12); Пантин В. И. Ценностные размежевания и расколы в современных обществах: влияние на социально-политическое развитие // История и современность. 2020. № 3(37).

и широкую работу государства и общества. Общество должно быть готово к диалогу, уважать права и интересы других групп, а также активно участвовать в обсуждении спорных вопросов, а государство должно создавать условия для конструктивного диалога, обеспечивать соблюдение прав человека и адаптировать законодательство к изменяющимся условиям. Более конкретно это может быть представлено в виде следующих направлений деятельности:

1) развитие медиации, включая создание платформ для конструктивного диалога между всеми заинтересованными сторонами (государством, обществом, религиозными и культурными группами);

2) усиление просвещения, включая повышение правовой грамотности и осведомленности о правах человека, создание программы по обучению толерантности, межкультурному и межконфессиональному диалогу;

3) укрепление международного сотрудничества, включая совместные усилия стран в рамках международных организаций (ООН, ЮНЕСКО) по выработке универсальных подходов к разрешению конфликтов ценностей¹⁴.

Подводя итог, следует сказать, что конфликт ценностей представляет собой сложное и многогранное явление, которое отражает динамику современного общества. В условиях глобализации, культурного и религиозного многообразия такие конфликты становятся неизбежными, требуя внимательного и взвешенного подхода к их разрешению¹⁵. Правовой контекст урегулирования подобных конфликтов крайне важен, но необходимо также решать внутренние вопросы правовой системы и выстраивать четкий алгоритм и систему приоритетов во избежание коллизий и разночтений.

Конфликты ценностей неизбежны. В условиях многообразия современного общества конфликты ценностей являются естественным явлением. Их нельзя игнорировать, но можно и нужно регулировать. Право играет ключевую роль в разрешении конфликтов, но оно должно быть гибким и адаптивным, чтобы учитывать изменяющиеся ценности общества. При этом право не может быть единственным средством разрешения конфликтов. Конструктивный диалог между государством, обществом и различными группами (религиозными, культурными, этническими), учет общекультурного контекста и решение значимых общественных проблем являются необходимыми условиями для достижения компромисса.

¹⁴ См.: Колесник В. С. Конфликт ценностей в межкультурном диалоге // Общество: философия, история, культура. 2011. № 1-2. С. 126.

¹⁵ См.: Бичуч М. Л. Россия в XX веке: конфликт ценностей и гуманистическая альтернатива // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2002. № 1. С. 78.

Библиографический список

Алексашина В. В. Развитие постиндустриальной цивилизации и эволюция биосферы / В. В. Алексашина // Academia. Архитектура и строительство. – 2011. – № 3. – С. 61–74.

Бичуч М. Л. Россия в XX веке: конфликт ценностей и гуманистическая альтернатива / М. Л. Бичуч // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2002. – № 1. – С. 78–83.

Елагин А. Г. Безопасность и свобода в жизнедеятельности человека / А. Г. Елагин // Труды Академии управления МВД России. – 2015. – № 1(33). – С. 5–8.

Каландаришвили З. Н. Право и культура: проблемы институционального взаимодействия в социальном пространстве / З. Н. Каландаришвили // Научные труды Санкт-Петербургской академии художеств. – 2018. – № 47. – С. 280–286.

Колесник В. С. Конфликт ценностей в межкультурном диалоге / В. С. Колесник // Общество: философия, история, культура. – 2011. – № 1-2. – С. 126–129.

Кондрашев А. А. Конфликт конституционных ценностей в теории и практике Конституционного правосудия в России / А. А. Кондрашев // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2018. – № 4(33). – С. 21–29.

Кузьменков В. А. Глобализация, архаизация и конфликт ценностей / В. А. Кузьменков, А. А. Грищенко // Евразийский Союз Ученых. – 2015. – № 3-8(12). – С. 39–41.

Пантин В. И. Ценностные размежевания и расколы в современных обществах: влияние на социально-политическое развитие / В. И. Пантин // История и современность. – 2020. – № 3(37). – С. 23–41.

Петрова Т. В. Ценности права и правовые ценности / Т. В. Петрова // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2023. – № 4(104). – С. 131–140.

Самарин В. Г. О праве как ценности в современной России / В. Г. Самарин // Система ценностей современного общества. – 2016. – № 46. – С. 92–96.

Сугрей Л. А. Синкретизм этнического и религиозного в конфликте ценностей / Л. А. Сугрей // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 17. – С. 151–154.

Троценкова Е. В. Ценностный конфликт в коммуникативных ситуациях различного типа: влияние ценностных ментальных репрезентаций на стратегии общения / Е. В. Троценкова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2012. – № 2. – С. 24–34.

Федоренко С. П. Правовые ценности в современных российских условиях / С. П. Федоренко // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. – 2017. – № 2. – С. 228–230.

Федчук Д. А. Понятие ценности в аксиологии и схоластическое понятие «Благо» / Д. А. Федчук // Международный журнал исследований культуры. – 2016. – № 2(23). – С. 52–61.

Черникова В. Е. Конфликт традиционных моральных ценностей и ценностей информационного общества / В. Е. Черникова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2014. – № 3(144). – С. 45–50.

Шустров Д. Г. Аксиология Конституции Российской Федерации 1993 года / Д. Г. Шустров // Социально-политические науки. – 2015. – № 4. – С. 14–26.

References

Aleksashina V. V. Development of post-industrial civilization and evolution of the biosphere / V. V. Aleksashina // Academia. Architecture and construction. – 2011. – No. 3. – Pp. 61–74.

Bichuch M. L. Russia in the 20th century: conflict of values and humanistic alternative / M. L. Bichuch // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. – 2002. – No. 1. – Pp. 78–83.

Chernikova V. E. Conflict of traditional moral values and values of the information society / V. E. Chernikova // Bulletin of Adyghe State University. Series: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies. – 2014. – No. 3(144). – Pp. 45–50.

Elagin A. G. Security and freedom in human life / A. G. Elagin // Works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2015. – No. 1(33). – Pp. 5–8.

Fedchuk D. A. The concept of value in axiology and the scholastic concept of "Good" / D. A. Fedchuk // International Journal of Cultural Studies. – 2016. – No. 2(23). – Pp. 52–61.

Fedorenko S. P. Legal values in modern Russian conditions / S. P. Fedorenko // Bulletin of the Taganrog Institute named after A. P. Chekhov. – 2017. – No. 2. – Pp. 228–230.

Kalandarishvili Z. N. Law and Culture: Problems of Institutional Interaction in the Social Space / Z. N. Kalandarishvili // Scientific Works of the St. Petersburg Academy of Arts. – 2018. – No. 47. – Pp. 280–286.

Kolesnik V. S. Conflict of Values in Intercivilizational Dialogue / V. S. Kolesnik // Society: Philosophy, History, Culture. – 2011. – No. 1-2. – Pp. 126–129.

Kondrashev A. A. Conflict of Constitutional Values in the Theory and Practice of Constitutional Justice in Russia / A. A. Kondrashev // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – No. 4(33). – Pp. 21–29.

Kuzmenkov V. A. Globalization, archaization and conflict of values / V. A. Kuzmenkov, A. A. Grishchenko // Eurasian Union of Scientists. – 2015. – No. 3-8(12). – Pp. 39–41.

Pantin V. I. Value cleavages and splits in modern societies: influence on socio-political development / V. I. Pantin // History and modernity. – 2020. – No. 3(37). – Pp. 23–41.

Petrova T. V. Values of law and legal values / T. V. Petrova // Bulletin of the O. E. Kutafin University. – 2023. – No. 4(104). – Pp. 131–140.

Samarin V. G. On Law as a Value in Modern Russia / V. G. Samarin // The System of Values of Modern Society. – 2016. – No. 46. – Pp. 92–96.

Shustrov D. G. Axiology of the Constitution of the Russian Federation of 1993 / D. G. Shustrov // Social and political sciences. – 2015. – No. 4. – Pp. 14–26.

Sugrey L. A. Syncretism of the Ethnic and Religious in the Conflict of Values / L. A. Sugrey // Theory and Practice of Social Development. – 2015. – No. 17. – Pp. 151–154.

Troshchenkova E. V. Value Conflict in Communicative Situations of Various Types: The Influence of Value Mental Representations on Communication Strategies / E. V. Troshchenkova // Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology. – 2012. – No. 2. – Pp. 24–34.

Для цитирования:

Горбунов М.Д. Конфликт ценностей: правовой аспект // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 2(11). С. 58–66.

Recommended citation:

Gorbunov M. D. Conflict of values: legal aspect // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 2(11). Pp. 58–66.

Сведения об авторе

Горбунов Максим Дмитриевич – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, кандидат юридических наук

E-mail: maxandgor@gmail.com

Information about the author

Gorbunov Maxim Dmitrievich – Senior Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law of Faculty of Law of Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Candidate of Legal Sciences

E-mail: maxandgor@gmail.com

ТЕХНОЛОГИИ ВЕДЕНИЯ ПЕРЕГОВОРОВ КАК СПОСОБ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

А. Н. Жане

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Поступила в редакцию 5 февраля 2024 г.

Аннотация: статья посвящена изучению переговорного процесса как эффективного механизма альтернативного урегулирования юридических споров. Раскрывается понятие конфликта и его особенности. Анализируется проведение переговорного процесса, в котором учитываются психологические аспекты и правосознание спорящих сторон. Исследуются вопросы ведения переговоров как формы социального взаимодействия, которые взаимосвязаны с такими науками, как философия, социология, психология, политология. Рассматриваются различные методы и подходы, направленные на достижение примирения между сторонами конфликта.

Ключевые слова: переговоры, конфликт, стороны, переговорный процесс, позиция.

NEGOTIATION TECHNOLOGIES AS A WAY AS A WAY OF LEGAL CONFLICTS REGULATION

A. N. Zhane

Kuban State University

Abstract: the article is devoted to the study of the negotiation process as an effective mechanism for alternative settlement of legal disputes. The concept of conflict and its features are revealed. The article analyzes the negotiation process, which takes into account the psychological aspects and the legal awareness of the disputing parties. The article examines the issues of negotiation as a form of social interaction, which are interrelated with such sciences as philosophy, sociology, psychology, and political science. Various methods and approaches aimed at achieving reconciliation between the parties to the conflict are considered.

Key words: negotiations, conflict, parties, negotiation process, position.

Переговоры в юридическом контексте представляют собой структурированный процесс коммуникации между сторонами с целью достижения взаимоприемлемого решения конфликта. Эффективные технологии ведения переговоров основываются на принципах психологии, коммуникации и юриспруденции.

В современном мире всё большее значение приобретают альтернативные способы разрешения юридических конфликтов¹. Одним из наиболее распространенных и относительно простых методов в данном контексте являются переговоры. Этот способ позволяет сторонам, находящимся в конфликте, прийти к взаимоприемлемому соглашению. Выбирая данный формат урегулирования споров, участники осознают, что успех переговоров возможен только при активном и добросовестном участии обеих сторон. Они стремятся к мирному разрешению конфликта, учитывая интересы и позиции друг друга.

Г. П. Геранюшкина утверждала, что любой конфликт представляет собой целостную динамическую систему. Конфликт – это всегда процесс, переход от одного обстоятельства к другому, каждое из которых характеризуется своей степенью напряженности между участниками конфликта².

Однако стоит отметить, что в юридической науке до сих пор не существует единого подхода к определению термина «переговоры». Например, И. Н. Кузнецов определял переговоры как «средство взаимодействия между людьми, нацеленное на достижение соглашения, когда интересы сторон либо совпадают, либо противоречат друг другу»³. Такое понимание подчеркивает универсальный характер переговорного процесса, где ключевую роль играет способность сторон к поиску компромисса.

Переговоры рассматриваются и как способ преодоления или завершения конфликтов, и как средство достижения соглашений, и как способ оказания влияния, как коллективная воля к изменению (Л. Белланже)⁴.

Необходимо отметить, что переговоры как форма альтернативного разрешения юридических споров обладают рядом специфических черт, выгодно выделяющих их среди других методов. Прежде всего, данный способ обеспечивает высокий уровень конфиденциальности, что делает его особенно привлекательным в случаях, когда требуется защита личных или коммерческих данных. Кроме того, переговоры отличаются оперативностью: процесс их проведения значительно быстрее, чем затяжные и формализованные судебные разбирательства. Более того, ключе-

¹ См.: Худойкина Т. В. Перспективы развития альтернативного разрешения правовых споров и конфликтов в регионах Российской Федерации // Регионоведение. 2005. № 4. С. 53.

² См.: Геранюшкина Г. П. Управление конфликтами и организация переговорного процесса : учеб. пособие. Иркутск, 2015. С. 174.

³ Кузнецов И. Н. Деловое общение : учеб. пособие. М., 2021. С. 335.

⁴ См.: Белланже Л. Переговоры / пер. с фр. 5-е изд. СПб., 2002. С. 122.

вой особенностью переговоров является их межличностный характер, предполагающий прямое взаимодействие сторон, что способствует обмену достоверной информацией и более глубокому взаимопониманию.

Несмотря на то, что переговоры давно заняли значимое место в правоприменительной практике, их детальное изучение в рамках юридической науки началось недавно. Это позволяет утверждать, что переговоры представляют собой эффективный механизм разрешения конфликтов, обладающий рядом ключевых преимуществ, таких как высокая степень гибкости при поиске решений, экономия временных и финансовых ресурсов, а также сохранение конфиденциальности. В современных научных исследованиях выделяют два типа переговоров – позиционные и принципиальные (интегративные), которые характеризуются противоположным подходом к процессу достижения соглашений.

Позиционные переговоры, являющиеся одной из наиболее ранних форм урегулирования споров, базируются на принципах торга и характеризуются конкурентным взаимодействием сторон, где каждая стремится добиться максимальной выгоды, зачастую в ущерб другой. Для этого метода характерно активное использование манипулятивных приемов, что делает итоговый результат напрямую зависимым от уровня профессиональной подготовки и тактических навыков участников. Однако такой подход имеет существенный недостаток: достигнутые соглашения, как правило, отражают лишь внешние позиции сторон, не затрагивая их глубинных интересов, что нередко приводит к поверхностным или кратковременным разрешениям конфликта.

Переговоры являются одним из наиболее востребованных и действенных методов разрешения конфликтов, включая правовые споры. В юридической практике переговоры представляют собой процесс урегулирования спора, в рамках которого участники рассматривают друг друга как ценные ресурсы для достижения своих целей и реализации взаимных интересов.

Можно отметить основные преимущества переговоров:

- 1) гибкость в выработке решений. Переговоры предоставляют сторонам возможность совместно создавать индивидуальное и нестандартное решение, которое максимально учитывает их интересы, в отличие от формальных процедур, таких как судебное разбирательство;
- 2) экономия времени. В отличие от затяжных судебных процессов переговоры позволяют значительно ускорить достижение соглашения, поскольку не требуют соблюдения сложных процессуальных формальностей;
- 3) снижение финансовых затрат. Проведение переговоров, как правило, обходится значительно дешевле, так как исключаются расходы на

судебные издержки, оплату услуг адвокатов в ходе длительного разбирательства и другие сопутствующие затраты;

4) конфиденциальность. Переговорный процесс позволяет сохранить в тайне как сам факт спора, так и условия его разрешения, что особенно важно в делах, связанных с коммерческими интересами или репутацией сторон;

5) контроль над процессом. Стороны самостоятельно управляют ходом переговоров, принимая активное участие в принятии решений, что исключает зависимость от третьих лиц, таких как судьи или арбитры;

6) сохранение деловых и личных отношений. Переговоры, в отличие от судебных разбирательств, которые часто сопровождаются конфликтами, способствуют конструктивному взаимодействию и позволяют минимизировать напряженность между сторонами, сохраняя возможность для дальнейшего сотрудничества;

7) ориентированность на интересы сторон. В переговорах акцент делается на достижение взаимоприемлемого решения, которое удовлетворяет глубинные интересы обеих сторон, а не только на формальное разрешение спора;

8) предотвращение эскалации конфликта. Переговоры помогают избежать обострения противостояния, характерного для судебных процессов, что снижает риск возникновения дополнительных споров или ухудшения отношений между сторонами.

Следует подчеркнуть, что в процессе переговоров ключевую роль играют различные методы и подходы, направленные на достижение примирения между сторонами конфликта. Однако при этом особое внимание необходимо уделять соблюдению интересов обеих сторон. Применение тактики давления или агрессивного поведения в отношении оппонента, как показывает практика, способно лишь усугубить конфликтную ситуацию, препятствуя поиску взаимоприемлемого решения. Поэтому оптимальным условием для проведения переговоров является создание спокойной, уважительной и доброжелательной атмосферы.

Переговоры в современных условиях остаются одним из наиболее доступных и результативных способов разрешения конфликтов. Эффективность данного подхода во многом зависит от грамотного ведения переговорного процесса, а также от применения на практике принципов этики и учета интересов обеих сторон. Соблюдение этих условий позволяет найти решение практически любого спора, создавая основы для взаимопонимания и сотрудничества.

В наиболее общем виде такие переговоры можно охарактеризовать как процесс, в котором основное внимание уделяется не жесткому отстаиванию позиций, а выявлению и анализу глубинных интересов сторон. Именно этот подход открывает возможности для обсуждения более ши-

рокого круга вопросов, разработки разнообразных вариантов решения и достижения взаимовыгодного результата, удовлетворяющего все стороны. С нашей точки зрения, одним из наиболее значимых инструментов для успешного участия в переговорах по урегулированию споров является теория принципиальных переговоров. Этот подход, основанный на рациональном и структурированном ведении диалога, предлагает эффективные стратегии, позволяющие не только минимизировать конфликт, но и выработать решения, отвечающие долгосрочным интересам сторон.

Эффективность переговорного процесса во многом определяется предварительной когнитивной калибровкой: анализом позиционных векторов сторон, четкой артикуляцией целевых параметров и моделированием альтернативных сценариев. Применение техник активного слушания и коммуникации способствует формированию понимания позиций между участниками, помогая найти компромиссы. Адаптивность в переговорах является ключевым фактором успеха, поскольку позволяет сторонам найти взаимовыгодное решение в условиях меняющихся обстоятельств.

Эффективное управление эмоциями также играет важную роль, поскольку сохранение спокойствия и контроля над ситуацией помогает предотвратить эскалацию конфликтов и найти более конструктивный подход к решению проблем. Не менее важным является четкое определение собственных интересов и границ допустимых уступок, что позволяет сторонам защитить свои позиции и найти компромисс, удовлетворяющий обе стороны. Кроме того, использование объективных критериев, таких как правовые нормы и экспертные оценки, может помочь сделать переговоры более рациональными и обоснованными.

В совокупности эти стратегии позволяют создать основу для конструктивного диалога и повысить шансы на достижение успешного результата в переговорах. Они помогают сторонам найти общий язык, преодолеть разногласия и найти взаимовыгодное решение, которое удовлетворяет интересы обеих сторон.

Технологии ведения переговоров могут быть разделены на несколько категорий:

1) информационные технологии: использование компьютерных программ, баз данных и других информационных систем для сбора, анализа и представления информации, необходимой для ведения переговоров;

2) коммуникационные технологии: использование средств связи, таких как телефон, электронная почта, видеоконференции и др., для обмена информацией и проведения переговоров;

3) аналитические технологии: использование методов и инструментов анализа данных, таких как статистика, моделирование и др., для анализа и оценки информации, необходимой для ведения переговоров;

4) психологические технологии: использование методов и инструментов психологии, таких как тесты, опросы и др., для понимания мотивов и поведения сторон конфликта.

Технологии ведения переговоров могут быть использованы на различных этапах процесса разрешения конфликтов, включая:

1) подготовку к переговорам: технологии могут быть использованы для сбора и анализа информации, определения целей и интересов сторон конфликта;

2) проведение переговоров: для обмена информацией, проведения видеоконференций и других форм коммуникации;

3) анализ и оценка: для анализа и оценки информации, полученной во время переговоров;

4) разработка и реализация соглашений: для разработки и реализации соглашений, достигнутых во время переговоров.

Переговоры представляют собой многогранный, динамичный процесс межличностного взаимодействия, в то время как претензионный порядок можно охарактеризовать как формализованный обмен документами. Эта фундаментальная разница определяет ряд существенных отличий в их эффективности и применимости.

Во-первых, переговоры обладают уникальной пластичностью, позволяющей сторонам в режиме реального времени адаптировать свои позиции и стратегии. Эта адаптивность особенно ценна в сложных, многоаспектных спорах, где жесткие рамки претензионного порядка могут оказаться недостаточно гибкими.

Во-вторых, переговоры создают пространство для невербальной коммуникации, которая часто играет ключевую роль в понимании истинных намерений и эмоционального состояния оппонента. Этот аспект полностью отсутствует в претензионном порядке, ограниченном текстовым форматом.

В-третьих, переговоры позволяют использовать широкий спектр психологических техник и тактик убеждения, что может существенно повысить шансы на достижение взаимовыгодного решения. Претензионный порядок, напротив, ограничивает возможности для такого рода воздействия.

Наконец, переговоры способствуют формированию более глубокого взаимопонимания между сторонами, что может иметь долгосрочное положительное влияние на их отношения. Претензионный порядок, будучи более формальным и отстраненным, редко приводит к подобным результатам⁵.

⁵ См.: Переговоры в гражданском праве и цивилистическом процессе : монография / Р. Ю. Банников, О. И. Величкова, Е. А. Евтухович [и др.] ; под ред. Е. И. Носыревой, Д. Г. Фильченко. М., 2023.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что правильная тактика ведения переговоров играет важную и значимую роль в юридических конфликтах. Можно сказать, что переговоры представляют собой не только эффективный инструмент разрешения юридических споров, но и способ, позволяющий сторонам достичь взаимовыгодного результата при минимальных затратах ресурсов и времени. Технологии ведения переговоров могут быть эффективным средством регулирования юридических конфликтов, но их применение требует тщательного планирования, подготовки и оценки.

Библиографический список

Банников Р. Ю. Переговоры в гражданском праве и цивилистическом процессе : монография / Р. Ю. Банников, О. И. Величкова, Е. А. Евтухович [и др.]. – М. : Статут, 2023. – 272 с.

Белланже Л. Переговоры / Л. Белланже. – СПб. : Издательский дом «Нева», 2002. – 123 с.

Геранюшкина Г. П. Управление конфликтами и организация переговорного процесса : учеб. пособие / Г. П. Геранюшкина. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2015. – 175 с.

Кузнецов И. Н. Деловое общение : учеб. пособие / И. Н. Кузнецов. – М. : Дашков и К°, 2021. – 524 с.

Худойкина Т. В. Перспективы развития альтернативного разрешения правовых споров и конфликтов в регионах Российской Федерации / Т. В. Худойкина // Регионоведение. – 2005. – № 4. – С. 61–70.

References

Bannikov R. Yu. Negotiations in civil law and civilistic process : monograph / R. Yu. Bannikov, O. I. Velichkova, E. A. Evtukhovich [et al.]. – Moscow : Statut, 2023. – 272 p.

Bellanger L. Negotiations / L. Bellanger. – St. Petersburg : Publishing house "Neva", 2002. – 123 p.

Geranyushkina G. P. Conflict management and organization of the negotiation process : textbook manual / G. P. Geranyushkina. – Irkutsk : Publishing house of BSUEL, 2015. – 175 p.

Khudoykina T. V. Prospects for the development of alternative resolution of legal disputes and conflicts in the regions of the Russian Federation / T. V. Khudoykina // Regionology. – 2005. – No. 4. – Pp. 61–70.

Kuznetsov I. N. Business communication : textbook for bachelors / I. N. Kuznetsov. – Moscow : Dashkov and K°, 2021. – 524 p.

Для цитирования:

Жане А. Н. Технологии ведения переговоров как способ регулирования юридических конфликтов // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 2(11). С. 67–74.

Recommended citation:

Zhane A. N. Negotiation technologies as a way of legal conflicts regulation // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 2(11). Pp. 67–74.

Сведения об авторе

Жане Асиет Нурбиевна – преподаватель кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

E-mail: a.zhane31@mail.ru

Information about author

Zhane Asiet Nurbievna – Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law of Kuban State University

E-mail: a.zhane31@mail.ru

УДК 349.227:347.9(476)

СПОРЫ О ВОССТАНОВЛЕНИИ НА РАБОТЕ ЛИЦ, УВОЛЕННЫХ ПО СОГЛАШЕНИЮ СТОРОН: О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В. П. Скобелев

Белорусский государственный университет

Поступила в редакцию 12 марта 2025 г.

Аннотация: в статье анализируются материально-правовые и процессуальные особенности рассмотрения споров о восстановлении на работе лиц, уволенных по соглашению сторон, в контексте разъяснений, которые были даны Пленумом Верховного Суда Республики Беларусь в Постановлении от 21 декабря 2023 г. № 9 «О применении судами законодательства при рассмотрении гражданских дел о прекращении трудовых договоров». Показано, что данные разъяснения, с одной стороны, имеют дискуссионный характер (в той части, в которой указывают, что мотивы заключения соглашения об увольнении правового значения не имеют), с другой стороны, не охватывают всего спектра возникающих в правоприменительной практике проблем (в частности, связанных с тем, каким образом стороны могут достичь договоренности об отмене соглашения об увольнении и каковы последствия ситуации, если одна из сторон достигнутой договоренности не придерживается).

Ключевые слова: работник, наниматель, увольнение по соглашению сторон, спор о восстановлении на работе.

DISPUTES ON THE REINSTATEMENT OF PERSONS DISMISSED BY MUTUAL AGREEMENT: SOME PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE AT THE REPUBLIC OF BELARUS

V. P. Skobelev

Belarusian State University

Abstract: the article analyzes the substantive and procedural features of the consideration of disputes on the reinstatement of persons dismissed by agreement of the parties, in the context of the clarifications given by the

© Скобелев В. П., 2025

Plenum of the Supreme Court of the Republic of Belarus in the Resolution of December 21, 2023 № 9 “On the application of legislation by the courts when considering civil cases on termination of employment contracts”. It is shown that these clarifications, on the one hand, are of a debatable nature (in the part that indicates that the motives for concluding an agreement on dismissal have no legal significance), on the other hand, do not cover the full range of problems arising in law enforcement practice (in particular, related to how the parties can reach an agreement to cancel the agreement on dismissal and what are the consequences of the situation if one of the parties does not adhere to the agreement reached).

Key words: employee, employer, dismissal by mutual agreement, dispute over reinstatement.

21 декабря 2023 г. Пленум Верховного Суда Республики Беларусь принял постановление № 9 «О применении судами законодательства при рассмотрении гражданских дел о прекращении трудовых договоров» (далее – Постановление 2023 г. № 9), которое заменило собой ранее действовавшие постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 марта 2001 г. № 2 «О некоторых вопросах применения судами законодательства о труде» (далее – Постановление 2001 г. № 2) и от 26 июня 2008 г. № 4 «О практике рассмотрения судами трудовых споров, связанных с контрактной формой найма работников» (далее – Постановление 2008 г. № 4). Постановление 2023 г. № 9 посвящено материально-правовым и процессуальным особенностям рассмотрения судами споров о восстановлении на работе лиц, уволенных по различным основаниям, в том числе и по такому основанию, как соглашение сторон – п. 1 ч. 2 ст. 35, ст. 37 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК). Особое внимание следует обратить на разъяснения высшей судебной инстанции страны, которые даны по поводу последней категории споров, поскольку, с одной стороны, эти разъяснения имеют дискуссионный характер, а, с другой – не охватывают собой всего спектра возникающих в правоприменительной практике проблемных вопросов, тем более что в отечественной доктрине¹ соответствующие вопросы должного освещения не получили.

¹ См., напр.: Актуальные проблемы правового положения субъектов трудового права и права социального обеспечения (современное состояние и перспективы развития законодательства) : сб. науч. ст. / под ред. И. А. Комоцкой, Т. М. Петоченко. Минск, 2017; Правовые гарантии эффективной занятости в Республике Беларусь: современное состояние и актуальные направления развития законодательства / Е. И. Астапов [и др.] ; под ред. И. А. Комоцкой, Т. М. Петоченко. Минск, 2020; Теоретико-прикладные аспекты занятости и эффективной организации труда в современных условиях : сб. науч. ст. / под ред. И. А. Комоцкой, Т. М. Петоченко. Минск, 2019; Теоретико-прикладные аспекты ответственности в трудовом праве и праве социального обеспечения в контексте реализации приоритетов социально-экономического развития Республики Беларусь / А. Г. Апенюк [и др.] ; под ред. И. А. Комоцкой, Т. М. Петоченко. Минск, 2021.

О значении мотивов действий сторон при заключении соглашения о прекращении трудового договора. В ч. 1 п. 11 Постановления 2023 г. № 9 закреплено: «При рассмотрении дел об увольнении по соглашению сторон (пункт 1 части второй статьи 35 ТК) судам необходимо выяснять, действительно ли работник и наниматель достигли соглашения о прекращении трудового договора в определенный ими срок и является ли это соглашение добровольным. Мотивы соглашения сторон о прекращении трудового договора не имеют правового значения».

Тем самым здесь с некоторыми модификациями заимствованы разъяснения, которые в свое время были даны применительно к контрактной форме найма работников в ч. 1 п. 17 Постановления 2008 г. № 4: «Обратить внимание судов, что при рассмотрении споров работников о прекращении контракта по соглашению сторон (ст. 37 ТК) подлежат проверке доводы работника и нанимателя о достигнутом соглашении на прекращение трудового договора в определенный ими срок... При этом для правильного разрешения судами споров о законности прекращения контракта не имеют значения мотивы, по которым работником подано заявление об увольнении по соглашению сторон».

Сложно согласиться с тем, что, как отмечено во втором предложении ч. 1 п. 11 Постановления 2023 г. № 9, «мотивы соглашения сторон о прекращении трудового договора не имеют правового значения». Более того, подобное разъяснение, на наш взгляд, противоречит указанию первого предложения ч. 1 п. 11 Постановления 2023 г. № 9 о том, что «судам необходимо выяснять... является ли это соглашение добровольным». Ведь мотивы соглашения сторон об увольнении работника по п. 1 ч. 2 ст. 35, ст. 37 ТК могут свидетельствовать как раз о том, что данное соглашение не является (по крайней мере, со стороны работника) добровольным.

В связи с этим нужно обратить внимание на те указания, которые были даны Пленумом Верховного Суда Республики Беларусь в Постановлении 2001 г. № 2 по поводу споров о восстановлении на работе работников, уволенных по собственному желанию (п. 3 ч. 2 ст. 35, ст. 40 ТК), и которые (указания) в Постановление 2023 г. № 9 не вошли. Согласно ч. 1 п. 21 Постановления 2001 г. № 2 при рассмотрении таких споров судам предписывалось иметь в виду, что «расторжение трудового договора по собственному желанию работника допустимо в случае, когда подача заявления об увольнении являлась добровольным волеизъявлением. Доводы истца о том, что наниматель вынудил его подать заявление об увольнении по собственному желанию, подлежат тщательному исследованию в судебном заседании. Если истец утверждает, что заявление об увольнении было подано под угрозой его увольнения за виновные действия, то при установлении, что им действительно были совершены такие действия и у

нанимателя имелись основания для увольнения истца, подачу заявления об увольнении по собственному желанию нельзя считать вынужденной».

Мы не согласны с указанием о том, что если заявление об увольнении по собственному желанию было подано работником под влиянием угрозы со стороны нанимателя уволить его за виновные действия, которые действительно имели место, то подачу заявления работником нельзя считать вынужденной. Ведь воля работника, направленная на прекращение трудовых отношений по п. 3 ч. 2 ст. 35, ст. 40 ТК, формировалась здесь не свободно (под действием угрозы нанимателя), а значит, и проявление данной воли вовне в форме подачи заявления об увольнении следует считать не свободным, а вынужденным. Однако наибольшее значение в приведенном разъяснении имеет другое, а именно признание того, что судам все-таки следует учитывать мотивы совершения юридически значимых действий в сфере трудовых отношений.

В обозначенной части (в части указания на необходимость учета мотивов совершенных действий) приведенное разъяснение актуально и для случаев увольнения работника по п. 1 ч. 2 ст. 35, ст. 37 ТК, тем более что с точки зрения техники его оформления подобное увольнение ничем не отличается от увольнения по п. 3 ч. 2 ст. 35, ст. 40 ТК. Ведь и в том, и в другом случае работником подается заявление об увольнении с указанием соответствующего основания, а уполномоченным должностным лицом нанимателя на заявлении делается заверяемая его подписью запись «согласовано» («в приказ», «уволить» и т.п.). Просто в первом случае совершение такой записи будет означать достижение между работником и нанимателем соглашения об увольнении по п. 1 ч. 2 ст. 35, ст. 37 ТК, а втором случае – санкционирование (одобрение) нанимателем одностороннего волеизъявления работника, направленного на его увольнение по п. 3 ч. 2 ст. 35, ст. 40 ТК.

Значит, при увольнении работника по п. 1 ч. 2 ст. 35, ст. 37 ТК (точно так же, как и при увольнении по п. 3 ч. 2 ст. 35, ст. 40 ТК) воля работника, направленная на прекращение трудовых отношений, может формироваться не свободно, а под влиянием угроз нанимателя уволить работника за совершенные им виновные действия. Очевидно, что соглашение сторон об увольнении, достигнутое при таком порядке формирования воли работника, не может считаться доброкачественным, оно, выражаясь терминологией гражданского права, должно признаваться недействительным.

Если проводить далее аналогии с гражданским правом, то увольнение работника по соглашению сторон в условиях, когда он подлежал увольнению по совсем другому основанию (за те или иные виновные действия), можно образно назвать притворной сделкой, т.е. сделкой, которая была со-

вершена с целью прикрыть совершенно другую сделку. А согласно п. 2 ст. 171 Гражданского кодекса Республики Беларусь притворная сделка является ничтожной, и к сделке, которую стороны действительно имели в виду, подлежат применению правила, относящиеся к сделке с учетом ее существа.

В пользу вывода о неправомерности действий нанимателя, склонившего работника к прекращению трудового договора по п. 1 ч. 2 ст. 35, ст. 37 ТК под угрозой его увольнения за дисциплинарный проступок, свидетельствуют и положения Декрета Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2014 г. № 5 «Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций», которые сокрытие (подмену) основания увольнения работника при наличии повода для его увольнения за совершение виновных действий трактуют как грубое нарушение трудовых обязанностей, влекущее безусловное привлечение руководителя организации к дисциплинарной ответственности вплоть до увольнения с занимаемой должности (абз. 3 подп. 4.2 п. 4), а сокрытие руководителем организации фактов нарушения работниками трудовых обязанностей либо непривлечение без уважительных причин виновных лиц к установленной законодательством ответственности за такие нарушения квалифицируют в качестве основания увольнения руководителя организации по дискредитирующим обстоятельствам (подп. 6.9 п. 6).

Следовательно, в случае, когда наниматель под угрозой увольнения работника за виновные действия вынудил его подать заявление о прекращении трудовых отношений по п. 1 ч. 2 ст. 35, ст. 37 ТК, суд должен признать увольнение работника незаконным и на работе его восстановить. В такой ситуации наниматель получит возможность уволить восстановленного на работе работника за те реальные виновные действия, которые им прежде были совершены, конечно, при условии, что к данному времени у нанимателя сохранится желание уволить работника (безусловно, при формировании и реализации своих желаний наниматель должен принимать во внимание положения подп. 6.9 п. 6 Декрета Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2014 г. № 5 «Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций») и в наличии будут все необходимые для этого объективные предпосылки, в том числе не истечет срок привлечения работника к дисциплинарному взысканию в виде увольнения.

Таким образом, выяснение мотивов, которыми руководствовались работник и наниматель при заключении соглашения о прекращении трудового договора, имеет большое значение для правильного разрешения трудового спора. В описанном выше примере мотивом заключения соглашения для нанимателя являлось, вероятно, стремление побыстрее и без особых сложностей избавиться от «неудобного работника», а для работ-

ника – стремление избежать увольнения по «нехорошей статье». Другой вопрос, что и работник, и наниматель, скорее всего, постараются, образно говоря, не выносить сор из избы, вследствие чего произошедший между ними конфликт до суда, наверное, не дойдет, а если и дойдет, то его стороны вряд ли будут публично афишировать те истинные мотивы, которыми они руководствовались при заключении соглашения о прекращении трудового договора. Тем более что и наличие у сторон данных мотивов будет весьма проблематично достоверно доказать (если, конечно, стороны сами не признаются в подобных мотивах).

Однако в одном случае, на наш взгляд, возникший между нанимателем и работником конфликт, приведший к неправильному увольнению работника по п. 1 ч. 2 ст. 35, ст. 37 ТК, до суда непременно дойдет (и правоприменительная практика подтверждает данный вывод). Мы имеем в виду ситуацию, когда наниматель искусственно создал у работника впечатление о том, что им якобы было совершено какое-то правонарушение в области трудовых отношений (например, ввел работника в заблуждение или попросту обманул относительно некоторых обстоятельств, инсценировал некую противоправную ситуацию и т.п.), и, «шантажируя» работника данным обстоятельством, вынудил его оформить увольнение по п. 1 ч. 2 ст. 35, ст. 37 ТК, однако впоследствии работник выяснил, что никаких правонарушений он в действительности не допускал, и в связи с этим принял решение отстоять свои права и охраняемые законом интересы.

Если в такой ситуации работник предъявит иск о восстановлении на работе и указанные обстоятельства найдут свое подтверждение в суде, то суд, на наш взгляд, обязан будет вынести решение о восстановлении работника на работе и, кроме того, постановить в отношении нанимателя частное определение по фактам допущенных им неправомерных действий, направленных на склонение работника к увольнению. При этом наниматель уже не будет иметь возможности впоследствии уволить восстановленного работника за ранее совершенные им (до увольнения по п. 1 ч. 2 ст. 35, ст. 37 ТК) виновные действия, так как последние места не имели.

Отмена соглашения об увольнении. В первом предложении ч. 2 п. 11 Постановления 2023 г. № 9 указано, что «отмена договоренности о прекращении трудовых отношений по пункту 1 части второй статьи 35 ТК возможна только по взаимному согласию работника и нанимателя», что является совершенно верным подходом, так как по общему правилу² лю-

² Исключения из данного правила составляют случаи, когда законодательство допускает односторонний отказ стороны, в том числе через суд, от договора, а также признание договора по инициативе одной из сторон недоброкачественным (недействительным, незаключенным) в судебном порядке.

бой договор сторон может быть отменен (девальвирован, заменен) только другим (более поздним) их договором, но никак не односторонним волеизъявлением одной из сторон. В несколько иной текстуальной форме такая же позиция была отражена и в п. 18 Постановления 2001 г. № 2, ч. 1 п. 17 Постановления 2008 г. № 4: «Аннулирование такой договоренности может иметь место лишь при взаимном согласии нанимателя и работника». В связи с этим возникает вопрос, каким именно образом стороны трудового договора могут отменить свое соглашение о прекращении трудовых отношений и как не спутать (не смешать) такую отмену с попыткой нанимателя или работника отказаться от данного соглашения в одностороннем порядке.

А) Отмена соглашения об увольнении в письменной форме. Как уже было отмечено выше, соглашение об увольнении заключается путем подачи работником заявления об увольнении по п. 1 ч. 2 ст. 35, ст. 37 ТК и последующего проставления уполномоченным должностным лицом нанимателя на данном заявлении положительной резолюции («согласовано», «в приказ», «уволить» и т.п.), заверенной его подписью. Очевидно, что и отмена (а если быть более точным, то расторжение) данного соглашения может происходить (и на практике именно так чаще всего и происходит) по аналогичному алгоритму: посредством подачи работником соответствующего заявления (оно может быть произвольного содержания, в частности, в нем может быть написано, что работник отзывает ранее поданное заявление, просит считать данное заявление недействительным или даже просто просит его не увольнять) и проставления на нем уполномоченным должностным лицом нанимателя положительной резолюции (например, «согласовано», «одобрено»).

Но если на последнем из указанных заявлений никакой резолюции уполномоченным должностным лицом нанимателя проставлено не будет или будет проставлена отрицательная резолюция («не согласовано», «не одобрено», «против», «отказать» и т.п.), то договоренность сторон относительно отмены (расторжения) ранее заключенного соглашения об увольнении считать достигнутой будет нельзя, между сторонами по-прежнему будет действовать соглашение об увольнении работника в оговоренный ими срок. В этом случае факт подачи работником такого (не завизированного нанимателем или завизированного им отрицательным образом) заявления в лучшем случае может быть квалифицирован судом (если спор дойдет до суда) как попытка работника отказаться от соглашения об увольнении в одностороннем порядке, которая (попытка) никаких юридических последствий, конечно же, не породила и породить не могла.

Вместе с тем нельзя не обратить внимания на то, что норма ч. 3 ст. 40 ТК позволяет работнику отозвать свое заявление о прекращении трудовых отношений до дня увольнения: «Работник имеет право до истечения срока предупреждения письменно отозвать свое заявление, если на его место не приглашен другой работник, которому в соответствии с законодательством не может быть отказано в заключении трудового договора». Поскольку оформление прекращения трудового договора по п. 3 ч. 2 ст. 35, ст. 40 ТК и по п. 1 ч. 2 ст. 35, ст. 37 ТК с организационно-технической точки зрения осуществляется в одинаковом порядке (путем подачи работником соответствующего заявления и визирования последнего уполномоченным должностным лицом нанимателя), возникает вопрос, не имеет ли работник право отозвать свое заявление об увольнении по п. 1 ч. 2 ст. 35, ст. 37 ТК точно так же, как он имеет право отозвать свое заявление об увольнении по п. 3 ч. 2 ст. 35, ст. 40 ТК?

На поставленный вопрос нужно ответить отрицательно по следующим причинам. Дело в том, что соответствующие действия сторон (подача работником заявления об увольнении и его визирование уполномоченным должностным лицом нанимателя) при увольнении по п. 3 ч. 2 ст. 35, ст. 40 ТК и при увольнении по п. 1 ч. 2 ст. 35, ст. 37 ТК имеют совершенно разное юридическое значение.

При увольнении по п. 3 ч. 2 ст. 35, ст. 40 ТК подача работником заявления означает выражение им одностороннего волеизъявления, которое является единственным и достаточным основанием для прекращения трудовых отношений с нанимателем. Санкционирование данного волеизъявления уполномоченным должностным лицом нанимателя путем проставления положительной резолюции на заявлении работника имеет, по сути, чисто техническое значение, выступая своеобразным сигналом для кадровой службы организации подготовить соответствующий приказ. Поскольку основанием для увольнения здесь выступает волеизъявление исключительно лишь работника, то очевидно, что от одного только работника должна зависеть и судьба данного волеизъявления (а фактически судьба увольнения): будет ли работник придерживаться сделанного волеизъявления вплоть до своего увольнения или же все-таки посчитает целесообразным в силу тех или иных обстоятельств его отозвать. Именно этим объясняется тот факт, что ч. 3 ст. 40 ТК позволяет работнику отозвать свое заявление до момента увольнения, не нарушая, однако, интересы других лиц (другие лица – это работник, которому не может быть отказано в заключении трудового договора, и наниматель, который данного работника пригласил к себе на работу вместо работника, увольняющегося по собственному желанию).

При увольнении же по п. 1 ч. 2 ст. 35, ст. 37 ТК действия в виде подачи работником заявления об увольнении и проставления уполномоченным должностным лицом нанимателя положительной резолюции на данном заявлении представляют собой заключение сторонами соглашения, указанного в п. 1 ч. 2 ст. 35, ст. 37 ТК. Соответственно для отмены (расторжения) данного соглашения тоже необходимы встречные обоюдные волеизъявления обеих сторон трудового договора, наличия волеизъявления только одной из них будет недостаточно. Поэтому применение нормы ч. 3 ст. 40 ТК, закрепляющей право работника на односторонний отзыв своего заявления об увольнении, в ситуации увольнения по п. 1 ч. 2 ст. 35, ст. 37 ТК является невозможным, чем, собственно, и объясняется отсутствие подобной нормы в ст. 37 ТК.

Б) Отмена соглашения об увольнении в устной форме. Договоренность сторон об отмене (расторжении) соглашения, предусмотренного п. 1 ч. 2 ст. 35, ст. 37 ТК, может быть достигнута не только в письменной, но также, вероятно, и в устной форме (например, в ходе личного приема работника уполномоченным должностным лицом нанимателя или в ходе случайной встречи и последовавшей за ней устной коммуникации данных лиц на территории организации). Если такая устная договоренность сторонами выполнена в полном объеме (наниматель не издал приказ об увольнении, а работник не прекратил работу) и у сторон не возникло на данный счет никаких претензий друг к другу (например, что никакой устной договоренности не было и нужно было придерживаться заключенного в письменной форме соглашения об увольнении), то, собственно, и никаких проблем здесь нет.

Однако устная форма договоренности и вытекающие отсюда сложности с доказыванием ее существования (в том числе в случае возникновения спора в суде) могут спровоцировать то, что одна из сторон в конечном счете будет действовать так, как будто никакой устной договоренности не было. Например, работник в нарушение устной договоренности может работу все-таки прекратить (с момента, указанного в письменном соглашении об увольнении). В такой ситуации поведение нанимателя, который, придерживаясь устной договоренности, приказ об увольнении работника не издал, внешне (при недоказанности устной договоренности) будет выглядеть как односторонний отказ от письменного соглашения об увольнении, т.е. как ситуация, описанная во втором предложении ч. 2 п. 11 Постановления 2023 г. № 9: «...когда вопреки достигнутой договоренности о прекращении трудовых отношений с согласованной даты, указанной в заявлении об увольнении, наниматель приказ об увольнении не издал, а работник работу прекратил, односторонний от-

каз нанимателя от прекращения трудового договора не может быть признан правомерным»³.

Возможна и противоположная ситуация: наниматель, игнорируя устную договоренность, приказ об увольнении издал, а работник, руководствуясь устной договоренностью, продолжает работать (по крайней мере, посещает место работы или, если его туда не пускают, предпринимает попытки на место работы попасть). В данном случае, если устная договоренность не доказана, уже действия работника будут выглядеть как попытки в одностороннем порядке отказаться от заключенного с нанимателем в письменной форме соглашения об увольнении.

Таким образом, можно сказать, что ситуация, когда между работником и нанимателем имеется недоказанная (неподтвержденная) устная договоренность об отмене (расторжении) письменного соглашения об увольнении, с юридической точки зрения (т.е. по своим юридическим последствиям) ничем не отличается от ситуации, когда никакой договоренности об отмене (расторжении) письменного соглашения об увольнении между сторонами вообще нет. И в той, и в другой ситуации действия любой из сторон, противоречащие письменному соглашению об увольнении, должны квалифицироваться судом как попытки одностороннего отказа от данного соглашения со всеми вытекающими отсюда последствиями (признанием данных попыток не имеющими никакого правового результата). Поэтому-то разъяснение из второго предложения ч. 2 п. 11 Постановления 2023 г. № 9, которое рассчитано на ситуации, когда никакой договоренности об отмене (расторжении) соглашения об увольнении между сторонами нет, вполне актуально и для ситуаций, когда соответствующая устная договоренность сторон доказана (подтверждена) не была.

В) Отмена соглашения об увольнении конклюдентными действиями или заключение нового трудового договора. Практика трудовых взаимоотношений работников и нанимателей свидетельствует, что иногда, несмотря на достигнутое сторонами соглашение об увольнении работника по п. 1 ч. 2 ст. 35, ст. 37 ТК, в силу тех или иных причин (ввиду огрехов в работе кадровой службы, нежелания нанимателя отпускать ценного работника и пр.) приказ об увольнении наниматель в надлежащий срок может не издать, а работник, принимая во внимание отсутствие данного приказа, может по-прежнему являться на работу и выполнять свою тру-

³ Данное разъяснение заимствовано (с некоторыми модификациями) из ч. 2 п. 17 Постановления 2008 г. № 4: «Если при рассмотрении спора будет установлено, что наниматель, несмотря на достигнутое соглашение о прекращении контракта с даты, указанной работником в заявлении, не издал приказ об увольнении, а работник прекратил работу, то односторонний отказ нанимателя от достигнутого сторонами соглашения о прекращении контракта следует признавать неправомерным».

довую функцию. Каким образом подобную ситуацию следует оценивать с точки зрения трудового права?

На первый взгляд, здесь есть основания говорить о достижении сторонами договоренности об отмене (расторжении) соглашения об увольнении работника по п. 1 ч. 2 ст. 35, ст. 37 ТК посредством совершения ими конклюдентных действий (ведь заключение договоров с помощью конклюдентных действий является обычной практикой гражданского оборота – см., например, п. 3 ст. 408 ГК). Однако в связи с этим нужно обратить внимание на один очень важный нюанс, связанный с определением даты и порядка прекращения трудовых отношений в случае увольнения работника по соглашению сторон.

В первом предложении п. 18 Постановления 2001 г. № 2 было разъяснено: «Судам необходимо иметь в виду, что в соответствии со ст. 37 ТК при достижении договоренности между работником и нанимателем на прекращение трудового договора по соглашению сторон договор прекращается в срок, определенный сторонами». К сожалению, данное разъяснение не вошло в Постановление 2023 г. № 9. Тем не менее не подлежит сомнению, что точно такого же подхода судам стоит придерживаться и в настоящее время.

А из этого подхода следует, что если до даты увольнения, определенной в соглашении об увольнении работника по п. 1 ч. 2 ст. 35, ст. 37 ТК, сторонами не будет достигнута (ни в письменной, ни в устной формах) договоренность об отмене (расторжении) данного соглашения, трудовой договор в указанную дату свое действие автоматически прекратит, причем даже несмотря на то, что на данную дату нанимателем не будет издан приказ об увольнении, а работник в эту и последующие даты будет продолжать посещать место работы и выполнять свою трудовую функцию. Ведь отсутствие приказа об увольнении в этом случае необходимо будет рассматривать как односторонний (а значит, незаконный) отказ нанимателя от соглашения об увольнении. Действия же работника по исполнению трудовых обязанностей, совершенные в обозначенную и последующие даты, никакого значения (в том числе конклюдентного) для продолжения «жизни» трудового договора иметь не будут, так как с согласованной сторонами даты он уже будет являться прекращенным.

Допуск нанимателем работника к работе в условиях, когда ранее заключенный между ними трудовой договор свое действие прекратил (в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 35, ст. 37 ТК), будет представлять собой не что иное, как ситуацию, описанную в ч. 2 ст. 25 ТК: «Фактическое допущение уполномоченным должностным лицом нанимателя работника к работе

является началом действия трудового договора независимо от того, были ли прием на работу надлежащим образом оформлен».

Нельзя не заметить, что общим для двух приведенных подходов к юридической квалификации анализируемой ситуации является то, что трудовые отношения между работником и нанимателем будут продолжаться. И если у данных субъектов нет в настоящее время и не возникнет в будущем никаких претензий друг к другу по поводу ситуации с несостоявшимся (по крайней мере, фактически) увольнением работника по п. 1 ч. 2 ст. 35, ст. 37 ТК, то очевидно, что во все эти юридические нюансы они не будут вникать, предпочтя просто «забыть» о факте подачи работником заявления об увольнении (не исключаем, что в этом случае стороны могут даже просто физически такое заявление уничтожить).

Но если между сторонами соответствующий трудовой спор все-таки возник, то правильная правовая оценка ситуации с увольнением работника по п. 1 ч. 2 ст. 35, ст. 37 ТК приобретает очень важное значение, тем более что второй вариант юридической квалификации (являющийся, на наш взгляд, самым верным) отличается от первого по следующим принципиальным моментам:

- фактическое прекращение трудового договора по п. 1 ч. 2 ст. 35, ст. 37 ТК должно быть надлежащим образом оформлено (путем издания нанимателем приказа об увольнении и внесения соответствующей записи в трудовую книжку работника);

- в связи с увольнением с работником должен быть произведен окончательный расчет (ст. 77 ТК);

- фактически возникшие между сторонами новые трудовые отношения должны быть тоже надлежащим образом оформлены (посредством заключения нового трудового договора, издания нанимателем приказа о приеме на работу и внесения необходимой записи в трудовую книжку работника);

- если трудовой договор, прекращенный сторонами по п. 1 ч. 2 ст. 35, ст. 37 ТК, являлся срочным (в том числе контрактом), то новые трудовые отношения, возникшие сразу после прекращения данного трудового договора, вероятно, нужно считать трудовыми отношениями на условиях трудового договора, заключенного на неопределенный срок (ст. 39, ч. 2 ст. 261-4 ТК);

- более того, каким бы ни был прекращенный сторонами трудовой договор (срочным или заключенным на неопределенный срок), возникшие между сторонами новые трудовые отношения в любом случае нужно будет считать трудовыми отношениями на условиях бессрочного трудового договора, потому что фактический допуск уполномоченным долж-

ностным лицом нанимателя работника к работе является началом действия трудового договора (ч. 2 ст. 25 ТК), а если в трудовом договоре не оговорен срок его действия (при фактическом допуске нанимателем работника к работе как раз и складывается подобная ситуация: трудовой договор начал действовать, но по причине неоформления его в письменной форме срок действия трудового договора фактически оказывается в нем не оговоренным), трудовой договор считается заключенным на неопределенный срок (ч. 2 ст. 17 ТК).

Библиографический список

Актуальные проблемы правового положения субъектов трудового права и права социального обеспечения (современное состояние и перспективы развития законодательства) : сб. науч. ст. / под ред. И. А. Комоцкой, Т. М. Петоченко. – Минск : Четыре четверти, 2017. – 243 с.

Правовые гарантии эффективной занятости в Республике Беларусь: современное состояние и актуальные направления развития законодательства / Е. И. Астапов [и др.] ; под ред. И. А. Комоцкой, Т. М. Петоченко. – Минск : Колорград, 2020. – 500 с.

Теоретико-прикладные аспекты занятости и эффективной организации труда в современных условиях : сб. науч. ст. / под ред. И. А. Комоцкой, Т. М. Петоченко. – Минск : Четыре четверти, 2019. – 214 с.

Теоретико-прикладные аспекты ответственности в трудовом праве и праве социального обеспечения в контексте реализации приоритетов социально-экономического развития Республики Беларусь / А. Г. Апенюк [и др.] ; под ред. И. А. Комоцкой, Т. М. Петоченко. – Минск : ИВЦ Минфина, 2021. – 343 с.

References

Current issues of the legal status of subjects of labor law and social security law (current state and prospects for the development of legislation) : collection of scientific articles / ed. by I. A. Komotskaya, T. M. Petochenko. – Minsk : Four Quarters, 2017. – 243 p.

Legal guarantees of effective employment in the Republic of Belarus: current state and current directions of development of legislation / E. I. Astapov [et al.] ; ed. by I. A. Komotskaya, T. M. Petochenko. – Minsk : Kolorgrad, 2020. – 500 p.

Theoretical and applied aspects of employment and effective organization of labor in modern conditions : collection of scientific articles / ed. by I. A. Komotskaya, T. M. Petochenko. – Minsk : Four Quarters, 2019. – 214 p.

Theoretical and applied aspects of liability in labor law and social security law in the context of the implementation of priorities of socio-economic development of the Republic of Belarus / A. G. Apenok [et al.] ; ed. by I. A. Komotskaya, T. M. Petochenko. – Minsk : Information and Computer Center of the Ministry of Finance, 2021. – 343 p.

Для цитирования:

Скобелев В. П. Споры о восстановлении на работе лиц, уволенных по соглашению сторон: о некоторых проблемах правоприменительной практики в Республике Беларусь // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 2(11). С. 75–88.

Recommended citation:

Skobelev V. P. Disputes on the reinstatement of persons dismissed by mutual agreement: some problems of law enforcement practice at the Republic of Belarus // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 2(11). Pp. 75–88.

Сведения об авторе

Скобелев Владимир Петрович – заместитель декана по учебной работе и образовательным инновациям юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: s_v_p@tut.by

Information about author

Skobelev Vladimir Petrovich – Deputy Dean for Academic Affairs and Educational Innovations of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

E-mail: s_v_p@tut.by

УДК 437.941

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОНФЛИКТОВ ПРИ РАСКРЫТИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Д. Р. Зверев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 4 марта 2025 г.

Аннотация: в статье рассматриваются вариативные причины конфликтов, возникающих при раскрытии электронных доказательств в арбитражном судопроизводстве, анализируются подходы судебной практики к их разрешению. Подчеркивается значимость принципа добросовестности поведения сторон, а также риски юридической ответственности в случаях нарушения правовых норм, допущенных участниками процесса.

Ключевые слова: юридические конфликты, доказательства, доказывание, арбитражный процесс, добросовестность.

REASONS FOR CONFLICTS IN THE DISCLOSURE OF ELECTRONIC EVIDENCE IN ARBITRATION PROCEEDINGS

D. R. Zverev

Voronezh State University

Abstract: the article examines the variable causes of conflicts arising during the disclosure of electronic evidence in arbitration proceedings, analyzes the approaches of judicial practice to their resolution. The importance of the principle of good faith of the parties' behavior is emphasized, as well as the risks of legal liability in cases of violation of legal norms committed by the participants in the proces.

Key words: legal conflicts, evidence, proving, arbitration process, good faith.

При осуществлении практической юридической деятельности в качестве представителя одной из сторон спора нередко приходится наблюдать конфликтную ситуацию, возникающую между участниками судебного разбирательства в арбитражном суде при раскрытии электронных доказательств.

© Зверев Д. Р., 2025

Суды активно применяют электронные формы правосудия, которые предоставляют сторонам спора возможность подачи документов в электронном виде. Прямое указание на возможность использования электронных доказательств содержится в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ (далее – ВС РФ) «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства»: «Направление обращения с использованием информационно-телекоммуникационной сети (например, по адресу электронной почты, в социальных сетях и мессенджерах) свидетельствует о соблюдении досудебного порядка урегулирования спора исключительно в случае, если такой порядок установлен нормативным правовым актом, явно и недвусмысленно предусмотрен в договоре либо данный способ переписки является обычной сложившейся деловой практикой между сторонами и ранее обмен корреспонденцией осуществлялся в том числе таким образом»¹.

Учитывая один из принципов правосудия, который заключается в состязательности сторон, тем не менее, предусмотренная законодательством состязательность иногда переходит в конфликтное противоборство между физическими и юридическими лицами.

Конфликтное поведение сторон чаще всего происходит в сфере бизнеса, что неудивительно, так как именно в этой сфере возникают серьезные разногласия субъектов различного рода в части объема оспариваемых прав и правомерности действий субъектов правоотношений. Возникает так называемый юридический конфликт, «в котором спор так или иначе связан с правовыми отношениями сторон (их юридически значимыми действиями или состояниями)»².

Несмотря на то, что компании по-прежнему нередко отправляют юридически значимые сообщения в бумажном виде по почте, основная часть информации поступает им через электронную почту или другие мессенджеры. В ходе переписки и общения с контрагентами они обсуждают договорные обязательства, условия поставки товаров, их оплату, возможные риски, способы их минимизации и гарантии исполнения соглашений. Электронная переписка используется ими для подтверждения заключения договоров, получения товаров, оказания услуг и других обязательств.

К электронным доказательствам суды предъявляют особые требования. Согласно Порядку подачи в арбитражные суды документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, утвержден-

¹ О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства : постановление Пленума ВС РФ от 22 июня 2021 г. № 18 [Электронный ресурс]. URL: www.vsrfl.ru

² Юридическая конфликтология / под ред. В. Н. Кудрявцева. М., 1995. С. 9.

ному приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ³, электронные документы представляют в суд в том формате, в котором они были подготовлены и подписаны. Например, файлы с текстовым содержанием – в форматах PDF, RTF, DOC, DOCX, XLS, XLSX, ODT, с графическим содержанием – в форматах JPEG (JPG), PNG, PDF, TIFF и т.д. При несоблюдении сторонами указанных правил суд не может принять электронные доказательства, обосновывающие их позицию, что, в свою очередь, может привести к юридическому конфликту.

Пример судебной практики. Арбитражным судом Иркутской области по делу о признании физического лица несостоятельным (банкротом) было установлено, что финансовым управляющим электронные образы документов, приложенные к отчету, были сформированы одним файлом объемом 362 листа, тогда как размер файла электронного образа не должен превышать 30 Мб в формате PDF в виде отдельного файла. Судом был объявлен перерыв в судебном заседании для предоставления стороне дела времени на оформление документов в соответствии с установленным порядком⁴. Финансовым управляющим требования суда не были исполнены, что породило юридический конфликт.

Так как арбитражные суды разрешают споры между юрлицами и индивидуальными предпринимателями в качестве суда первой инстанции, то в период разбирательства суд истребует документы, составленные сторонами спора.

Важно подчеркнуть, что к цифровым доказательствам суды предъявляют одно общее требование: они не должны содержать признаков изменений, искажений либо фальсификации электронной переписки, скриншотов или аудио-, видеозаписи.

Так, например, доказывание юридических фактов посредством видео- и аудиозаписей нередко используется в корпоративных спорах. Согласно материалам дела, рассмотренного Арбитражным судом Рязанской области⁵, разработчик компьютерных игр Rovio Entertainment Oyj (Ровио Энтертейнмент) взыскал с ИП Маляновой О. С. компенсацию за нарушение исключительных прав на товарные знаки с изображением персонажей из игры Angry Birds в размере 60 000 руб. Ответчица продавала футболки с товарными знаками истца в своем магазине в Рязани. Там истец решил провести контрольную закупку, снимая процесс покупки товара на скрытую камеру. Суд признал такое доказательство допустимым, по-

³ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28 декабря 2016 г. № 252 (в ред. от 20.02.2018 г.) // Бюллетень актов по судебной системе. 2017. № 2.

⁴ Решение Арбитражного суда Иркутской области от 27 мая 2023 г. по делу № А19-15174/2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.02.2025).

⁵ Решение Арбитражного суда Рязанской области от 19 мая 2021 г. по делу № А54-9645/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.02.2025).

скольку магазин является общественным местом, доступным для всех, где разрешено осуществление видеозаписи, включая скрытую. В апелляционном порядке решение арбитражного суда не рассматривалось. Причина конфликта – недобросовестность продавца при осуществлении продажи товара.

О. В. Баулин отмечает, что «...в современной судебной практике формируются правила о перемещении бремени доказывания в зависимости от процессуального поведения сторон в доказательственной деятельности, а также качественных (убедительность и серьезность) характеристик утверждений и представляемых доказательств»⁶.

Игнорирование одной из сторон спора обязательных требований по раскрытию электронных доказательств, а также недостаток знаний в области цифровых технологий и иных возможностей коммуникационных средств могут стать причиной юридического конфликта. Обязанность доказать факт недостоверности доказательства либо фальсификации лежит на той стороне, которая выдвинула такое утверждение.

Так, при рассмотрении Арбитражным судом Калужской области спора по иску ООО «Восьмая заповедь» к ООО «Телерадиокомпания “Ника”» о взыскании компенсации за нарушение исключительного права на фотографическое произведение в размере 50 000 руб. истцу было предложено предоставить сведения о том, при помощи какой фотокамеры была создана спорная цифровая фотография, на что он ответил, что не имеет понятия. Ответ истца суд расценил как свидетельство о том, что предмет договора – исключительные права на индивидуально-определенное цифровое фотопроизведение, одним из признаков которого являются данные о модели и заводском номере фотокамеры, сторонами не определен, его индивидуальные признаки истцу неизвестны. В удовлетворении исковых требований истцу было отказано⁷. Конфликт был разрешен (не в пользу истца).

«...Добросовестность имеет важное значение не только для гражданских отношений, складывающихся в гражданском обороте, но также и для гражданских процессуальных отношений в рамках судопроизводства по конкретному гражданскому делу»⁸.

Участникам судебного разбирательства важно понимать, что неправомерные действия противоречат принципам правосудия и действующим

⁶ См.: Баулин О. В. Вариативность правил доказывания в состязательном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 6.

⁷ Решение Арбитражного суда Калужской области от 27 августа 2020 г. по делу № А23-7527/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.02.2025).

⁸ См.: Соловьева Т. В. Оценка добросовестности поведения участников гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 8.

щему законодательству, порождая юридические конфликты. Искажение документов либо их подлог могут вводить суд в заблуждение, что приводит к вынесению неверного решения.

Это подтверждается следующим примером из судебной практики арбитражного суда. Гражданка Л. А. Перечкина 29 декабря 2022 г. обратилась в Арбитражный суд Иркутской области через систему «Мой арбитр» с заявлением о признании ее банкротом. В судебном заседании, состоявшемся 3 апреля 2023 г., Л. А. Перечкина была признана банкротом, в отношении нее в соответствии с законодательством была введена процедура реализации имущества. Согласно справке ЗАГСа Иркутской области Л. А. Перечкина умерла 5 января 2023 г., т.е. после возбуждения дела о ее банкротстве. При этом 24 января 2023 г. через систему «Мой арбитр» от ее имени поступили дополнительные документы для приобщения к материалам дела, т.е. после смерти должника.

В этот период согласно постановлению Правительства РФ⁹ с 27 декабря 2021 по 31 декабря 2022 г. проводился эксперимент по регистрации граждан РФ в ЕСИА с использованием мобильного приложения. Контроль за осуществлением эксперимента был возложен на Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. Распоряжением Правительства РФ ПАО «Ростелеком» был выбран единственным исполнителем закупок Минцифры РФ в 2023–2024 гг. в рамках нацпрограммы «Цифровая экономика», связанных с инфраструктурой портала госуслуг.

Ввиду некорректной работы указанной системы Арбитражным судом Иркутской области было принято неправомерное решение в отношении должника, в связи с чем, в соответствии с ч. 1 ст. 188.1 АПК РФ, этим же судом 6 апреля 2023 г. (спустя 3 дня после признания умершей Л. А. Перечкиной банкротом) было вынесено частное определение в отношении ПАО «Ростелеком» и Минцифры РФ о принятии необходимых мер, направленных на блокировку ЕСИА должника Перечкиной Л. А.¹⁰

Суть частных определений состоит в том, что они не решают процессуальные споры и вопросы напрямую, а являются реакцией суда на нарушения процессуальных норм в конкретном деле. Кроме того, частные определения выносятся с целью воспитания и обязательны для тех, к

⁹ О проведении эксперимента по регистрации граждан Российской Федерации в федеральной государственной информационной системе «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» с использованием мобильного приложения : постановление Правительства РФ от 22 декабря 2021 г. № 2389 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 1 (Часть I). Ст. 104.

¹⁰ Частное определение Арбитражного суда Иркутской области от 6 апреля 2023 г. по делу № А19-28181/22 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.02.2025).

кому они адресованы. Побуждая физических либо юридических лиц, допустивших недобросовестность, повлекшую нарушение установленных норм и правил, к определенным действиям, частные определения являются своего рода санкциями.

Для предупреждения конфликтных ситуаций, возникающих в связи с применением электронных документов, полагаю необходимым усилить аутентификацию, которая будет способствовать повышению уровня защиты биометрических данных участников обмена электронными документами.

Нельзя не согласиться с мнением С. Ф. Афанасьева: «По большому счету какая разница, каким образом истец или ответчик, свидетели, эксперты, специалисты и прочие субъекты правоотношения общаются с судом (лично или нет)? Главное, чтобы они не искажали юридически значимые сведения»¹¹.

Подлинность либо достоверность электронных доказательств, представляемых в суд, нередко подвергаются другой стороной сомнению, в отличие от доказательств, предоставляемых на бумажных носителях. Стороны применяют разнообразные аргументы и обоснования при раскрытии электронных доказательств, что не всегда, к сожалению, соответствует реальной действительности.

Иногда причиной возникновения юридического конфликта может являться неправомерное поведение участников судебного разбирательства, которое выходит за рамки существующих норм права. В судебной практике встречаются случаи, когда истец либо ответчик при оспаривании электронных доказательств позволяют себе оскорбительно высказываться в процессе относительно других участников разбирательства, что является недопустимым и считается неуважением к суду.

Такие действия участника процесса могут стать основанием для гражданского иска в отношении него либо для начала административного или уголовного преследования.

Так, Арбитражным судом Ярославской области вынесено частное определение в связи с обнаружением в действиях истца признаков преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 297 Уголовного кодекса РФ (неуважение к суду, выразившееся в оскорблении участников судебного разбирательства).

Суть дела в следующем. Обращаясь в Арбитражный суд, истец просил признать недействительным решение общего собрания участников ООО «Инициатор», оформленное протоколом, который был выслан ему

¹¹ См.: Афанасьев С. Ф. О сущности доказательств в контексте использования новых цифровых технологий в цивилистической процессуальной деятельности // Вестник гражданского процесса. 2021. № 5.

по электронной почте без надлежащего оформления и подтверждения его подлинности. В процессе разбирательства при оспаривании электронного документа истец допускал неправомерное поведение к участникам судебного процесса, за что и был привлечен судом к уголовной ответственности. Не согласившись с принятым частным определением суда, истец обжаловал его во Второй Арбитражный апелляционный суд. По его мнению, он никого не оскорблял, а словосочетание «открывать свою варежку» является фразеологизмом, имеет глубокий исторический и культурный контекст. При этом само ходатайство о применении мер процессуального принуждения, как утверждал апеллянт, появилось в результате отсутствия должной реакции со стороны суда на поведение представителя третьего лица, который допускал выкрики с места, смешки, язвительные замечания в отношении истца¹². Таким образом, неправомерное поведение участника судебного процесса породило серьезную конфликтную ситуацию.

Разрешение юридических конфликтов имеет большую актуальность в практической деятельности. Одной из эффективных форм разрешения конфликтов, по мнению многих юристов-практиков, являются переговоры, в процессе которых должны обсуждаться процедуры совместной работы и взаимодействие по спорным вопросам, что будет непременно способствовать предупреждению возникновения конфликтной ситуации.

Библиографический список

Афанасьев С. Ф. О сущности доказательств в контексте использования новых цифровых технологий в гражданско-процессуальной деятельности / С. Ф. Афанасьев // Вестник гражданского процесса. – 2021. – № 5. – С. 276–294.

Баулин О. В. Вариативность правил доказывания в состязательном процессе / О. В. Баулин // Арбитражный и гражданский процесс. – 2023. – № 6. – С. 24–28.

Постановление Второго Арбитражного апелляционного суда от 12 января 2024 г. на частное определение Арбитражного суда Ярославской области от 24 октября 2023 г. по делу № А82-10781/2023 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.02.2025).

Соловьева Т. В. Оценка добросовестности поведения участников гражданского судопроизводства / Т. В. Соловьева // Арбитражный и гражданский процесс. – 2018. – № 8. – С. 13–15.

Юридическая конфликтология / под ред. В. Н. Кудрявцева. – М. : Норма, 1995. – 316 с.

¹² Постановление Второго Арбитражного апелляционного суда от 12 января 2024 г. на частное определение Арбитражного суда Ярославской области от 24 октября 2023 г. по делу № А82-10781/2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.02.2025).

References

Afanasyev S. F. On the nature of evidence in the context of using new digital technologies in civilistic procedural activity / S. F. Afanasyev // Bulletin of civil procedure. – 2021. – No. 5. – Pp. 276–294.

Baulin O. V. Variability of the rules of evidence in adversarial proceedings / O. V. Baulin // Arbitration and civil procedure. – 2023. – No. 6. – Pp. 24–28.

Legal conflictology / edited by V. N. Kudryavtsev. – Moscow : Norma, 1995. – 316 p.

Resolution of the Second Arbitration Court of Appeal dated 12.01.2024 on the private determination of the Arbitration Court of the Yaroslavl Region dated 24.10.2023 in case No. A82-10781/2023 [Electronic resource]. – URL: <https://sudact.ru> (date of access: 15.02.2025).

Solovyeva T. V. Assessment of the good faith behavior of participants in civil proceedings / T. V. Solovyeva // Arbitration and civil procedure. – 2018. – No. 8. – Pp. 13–15.

Для цитирования:

Зверев Д. Р. Причины возникновения конфликтов при раскрытии электронных доказательств в арбитражном судопроизводстве // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 2(11). С. 89–96.

Recommended citation:

Zverev D. R. Reasons for conflicts in the disclosure of electronic evidence in arbitration proceedings // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 2(11). Pp. 89–96.

Сведения об авторе

Зверев Денис Романович – аспирант кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Воронежского государственного университета

E-mail: denis-slaker@yandex.ru

Information about author

Zverev Denis Romanovich – Postgraduate Student of the Department of Civil Law and Procedure of the Faculty of Law of Voronezh State University

E-mail: denis-slaker@yandex.ru

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

УДК 340.115

ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ КОНТЕКСТУАЛИЗАЦИЯ:

Рецензия на книгу “Contextualising legal research: a methodological guide” (S. Taekema, W. Van Der Burg). Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2024. 311 p.

М. А. Беляев

*Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*

Поступила в редакцию 1 марта 2024 г.

Аннотация: в статье дана развернутая характеристика Методологического руководства по контекстуальным исследованиям права, изданного в 2024 г. под авторством двух профессоров права из Нидерландов. Исследована тематическая структура Руководства, потребности, вызвавшие его к жизни, особенности его подготовки, артикулированы основные проблемы юридической методологии и перспективы междисциплинарных исследований юридических доктрин.

Ключевые слова: юридическая наука, правовая доктрина, методология, юридическая практика, истина, понимание правовых текстов, междисциплинарные исследования, контекст.

LEGAL RESEARCH AND ITS CONTEXTUALIZATION:

Review of the book “Contextualising legal research: a methodological guide” (S. Taekema, W. Van Der Burg). Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2024. 311 p.

M. A. Belyaev

Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSAL)

Abstract: the article provides a detailed description of the Methodological Guide on Contextual Legal Studies, published in 2024 under the authorship of two law professors from the Netherlands. The author gives an overview of the thematic structure of the Methodological Guide, the needs that brought

© Беляев М. А., 2025

it to existence, the features of its training, the main problems of legal methodology, and the prospects for interdisciplinary research of legal doctrines.

Key words: legal science, legal doctrine, methodology, legal practice, truth, understanding of legal texts, interdisciplinary research, context.

В прошлом году в свет вышло Методологическое руководство по контекстуальным исследованиям права (издательство Э. Эльгара), авторами которого являются два профессора Университета им. Эразма в Роттердаме (Нидерланды) – Санне Тэкема и Вибрен ван дер Бург. Как отмечено в предисловии, книга является обобщением более чем двадцатилетнего преподавательского опыта авторов и предназначена для тех обучающихся, которые хотят научиться интегрировать собранные эмпирические данные в свое первое самостоятельное теоретическое исследование¹. Именно практическая ориентация руководила авторами при написании текста: с их точки зрения, дискуссия о методах юридического исследования более всего полезна для изучения доктринальной стороны права, но, кроме того, может иметь и практическое применение. Авторы полагают, что доктринальное исследование в юриспруденции может и должно быть междисциплинарным. Не отказывая юриспруденции в наличии собственных методов, они выдвигают идею о включении узкого набора правовых исследовательских стратегий в широкий гуманитарный контекст.

Книга состоит из четырех частей, включающих 14 глав. Первая часть названа «Доктринальное исследование». Первая глава носит вводный ха-

¹ При написании книги авторы использовали собственные ранее опубликованные работы. Мы приводим их здесь, чтобы желающие могли ознакомиться с отдельными идеями, представляющими самостоятельный методологический интерес. К тому же книга, о которой идет речь в рецензии, может быть не всем доступна. *Taekema S. Relative Autonomy: a Characterization of the Discipline of Law // Law and Method. Interdisciplinary Research into Law / Bart van Klink & Sanne Taekema (eds.). Tübingen, 2011. Pp. 33–52; Idem. Theoretical and Normative Frameworks for Legal Research: Putting Theory into Practice // Law and Method. 2018. Pp. 1–17; Taekema S., van der Burg W. Legal Philosophy as an Enrichment of Doctrinal Research. Part I, Introducing Three Philosophical Methods // Law and Method. 2020. Pp. 1–20. DOI:10.5553/REM/.000046; Idem. Legal Philosophy as an Enrichment of Doctrinal Research. Part II, The Purposes of Including Legal Philosophy // Law and Method. 2022. Pp. 1–19. DOI:10.5553/REM/.000065; Van der Burg W. Law and ethics: the twin disciplines // Law and Method. Interdisciplinary Research into Law / Bart van Klink & Sanne Taekema (eds.). Tübingen, 2011. Pp. 175–194; Idem. The Need for Audacious Fully Armed Legal Scholars: Concluding Reflections // Facts and Norms in Law. Interdisciplinary Reflections on Legal Method / Sanne Taekema, Bart van Klink & Wouter de Been (eds). Cheltenham, 2016. Pp. 265–286; Idem. The Merits of Law: An Argumentative Framework for Evaluative Judgements and Normative Recommendations in Legal Research // Archiv für Rechts und Sozialphilosophie. 2019. No. 105(1). Pp. 11–43; Idem. From Ethical Analysis to Legal Reform: Methodological Reflections on Ethical Transplants in Pluralist Contexts // De Ethica. 2022. No. 7(1). Pp. 41–59. URL: <https://doi.org/10.3384/de-ethica.2001-8819.227141>*

рактик и содержит общие рассуждения об исследовательских методах, используемых в процессе познания права. Авторы отмечают, что студентам-юристам не везет по сравнению с другими студентами, так как университеты слишком редко заботятся о развитии у них навыков подготовки самостоятельного научного исследования. Специальные курсы предусмотрены лишь учебными планами аспирантуры, да и то не в каждом университете. Но в таком случае непонятно, когда же будущему исследователю стоит начинать тренироваться. Авторы настаивают на полной аналогии между подготовкой юриста к практической работе путем вовлечения в реальную деятельность и проведением научных исследований. Лишь последние 10–15 лет ситуация в определенной мере исправляется, возникают специальные курсы и тренинги, издаются соответствующие пособия различного объема и глубины охвата материала. В качестве причин положительного сдвига (речь идет именно о Нидерландах) называется широкое распространение грантовых проектов по всем социальным и гуманитарным дисциплинам. Выдача грантов, как известно, проходит на основе конкурса, и умение заполнять методологический раздел заявки начинает играть важную роль. Вторая причина состоит в том, что юридические исследования всё чаще носят коллективный характер. Множественность авторов и необходимость корректного распределения исследовательского труда между ними обуславливают методологические размышления, предшествующие реализации поставленных перед коллективом задач. Естественно, коллективность рано или поздно перетекает в междисциплинарность, где потребность в рефлексии значительно выше. Еще один чрезвычайно важный тезис, выдвигаемый авторами, заключается в различии знания и понимания. Коль скоро юридические исследования имеют дело с контекстом существования и применения нормы, одним лишь знанием субъекты ограничиться не могут, требуется понимание правовой системы в целом, а если речь идет о научном исследовании – понимание правовых доктрин. Обратим внимание на методологический, т.е. операциональный характер понимания, о чем в свое время мы тоже говорили в контексте названного выше различия². Приемы познания и приемы понимания в юридических исследованиях никогда не совпадают, но одинаково важны для любого итогового результата, вне зависимости от прагматической ориентации использующего эти приемы субъекта. Показательно, что авторы, рассматривая связность и непротиворечивость вывода как идеал понимающего отношения к праву, обращают внимание на различие исследовательских позиций судьи и чистого теоретика: в первом случае связность выступает

² См.: Беляев М. А. Научное познание права: генезис и эпистемологическая специфика : дис. ... канд. филос. наук. Воронеж, 2009. С. 104–108.

необходимым качеством выводов, во втором – лишь желательным, но не обязательным.

Вторая глава «Относительная автономия. Характеристика юридической доктрины» перечисляет основные особенности юридической науки, качественно выделяющие ее среди иных наук социально-гуманитарного цикла. Это: тесная связь с юридической практикой и вытекающий отсюда комментаторский характер исследований; сочетание описательных и нормативных рассуждений; наличие так называемой «внутренней перспективы» и использование герменевтических методов. Последнее органично следует из нацеленности на понимание, о чем было выше, что же касается перспективы, подразумевается, что высокое качество доктринального исследования очевиднее всего просматривается в связи с возможностью применить полученные знания на практике, т.е. либо в правотворчестве, либо при обосновании властных решений посредством права. Внешняя оценка качества доктринального исследования также не отрицается, но ее эффективность может быть невысока.

Третья глава «Методы доктринального исследования» последовательно анализирует специфику целей юридического исследования, описательной части научной работы, постановку исследовательских вопросов, методы сбора материалов, интерпретации, реконструкции и критического анализа. Показательно, что авторы различают описательные цели и нормативные, обобщая первые собирательным термином «реконструкция». Помимо реконструкции в качестве описательных целей могут фигурировать: сравнение, объяснение, оценка и рекомендация. В главе, к сожалению, ничего не сказано о взаимосвязи этих целей. С нашей точки зрения, очевидной будет неполнота такого сравнения, которое изолировано от объяснения *et vice versa*. В действительности все описательные цели едины и могут быть лишь условно противопоставлены объяснению, а оно, в свою очередь, может быть и нормативным. По-видимому, то, что для философии и методологии науки кажется очевидным, не рассматривается юристами-методологами как бесспорное³. С другой же стороны, методы описания разнятся с методами объяснения, в первых особую роль играет наблюдение или работа с текстами, во вторых – логика и отчасти интуиция.

Четвертая глава «Теоретические и нормативные рамки юридического исследования» содержит весьма полезную многомерную оценку роли теоретического знания в юриспруденции. Авторы, констатируя неправомочность отождествления научности и теоретичности (здесь с ними стоит безоговорочно согласиться), предлагают пользоваться более точ-

³ О позиции философов см. классическую работу: *Hempel Carl G., Oppenheim P. Studies in the Logic of Explanation // Philosophy of Science. 1948. No. 15(2).*

ным понятием «теоретической рамки» (theoretical framework). Отличие теоретической рамки от теории заключается в том, что, во-первых, она не претендует на всеобщность, т.е. ее объяснительные возможности ограничены. Во-вторых, работа с теоретической рамкой не предполагает получения всего множества возможных следствий из аксиом теории, поскольку такое знание непрактично в силу избыточности (для юриспруденции важно не производить сущностей без необходимости). Теоретические рамки могут быть объяснительными или нормативными, как мы видим, для авторов это различие универсально и на всём протяжении книги встречается многократно, но не нуждается в особых пояснениях. Важно иное: в диссертационных исследованиях на Западе часто не принято разделять теоретические и прикладные работы, скорее, в рамках одной работы требуется оформить теоретическую часть, а затем и прикладную. Предназначение теоретической рамки – связать исследование с текущим положением дел в предметной области. В нашей исследовательской культуре речь могла бы идти скорее об обзоре научной литературы. Рамки могут быть внутренними, когда анализируется состояние именно системы права, и внешние, когда характеризуется правосознание и правовая культура, а также правопорядок как динамическое образование.

Пятая глава «Методы исследования права в контекстах» для первой части книги центральная, именно в ней перечисляются формы контекстуализации правовых исследований: установление предыстории проблемы, ее социального, политического, морального, научного измерений. Контекстуальное вхождение может быть поверхностным, в этом случае используются лишь данные из других дисциплин, и глубинным – тогда к данным присоединяются еще и методы. Право можно изучать эмпирически, тогда у него будет одно контекстное окружение, и текстуально – тогда окружение поменяется. Очевидно, текстуальное представление права настоятельно требует лингвистической методологии, если только речь не идет о переводе юридических текстов на машинный язык. Авторы делают две важные оговорки. Первая: различие между текстом права и его контекстом не всегда является достаточно определенным. Вторая: рассмотрение нетрадиционных (для данной правовой семьи) источников права уже представляет собой первичную контекстуализацию исследования. Также авторы предлагают некую градацию контекстов по степени их распознавания исследователем: легче всего распознаются эмпирические контексты, сложнее всего – теоретические, где-то посередине между ними находятся контексты нормативные. Среди эмпирических контекстов наиболее важными являются социально-политические, экономические, исторические и практические (поведенческие). Задача работы с теоретическими контекстами состоит в том, чтобы определить

происхождение той или иной идеи, используемой в доктринальном рассуждении. Нормативный контекст подразумевает в первую очередь мораль, хотя это не согласуется с позицией тех авторов, которые считают моральные принципы частью права или правосознания.

Вторая часть книги называется «Междисциплинарное доктринальное исследование». Напомним, что авторы проводят границу между включением в правовые исследования одних только результатов, полученных в пределах иных дисциплин, либо же как результатов, так и методов. Шестая глава посвящена перспективам междисциплинарных доктринальных исследований. Существуют различные способы включения вспомогательных дисциплин в исследовательские проекты в области права. Это зависит от того, каков характер данных, требуемых в той или иной ситуации. К примеру, социологические данные могут иметь важное значение при изучении закономерностей реализации норм налогового права, но эта же проблематика может использовать данные экономического анализа либо психологии (если поставить задачу по изучению того, что в отечественной традиции называется деформациями правосознания). Авторы отмечают, что наиболее интересными выглядят сочетания эмпирических данных и философских суждений, правда, умалчивают о продуктивности такого сочетания. С другой стороны, философия права сама по себе – довольно почтенный пример междисциплинарных исследований, давно уже обладающих и предметом, и методологией, и системой общепризнанных авторитетов. Показательно, что авторы не имеют возможности провести границу между контекстуальными и междисциплинарными исследованиями, ведь трудно определить, в какой момент контекст превращается в источник данных, необходимых для основного исследования. Те же деформации правосознания могут служить индикатором успешной или безуспешной правовой политики, проводимой правоохранительными органами, но возможна иная ситуация, при которой конкретные показатели и их распределение будут принципиально важными для юридического исследования (хотя последнее в этом случае, вероятно, утратит свой доктринальный характер). Помимо содержательной взаимосвязи, взятой как гипотеза, которую еще предстоит опровергнуть или подтвердить, авторы указывают на необходимость в междисциплинарном исследовании в случае, если почерпнутая из дополнительных источников информация оказалась противоречивой, т.е. ни одну часть собранных данных невозможно использовать без проверки оставшихся частей. Тогда, очевидно, требуется отдельная исследовательская работа. С нашей точки зрения, речь может идти только об эмпирической информации, поскольку теоретические противоречия могут не приниматься во внимание, если они не составляют тематического ядра для данного науч-

ного проекта, а нормативные расхождения преодолеваются не концептуально, но с помощью коллизионных предписаний, что опять-таки не требует выхода за пределы юридического дискурса.

Седьмая глава называется «Оценки и рекомендации». Авторы отмечают, что в большинстве исследований, если таковые выполнены в форме журнальных статей, лишь 10 % посвящены оценочным суждениям. Изучение какого-либо правового института завершается утверждением о том, хорош ли действующий закон, и, если нет, какие доработки данного закона могут быть рекомендованы. Несмотря на то, что речь идет действительно о скромной (хотя и обязательной) части научного текста, сама методология оценочных и рекомендательных суждений не разработана должным образом. Оценка предполагает учет всех положительных эффектов и побочных отрицательных последствий введения той или иной правовой нормы. Оценочные суждения базируются на критериях, а критерии должны быть ранжированы, поскольку довольно часто позитивный эффект, определенный относительно малозначительного критерия, не перекрывает негативный эффект, чей критерий более значим. Кроме того, важно дифференцировать рекомендации: одни из них касаются формулировок нормативных правовых актов, другие – действий органов исполнительной власти, третьи – судебной практики и т.д. Здесь же рассматривается структура оценочных аргументов, связь ценностей и оценочных суждений, вводится понятие операционализации ценностей и рассматриваются способы перехода от оценок к практическим рекомендациям («практический» здесь тождественно «нормативному»).

Восьмая глава посвящена проблемам междисциплинарных исследований и названа аналогично. В процессе использования неюридических знаний в исследовании правовых вопросов возникают типичные затруднения, которые группируют и анализируют авторы. Во-первых, трудность представляет интеграция неюридических исследований в доктринальное исследование правовых проблем. Предлагаются три модификации – простое включение результатов, их перевод с языка одной дисциплины на другую и трансформация, т.е. переработка на внелингвистическом уровне. Во-вторых, известные затруднения возникают в ходе совместной работы с представителями других наук, об этом авторы тоже ведут разговор в данной главе. Сформулированные рекомендации касаются приглашения специалистов из иных отраслей науки в состав исследовательского коллектива или в статусе соруководителя при написании диссертации PhD, опубликовании итогов совместных исследований и мн. др.

Девятая глава называется «Методологические разработки» и посвящена так называемому «дизайну» научного исследования, т.е. действиям по проектированию научной работы доктринального типа в области

права. Понятием «дизайн исследования» авторы охватывают как планирование работы с точки зрения видов деятельности, сроков выполнения каждого этапа работ, так и учет финансовых и иных материальных затрат (сколько нужно потратить на посещение конференций? Сколько – на работу в библиотеках?). Даны рекомендации относительно правильного выбора темы, оценки современного состояния изучаемой области, постановки исследовательских задач и т.д. Примечателен параграф 9.3, посвященный принципу гибкости в реализации проекта. Предположим, говорят авторы, что по вашей теме кто-то опубликовал обобщающую работу. Станет ли это поводом поменять тему исследования? Конечно, нет, ведь в таких публикациях проделали работу по сбору данных, но публикация данных – не то же, что публикация научного анализа. Но даже если такой анализ кем-то уже дан, вы всегда можете предложить альтернативный подход. Умение видеть такие альтернативы и называется принципом гибкости в исследованиях.

Третья часть книги называется «Право и гуманитарные науки». Десятая глава «Право и гуманитарные исследования» начинается с уточнения терминологии, отсылая читателей, как это часто принято, к предложенному В. Дильтеем разделению наук на науки о природе и науки о духе. В число последних авторы включают философию, теорию аргументации, историю, лингвистику, литературоведение, культурологию. Также довольно традиционной оказывается попытка разграничить социальные и гуманитарные науки с точки зрения их предмета исследования. Понятно, что провести такое разграничение вполне возможно, но как быть с юридическими науками в плане определения их принадлежности? Найдутся аргументы в пользу юриспруденции как социальной науки, но чисто исторически право всегда тяготело к гуманитарному комплексу дисциплин, который, если брать университетский контекст, намного старше и социологии, и политологии, и экономической теории, словом, всех основных социальных дисциплин. Впрочем, если иметь в виду сугубо практическую ориентацию книги, подобного рода неопределенные типологии не мешают достижению авторских целей. Авторы довольствуются общим замечанием: любую гуманитарную дисциплину можно объединить с юридической наукой под флагом междисциплинарного исследования. В качестве иллюстрации приводятся исследования, выполненные под маркером «Право и литература». К сожалению, авторы обходят стороной вот какую проблему: не претерпевает ли предмет исследования юридической науки дополнительного и не всегда необходимого истолкования в связи с включением гуманитарного знания в состав научного исследования? Действительно, право можно рассматривать как род литературы (или вид нарратива), но в таком слу-

чае сложная онтология правовой системы теряет многоуровневый характер, распадается на ряд непересекающихся плоскостей: плоскость норм, плоскость юридических фактов и т.д. В этом, на наш взгляд, существенная разница между привлечением гуманитарной методологии и технической: во втором случае перетолкования сущностных элементов не происходит, так как технические приемы на это и не претендуют. Теория же литературы или поэтика нарративов именно поглощают право и десубстанциализируют его, оставаясь, как и положено им, безучастными к тем принципам, которые составляют основу права. Завершается десятая глава интересным тезисом о пользе гуманитарных наук для развития воображения и, соответственно, пользе воображения для правовой практики. С этим трудно не согласиться, учитывая, какие сложные решения порой должны принимать судьи и чиновники. Безусловно, сложность решений коррелятивна их неопределенности, в связи с чем и требуется нестандартное видение ситуации. К сожалению, о конкретных способах развития воображения у доктринальных исследователей авторы ничего не пишут.

В одиннадцатой главе анализируется философия права как область, обогащающая доктринальные исследования. Довольно традиционно рассматривать философское знание, учитывая, что оно и само представлено в первую очередь в форме доктрин или учений, предложенных кем-то в какой-то период времени. Авторы рассматривают три философских метода (делая это в отрыве от производящего данные методы контекста): анализ аргументации, анализ личности автора и рефлексия. Также в главе представлены семь целей, которым может служить философия, если к ней обращаются правоведы: прояснение отдельных понятий, реконструкция основополагающих ценностей и принципов, построение теории, открытие новых перспектив для творчества, критика отдельных частей исследования, оценочные суждения, рекомендательные суждения. Из содержания главы не совсем понятно, идет ли речь о задачах всякого исследования, – на что намекают сами их названия, или же только тех, где право исследуется в контексте. Скажем, возможно ли заниматься строго догматическими вопросами и при этом строить теорию, не прибегая вовсе к философским знаниям? С нашей точки зрения, философию следовало бы рассматривать в двух аспектах – как всеобщую методологию (и тогда ее применение не образует междисциплинарности и даже контекстуальности) и как систему учений о мире и человеке. А коль скоро данные учения в полном своем объеме для правового исследования не обязательны, то построение такой комплексной теории действительно требует более широкого философского контекста, в котором будут элементы не только методологии, но и идеологии.

Двенадцатая глава называется «Право и этика: углубление нормативных аргументов». Уже из названия ясна авторская позиция относительно сходства и различия правовых и этических суждений. Действительно, в обоих случаях аргументы носят нормативный характер, правда, дискуссионной будет оценка действительной роли моральных аргументов в правовом исследовании. Как уже неоднократно было сказано, доктринальная научная работа имеет выход на практику, в том числе через оценки и рекомендации. Не исключено, что мораль в данном случае будет выступать дополнительным фильтром, сужающим разнообразие оценочных и рекомендательных суждений. Это не призыв вернуться к «чистому учению о праве» и блюсти эту чистоту далее, но может значить, что не все исследовательские задачи, в которых предметом выступают правовые явления, нуждаются в контекстуализации через мораль. Авторы отмечают, что этические аргументы работают на уровне вопроса «Что следует делать?», если этот вопрос задан от первого лица, но никакой ответ не может быть тривиально распространен на неопределенное множество лиц, поскольку тогда из области морали мы с необходимостью выйдем в сферу политики, а последняя, в свою очередь, всегда стремилась обрести автономию от нормативных предписаний подобного вида. Другими словами, наше предположение о необходимости ограниченного использования моральных аргументов в юридических исследованиях получает свое подтверждение.

Тринадцатая глава посвящена теме «Право и литература», по нашему мнению, наиболее относящейся к предмету контекстуального юридического исследования. По сути, язык выступает в этих исследованиях как сущность, уравнивающая между собой все тексты, адресованные одними персонами другим. Восстановить контекст того или иного юридического решения всегда можно с опорой на языковые конструкции, поскольку принцип правовой определенности сам требует указания в юридическом документе всех обстоятельств, имеющих значение для дела. Таким образом, прикладное значение исследований языка права велико и несомненно, о чем писали разные авторы еще в советскую эпоху. С другой стороны, на право и литературу можно посмотреть как на способы создания воображаемых (возможных) миров. Любая цепочка норм, ведущая к силлогистическому умозаключению, очень похожа на сюжетную линию в повести или романе, другое дело, что читатель романа обычно имеет дело с целой системой таких линий, тогда как нормы права предоставляют возможность отслеживания любого логического перехода от одного звена к другому. Поэтому-то герменевтический метод в правовом исследовании намного проще в применении по сравнению с областью филологии. Что же касается риторики (ее авторы рассматривают сразу после

герменевтики), она правовой практике вовсе не чужда и образуемый ею контекст исследуется довольно давно и не без успехов как в зарубежной науке, так и в отечественной.

Четвертая часть, заключительная, состоит из четырнадцатой главы «Использование междисциплинарных доктринальных исследований для реформы законодательства». Под реформой авторы понимают преднамеренные правовые изменения, при этом нужно отличать исследования, имеющие отношение к правовой реформе, от исследований, нацеленных на правовую реформу (т.е. аналитически обеспечивающих ее). Среди имеющих отношение к правовой реформе исследований преобладают ретроспективные, среди второй группы исследований, как и ожидается, преобладают перспективные. Авторы замечают – и здесь с ними спорить невозможно, – что методологически перспективные исследования труднее ретроспективных, поскольку во втором случае достаточно лишь сконструировать систему оценочных суждений, тогда как в первом случае необходимы еще и рекомендации (это не говоря о том, в каких сложных логических отношениях могут находиться между собой рекомендательные и оценочные суждения). Главное требование для рекомендаций, с точки зрения авторов, – это их прозрачность, т.е. пригодность к употреблению вне сложных комментариев и пояснений. Иными словами, предлагается в качестве наилучшего финала контекстуальных юридических исследований рассматривать суждения, понятные широкому кругу реципиентов без всякого контекста. На первый взгляд парадоксальный тезис, но рассматриваемый как идеал, а не реальный итог доктринальных штудий, он уже не кажется таким экстравагантным. Во всяком случае, сами авторы поясняют, что каждый вывод становится прозрачнее (понятнее), если его приводить вместе с тем контекстом или точкой зрения, в рамках которых он был получен. Идея авторов заключается в том, что прозрачность любого практического предложения в области правовой реформы можно обеспечить методом триангуляции, когда каждая точка зрения, влияющая на конечный вывод, имеет либо эмпирическое, либо нормативное, либо теоретическое содержание. Всё многообразие позиций может быть сведено к этим трем перспективам – таково главное предложение авторов, практически завершающее основную часть книги. Кроме общих тезисов в главе приводится пояснение о том, как применить метод триангуляции при оценке принципа верховенства права с точки зрения его реального действия в ряде западных стран. Завершается книга обширной библиографией по методологии правовых исследований. Библиография эта довольно велика и содержательна, и с нашей точки зрения, она заслуживает самостоятельного изучения, тем более что русскоязычных аналогов этой подборки не найти.

Подведем итоги данного развернутого обзора. Во-первых, проблематика комплексных юридических исследований по-прежнему актуальна как с точки зрения методологии, так и в контексте преподавания, т.е. частной методики, реализуемой при передаче знаний от поколения к поколению. Во-вторых, поскольку юридическая деятельность сама в значительной степени дифференцирована, основным источником сложности контекстуальных исследований является множество перспектив, исходя из которых или стремясь к которым, подбираются аргументы. Очевидно, что правоохранительная деятельность предполагает несколько иное сочетание моральных и правовых принципов, нежели деятельность правозащитная и т.д. В-третьих, очень ценно проводимое авторами (когда явно, когда скрыто) различие знания и понимания в отношении права как системы и окружающей его среды. Суть этого различия состоит в том, что эффективность доктринального исследования зависит от существенно различных условий. Контекст чистого знания предполагает движение к истине, понимаемой в духе Аристотеля, как соответствие высказывания своему предмету. Контекст понимания предполагает движение к определенной ценности, благу, и только понимание дела делает возможным оценочные и рекомендательные суждения. Наконец, предлагаемая авторами итерация, т.е. повтор формально одинаковых познавательных действий, возможна лишь как чередование ориентации на истину и ориентации на благо в процессе развития правовой доктрины. В общем и целом, как уже говорилось, речь идет о функциях действующего субъекта, и, если последнему необходимо отказаться от чистого познания ради включения нового контекста, – это является столь же допустимым, как и кельзеновское стремление «очистить» учение о праве от всего наносного и внешнего. Не культурой, не языком и не сознанием объясняется множественность методов и исследовательских перспектив, а одной лишь практикой, в которой само право поочередно играет роль то предмета исследования, то предмета преобразования. Учитывая это, стоит говорить о большом пропедевтическом значении данной книги и рекомендовать ее для использования всем, кто хочет превратить изучение права в более осознанное и одновременно плодотворное занятие.

Библиографический список

- Беляев М. А. Научное познание права: генезис и эпистемологическая специфика : дис. ... канд. филос. наук / М. А. Беляев. – Воронеж, 2009. – 190 с.
- Hempel Carl G. Studies in the Logic of Explanation / Carl G. Hempel, P. Oppenheim // Philosophy of Science. – 1948. – No. 15(2). – Pp. 135–175.

Taekema S. Legal Philosophy as an Enrichment of Doctrinal Research. Part I, Introducing Three Philosophical Methods / S. Taekema, W. van der Burg // *Law and Method*. – 2020. – Pp. 1–20. DOI:10.5553/REM/.000046

Taekema S. Legal Philosophy as an Enrichment of Doctrinal Research. Part II, The Purposes of Including Legal Philosophy / S. Taekema, W. Van der Burg // *Law and Method*. – 2022. – Pp. 1–19. DOI:10.5553/REM/.000065

Taekema S. Relative Autonomy: a Characterization of the Discipline of Law / S. Taekema // *Law and Method. Interdisciplinary Research into Law* / Bart van Klink & Sanne Taekema (eds.). – Tübingen : Mohr Siebeck, 2011. – Pp. 33–52.

Taekema S. Theoretical and Normative Frameworks for Legal Research: Putting Theory into Practice / S. Taekema // *Law and Method*. – 2018. – Pp. 1–17. DOI:10.5553/REM/.000031

Van der Burg W. From Ethical Analysis to Legal Reform: Methodological Reflections on Ethical Transplants in Pluralist Contexts / W. Van der Burg // *De Ethica*. – 2022. – No. 7(1). – Pp. 41–59. – URL: <https://doi.org/10.3384/de-ethica.2001-8819.227141>

Van der Burg W. Law and ethics: the twin disciplines / W. Van der Burg // *Law and Method. Interdisciplinary Research into Law* / Bart van Klink & Sanne Taekema (eds.). – Tübingen : Mohr Siebeck, 2011. – Pp. 175–194.

Van der Burg W. The Merits of Law: an Argumentative Framework for Evaluative Judgements and Normative Recommendations in Legal Research / W. Van der Burg // *Archiv für Rechts und Sozialphilosophie*. – 2019. – No. 105(1). – Pp. 11–43.

Van der Burg W. The Need for Audacious Fully Armed Legal Scholars: Concluding Reflections / W. Van der Burg // *Facts and Norms in Law. Interdisciplinary Reflections on Legal Method* / Sanne Taekema, Bart van Klink & Wouter de Been (eds.). – Cheltenham : Edward Elgar, 2016. – Pp. 265–286.

References

Belyaev M. A. Legal Scientific Cognition: Genesis and Epistemological Properties : PhD thesis / M. A. Belyaev. – Voronezh, 2009. – 190 p.

Hempel Carl G. Studies in the Logic of Explanation / Carl G. Hempel, P. Oppenheim // *Philosophy of Science*. – 1948. – No. 15(2). – Pp. 135–175. [In Engl.]

Taekema S. Legal Philosophy as an Enrichment of Doctrinal Research. Part I, Introducing Three Philosophical Methods / S. Taekema, W. van der Burg // *Law and Method*. – 2020. – Pp. 1–20. DOI:10.5553/REM/.000046 [In Engl.]

Taekema S. Legal Philosophy as an Enrichment of Doctrinal Research. Part II, The Purposes of Including Legal Philosophy / S. Taekema, W. van der Burg // *Law and Method*. – 2022. – Pp. 1–19. DOI:10.5553/REM/.000065 [In Engl.]

Taekema S. Relative Autonomy: a Characterization of the Discipline of Law / S. Taekema // *Law and Method. Interdisciplinary Research into Law* / Bart van Klink & Sanne Taekema (eds.). – Tübingen : Mohr Siebeck, 2011. – Pp. 33–52. [In Engl.]

Taekema S. Theoretical and Normative Frameworks for Legal Research: Putting Theory into Practice / S. Taekema // *Law and Method*. – 2018. – Pp. 1–17. DOI:10.5553/REM/.000031 [In Engl.]

Van der Burg W. From Ethical Analysis to Legal Reform: Methodological Reflections on Ethical Transplants in Pluralist Contexts / W. Van der Burg // *De Ethica*. – 2022. – No. 7(1). – Pp. 41–59. – URL: <https://doi.org/10.3384/de-ethica.2001-8819.227141> [In Engl.]

Van der Burg W. Law and ethics: the twin disciplines / W. Van der Burg // *Law and Method. Interdisciplinary Research into Law* / Bart van Klink & Sanne Taekema (eds.). – Tübingen : Mohr Siebeck, 2011. – Pp. 175–194. [In Engl.]

Van der Burg W. The Merits of Law: an Argumentative Framework for Evaluative Judgements and Normative Recommendations in Legal Research / W. Van der Burg // *Archiv für Rechts und Sozialphilosophie*. – 2019. – No. 105(1). – Pp. 11–43. [In Engl.]

Van der Burg W. The Need for Audacious Fully Armed Legal Scholars: Concluding Reflections / W. Van der Burg // *Facts and Norms in Law. Interdisciplinary Reflections on Legal Method* / Sanne Taekema, Bart van Klink & Wouter de Been (eds.). – Cheltenham : Edward Elgar, 2016. – Pp. 265–286. [In Engl.]

Для цитирования:

Беляев М. А. Правовые исследования и их контекстуализация: Рецензия на книгу “Contextualising legal research: a methodological guide” (S. Taekema, W. Van Der Burg). Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2024. 311 p. // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 2(11). С. 97–110.

Recommended citation:

Belyaev M. A. Legal research and its contextualization: Review of the book “Contextualising legal research: a methodological guide” (S. Taekema, W. Van Der Burg). Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2024. 311 pp. // *Journal of Legal Anthropology and Conflictology*. 2025. No. 2(11). Pp. 97–110.

Сведения об авторе

Беляев Максим Александрович – доцент кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат философских, доцент

E-mail: yurist84@inbox.ru

Information about author

Belyaev Maksim Aleksandrovich – Associate Professor of the Chamber of Theory of State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor

E-mail: yurist84@inbox.ru

**ОБЗОР ТРЕТЬЕЙ ЕЖЕГОДНОЙ ОСЕННЕЙ
НАУЧНОЙ СЕССИИ «ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ
В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА»
(Часть II)
(Воронеж, 12 ноября – 10 декабря 2024 г.) :**

Д. С. Шелестов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 февраля 2025 г.

Аннотация: в обзоре представлены тезисы докладов участников Четвертой международной научной междисциплинарной конференции памяти профессора М. Г. Коротких «Мировая эволюция в памятниках права: генезис и трансформация правовых ценностей», состоявшейся на базе Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета Воронежского государственного университета 6 декабря 2024 г.

Ключевые слова: история права, памятники права, правовые ценности, правовые системы, правовые традиции, модернизация права.

**REVIEW OF THE THIRD ANNUAL AUTUMN
SCIENTIFIC SESSION
“LEGAL VALUES IN A MULTIPOLAR WORLD”
(Part II)
(Voronezh, November 12 – December 10, 2024)**

D. S. Shelestov

Voronezh State University

Abstract: the review presents abstracts of reports of participants of the Fourth International Scientific Multidisciplinary Conference in Memory of Professor M. G. Korotkikh “World Evolution in Legal Monuments: Genesis and Transformation of Legal Values”, held at the Scientific and Educational Center for Legal Anthropology and Conflictology of the Law Faculty of Voronezh State University on December 6th, 2024.

Key words: history of law, legal monuments, legal values, legal systems, legal traditions, modernization of law.

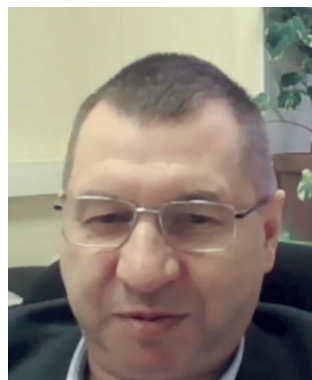
6 декабря 2024 г. в очно-дистанционном формате на юридическом факультете Воронежского государственного университета состоялась Четвертая международная научная междисциплинарная конференция памяти профессора М. Г. Коротких «Мировая эволюция в памятниках права: генезис и трансформация правовых ценностей», организованная кафедрой теории и истории государства и права и Научно-образовательным центром юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета ВГУ. В ней приняли участие ученые ведущих российских вузов и приглашенные специалисты, а также зарубежные коллеги из Республики Вьетнам, Кыргызской Республики, Республики Эквадор, Республики Таджикистан. Конференция явилась завершающим мероприятием Третьей ежегодной осенней научной сессии «Правовые ценности в условиях многополярного мира» (Часть II) (Воронеж, 12 ноября – 10 декабря 2024 г.).

Открыла работу конференции заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета ВГУ, доктор юридических наук, **профессор С. Н. Махина**. Во вступительном слове она подчеркнула межотраслевую актуальность проблематики ценностных ориентиров в праве, отметила, что конференция проводится на базе Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии ВГУ, и презентовала очередной номер «Журнала юридической антропологии и конфликтологии», выпускаемого Центром.

Профессор С. Н. Махина высоко оценила вклад в юридическую науку Воронежской школы историков права, отметив особую роль Михаила Григорьевича Коротких – ученого, который внес большой вклад в исследование судебной реформы 1864 г. в России.

С первым докладом выступил **профессор Пашенцев Дмитрий Алексеевич** (Россия, г. Москва) – и.о. заведующего отделом теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Он посвятил выступление тематике ценностного наполнения источников семейного права от законодательства Российской империи к первому советскому кодексу.

В докладе было отмечено, что семейные ценности во все века относились к числу основополагающих. Сравнивая источники права, регулирующие семейные отношения в период Российской империи и во времена советской власти, можно увидеть, что в указанные периоды развития отечественного государства и права семья, конечно же, рассматривалась как ценность, однако грани этой ценности различались. В законодательстве Российской империи семья рассматривалась государством и церковью, которой был во многом отдан этот вопрос, как духовно-нравственный и экономический союз. Данный подход был обусловлен, в том числе, естественным состоянием преимущественно крестьянского населения страны, так как ведение хозяйства предполагало наличие большой патриархальной семьи. Это определяло и нормы о расторжении брака. Развод был запрещен, за исключением нескольких достаточно редких случаев. В результате на 150 тысяч населения Российской империи к концу XIX в. было в год примерно 356 разводов.

Профессор Д. А. Пашенцев обратил внимание, что в Российской империи был установлен максимальный возраст вступления в брак – 80 лет. Лицам, достигшим 60 лет, разрешалось вступать в брак только в исключительных случаях, на основе особого, каждый раз специально испрашиваемого разрешения духовного лица чином не ниже епархиального архиерея. Лицам, достигшим 80-летнего возраста, вступать в брак категорически запрещалось. Вероятно, это было обусловлено тем, что целью брака является рождение и воспитание детей, а от пожилых лиц сложно ожидать больших достижений в этом вопросе.

С установлением советской власти подходы к регулированию семейных отношений изменились. В сентябре 1918 г. был принят первый советский кодифицированный акт – Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, что подтверждает важность семейной сферы для новой власти.

Анализ этого памятника права показывает, что советской властью была избрана немного другая модель семьи. Если раньше это был духовно-нравственный союз, в том числе имеющий и экономическую основу, то теперь речь шла, насколько видно из памятника права, о том, что семья должна выполнять определенные социальные функции, выступать неким суррогатом системы социального обеспечения. Это подтверждается нормами, которые устанавливали, что если один супруг нуждается, второй обязан обеспечить его средствами на пропитание. Закреплялось право на судебное принуждение к исполнению данной обязанности. Таким образом, на первый план выходила социальная функция семьи.

В Российской империи очень большую роль играло именно социальное родство и запреты на развод были связаны со стремлением это родство сохранить. При советской власти, особенно в первый период, социальное родство фактически теряет свое значение. В любой момент его можно было расторгнуть или отказаться от него. Например, запрет на усыновление в первые годы советской власти тоже существовал в этом русле. Теоретические концепты советского периода также подтверждают вышеизложенные тезисы, в частности, теория коммунистической и буржуазной семьи, предложенная А. М. Коллонтай.

За достаточно короткое время немного поменялось понимание семейных ценностей. И если брать уже более поздние советские периоды, то мы видим, что государство встало на защиту семьи, а партийные органы всячески препятствовали, когда члены партии разводились. Последствиями развода могли быть проблемы продвижения по карьерной лестнице и др.

Таким образом, несмотря на смену политики, экономической и правовой модели, семья всё равно остается ценностью для общества и государства. Государство предпринимает попытки защиты этой ценности, фокусируется на ней, несмотря на различное понимание и воплощение.

Следующий участник конференции – начальник управления по науке и развитию партнерств, заместитель декана юридического университета при Вьетнамском Национальном университете (ВНУ), кандидат юридических наук **Май Ван Тханг** (Республика Вьетнам, г. Ханой) – представил доклад на тему: «Эволюция ценностей современной правовой системы Вьетнама».

Выступающий отметил, что правовая система Вьетнама находится в процессе интенсивной реформы. Наблюдается переход от советской правовой модели, советской правовой идеологии, от дальневосточной правовой традиции к новой правовой модели, близкой к континентальной правовой семье. Данный переход обусловлен интеграционными процессами, связанными с присоединением Вьетнама к ВТО, участием в соглашениях о свободной торговле CPTPP, EVFTA и др.

Кроме того, данная модернизация правовой системы обусловлена Резолюцией № 27-NQ/TW от 9 ноября 2022 г. ЦК КПВ XIII созыва о продолжении построения и совершенствования вьетнамского социалистического правового государства в новый период. Согласно данному документу, правовая система Вьетнама должна быть демократичной, справедливой, гуманной, полной, согласованной, единой, своевременной, осуществимой, открытой, прозрачной, стабильной, доступной, способствующей инновациям, устойчивому развитию и обеспечивающей строгое и последовательное исполнение законов.

По-прежнему официальная правовая идеология Вьетнама – это марксизм и ленинизм и идеология Хо Ши Мина. Но, в сущности, данная идеология шаг за шагом трансформируется. Наблюдается переход от классовой сущности права к его народному характеру. Руководство и население Вьетнама, партия страны сейчас представляют интересы не какого-то отдельного класса, а волю всего вьетнамского народа.

Наряду с проведением политики обновления страны, развитием рыночной экономики с социалистической ориентацией Вьетнам шаг за шагом строит и совершенствует социалистическое правовое государство. Характерной чертой вьетнамского социалистического правового государства является то, что оно находится под руководством партии. Законодательство в социалистическом правовом государстве должно постоянно совершенствоваться для продвижения демократии, служения народу, уважения, обеспечения и защиты прав человека и гражданина.

Во второй части своего выступления Май Ван Тханг представил рассуждения о трансформации ценностей в правовой системе Вьетнама. Докладчик заметил, что важнейшей правовой ценностью явилось признание конституционализма и народного суверенитета, что нашло закрепление в Конституции Вьетнама, принятой всенародным голосованием, в отличие от ранее принимаемых Национальным собранием. Действующая Конституция Вьетнама признает уважение, закрепление, защиту и обеспечение прав человека и гражданина как основную обязанность вьетнамского социалистического правового государства. Права человека – это новая ценность вьетнамской правовой системы. В то же время теория прав человека возникла из западной цивилизации, она не совпадает с вьетнамскими традициями и ценностями. Права человека основа-

ны на индивидуализме, тогда как социализм и восточная культура основываются на коллективизме. В связи с этим Вьетнам пытается адаптировать, интегрировать западную теорию прав человека в восточный менталитет, в социалистическую концепцию. Это сложная задача, которую Вьетнам шаг за шагом пытается разрешить.

Писаревский Николай Петрович (Россия, г. Воронеж) – профессор кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета, доктор исторических наук, профессор – представил доклад на тему: «Международное судоходство античной эпохи. Правовые аспекты истории».

Выступающий отметил, что античная цивилизация, античное общество базировались на десяти принципах, в частности, справедливости, совести, чести, любви, энергии, невозмутимости, гармонии и др. Гармония для древних греков – это шип корабля, который скреплял две соседних доски, и на этом была построена в том числе и правовая система, которая носила ограниченно классовый характер, так как распространялась только на граждан.

В подтверждение важности регулирования мореплавания для античной Греции и Древнего Рима докладчик напомнил о легендах, мифах, исторических фактах, связанных с мореплаванием.

Выступающий предложил определения ряда терминов: морское дело античности, античное судоходство и мореплавание – это основанная на античной форме собственности, определяемая уровнем развития производственных сил и производственных отношений, отображающая различие видов трудовой деятельности человека и общества система разнообразных связей в социально-экономическом, политическом и правовом развитии этого исторического типа общества, включая его идеологию и культуру; морское право – иерархия систематизированных правовых норм, регулирующих как разнотипные отношения в торговом и военном судоходстве и мореплавании, так и в связи с ними (инфраструктура флота, морского порта и др.); морское правовое пространство – море, корабли, люди в контексте истории отношений между ними.

Профессор Н. П. Писаревский обратил внимание на ограниченность источниковой базы, которая касается правовых аспектов и законов, регламентирующих отношения в сфере мореплавания рассматриваемого периода. В то же время, на основании доступного материала, можно утверждать, что в античном обществе регулировались правила входа и выхода корабля из гавани, маневрирование на территории внешнего и внутреннего рейдов, предотвращались скандальные ситуации, которые связаны со столкновениями различных судов, определялась очередность вхождения крупнотоннажных и малотоннажных кораблей в порт. Морское право античности носило комплексный характер и рас-

пространялось не только на правовые отношения в судоходстве и морской торговле, но и на строительство судов, обеспечение безопасности этих судов, предоставление экономических гарантий. Система норм морского права античности включала в себя правила, определяющие порядок загрузки корабля, найма капитанов и матросов. Эти правила предостерегали владельцев кораблей и капитанов от загрязнения акватории внутренней гавани. Составной частью морского права, как показывают новые источники, являлось кредитование морских торговцев и людей, которые хотели зафрахтовать корабль и для этого получали ссуду. Морское право античности включало в себя нормы о противодействии и борьбе с пиратами, а также систему наказаний лиц, уличенных в пиратстве.

Гусарова Марина Александровна (Россия, г. Краснодар) – профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», доктор философских наук, кандидат социологических наук, доцент – представила результаты исследования на тему: «Формирование традиционных основ российской правовой культуры в пословицах и поговорках русского народа».

Пословицы и поговорки как значимый элемент российской культуры были собраны и систематизированы дореволюционными авторами, такими как Н. В. Закревский, П. А. Матвеев, И. И. Илюстров, В. И. Даль. Достаточно весомую часть в этом материале составляют пословицы-поговорки о праве и правовых явлениях. Являясь одной из форм выражения индивидуального или коллективного правосознания, они со временем стали частью коммуникативно-языковой системы, оказывая таким образом существенное влияние на формирование правовой культуры русского народа. Не случайно именно сегодня, когда перед российским обществом и государством стоит ряд важнейших задач, так или иначе связанных с определением самоидентификации, самосознанием, особую актуальность приобретает исследование отечественной духовной культуры, содержащей основной импульс культурного развития современной российской цивилизации.

Сохранение национальной идентичности и защита традиционных ценностей обуславливают возможность достижения внутренней и внешней безопасности. Этим объясняется значимость новых направлений, исследований, среди которых сегодня особое место занимает, пока еще намечая свои первые пути, юридическая паремиология, в фокусе которой оказываются юридические пословицы и поговорки как мудрые по-

учительные словесные выражения, как словесный слепок с реально существующей правовой нормы или ее части.

Известно большое количество пословиц и поговорок именно юридического содержания. Это говорит об интересе российского сознания к праву, о сформировавшейся живой оценочной деятельности, которая выразилась в словесной форме. Нельзя не заметить, что юридические пословицы и поговорки, которые дошли до наших дней, имеют емкую, образную, точную, остроумную формулировку, отражающую те или иные аспекты традиционных правовых ценностей, взглядов на право, правовые институты, правовую жизнь, отдельные правоотношения, а также образы представителей власти, судей, государственных чиновников разного уровня, демонстрируют характер взаимоотношений между народом и представителями власти. Жизнеспособность и устойчивость юридических пословиц и поговорок в российском правосознании говорит о важности права в жизни общества.

Необходимо отметить, что основной массив юридических пословиц и поговорок сформировался в условиях господства обычая как источника права в обществе и обычного права как продукта этой силы. Этим и объясняется, что во всех пословицах и поговорках о праве разных народов есть некоторые повторяющиеся элементы. При господстве обычая срабатывает модель «так делали наши предки, так будем поступать и мы». Впоследствии данная концепция была закреплена уже в теории культуры, в частности, в теории подражания Габриэля Тарда.

В содержании русских пословиц и поговорок отражены такие отличительные признаки российского правосознания, как морально-нравственный характер и обращение к мотивационным основаниям поведения человека.

Правонарушитель в русских пословицах и поговорках, в зависимости от степени тяжести проступка, мог называться обидчиком, дурным человеком, лихим человеком, лиходеем, злодеем, что корреспондирует текстам памятников права периодов Древнерусского и Русского централизованного государств.

Еще одним признаком этико-ориентированного характера российского правосознания является осмысление правильности жизненного пути. Честный образ жизни в русских пословицах и поговорках предстает перед нами как правильный (праведный) путь, раскрывающийся посредством антитезы правды и кривды, т.е. искривленного сознания, сознания с неправильными мотивациями.

Русский человек испокон веков любил правду, искал ее и стремился к восстановлению справедливости как одной из ключевых ценностей. И здесь нельзя не вспомнить очень меткое замечание уже современного автора А. С. Панарина, который в одной из работ заметил, что особен-

ность русской души состоит в неумении довольствоваться банальностью повседневного благополучия. Правда в отечественном правосознании – это всегда мерило праведного, неправедного, правильного и неправильного. Неправда всегда обесценивает жизнь человека. Это суждение подтверждается большим количеством пословиц и поговорок, например: «Правда светлее солнца»; «Деньги смогут много, а правда – всё»; «Правда – свет разума»; «Кто за правду горой, тот истый герой»; «Не в силе Бог, а в правде» (Александр Невский); «Нажитое грехом не устроит дом»; «От солнца бегать – свету не видать» и др.

Правда в русских пословицах и поговорках описывалась как абсолютная ценность, которая так или иначе восторжествует. Отсюда ряд пословиц и поговорок о ее восстановлении как торжестве вечных истин: «За ушко да на солнышко»; «Снять овечью шкуру»; «Весна всё покажет».

Значимость чистоты мотивов и совести, негативное отношение к лживости и лести отразились в таких пословицах и поговорках: «Из белого сделать черное»; «Выворотить наизнанку»; «Врет, и глазом не смигнет»; «Что лживо, то и гнило»; «Кто вчера солгал, тому завтра не поверят»; «Простота да чистота – половина спасения».

Ряд пословиц и поговорок посвящены нравственным качествам людей, от наличия или отсутствия которых, согласно народным представлениям, зависит возможность торжества справедливости в обществе: «Где добрые судьи поведутся, там и ябедники переведутся»; «Судья праведный – ограда каменная»; «Не бойся суда, бойся судьи»; «Судья, что плотник: что захочет, то и вырубит»; «Суд прямой, да судья кривой»; «Закон – дышло: куда захочешь, туда и воротишь»; «Бог любит праведника, а судья ябедника» и др.

Еще одной причиной жизнеспособности пословиц и поговорок является тот факт, что в них всегда отражались реальные правоотношения, которые осваивались посредством доступных в тот или иной период становления российского государства словесных форм.

Профессор М. А. Гусарова завершила свой доклад рядом выводов. Во-первых, основы российского правосознания сложились в результате влияния определенных объективных факторов государственно-политического, экономического, правового, геополитического характера. Христианские ценности добра, милосердия, братолюбия, веротерпимости, почтения к правде, к божьему свету в жизни человека стали духовной платформой для всех сфер жизни человека, включая правовую.

Во-вторых, благодаря пословицам и поговоркам в общественном правосознании постепенно закреплялись важные юридические категории, такие, как, например, закон, преступник, наказание-расплата, договор, дарение, обмен, продажа, самосуд, кража, брак и многое другое, что го-

ворит о динамичности процесса формирования правовой культуры общества в русле государственно-политических перемен.

В-третьих, пословицы и поговорки о праве, сформировавшиеся под влиянием житейского опыта, и сегодня остаются важным эмпирическим материалом для воссоздания такого феномена, как традиционная основа российского правосознания, коренящаяся в российской правовой ментальности.

Следующий доклад на тему «Правовая природа вотчинного нормотворчества (XVIII – первая половина XIX в.)» представил **Воронин Иван Константинович** (Россия, г. Хабаровск) – доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения», кандидат юридических наук, доцент.

Докладчик отметил, что уникальными источниками права в истории нашего государства являются многочисленные правовые акты в виде наставлений, приказов, инструкций и др., а также документов, выдаваемых в XVIII – первой половине XIX в. владельцами вотчин своим приказчикам, доверенным лицам, а порой и самим крестьянам, вплоть до отмены крепостного права. Большинство современных авторов склонны употреблять применительно к этим отношениям термин «вотчинная юстиция», при этом имея в виду право феодала вершить суд над теми, кто проживал на принадлежащих ему землях. Ряд ученых рассматривают вотчинную юстицию как один из столпов судебной системы Древней Руси, наряду с великокняжеским государственным и церковным судами.

Расцвет вотчинной юстиции, как полагают большинство авторов, приходится как раз на XVIII – первую половину XIX в., когда, с одной стороны, право дворян распоряжаться крепостными ничем не ограничивается, а с другой – возрастает заинтересованность самих вотчинников в повышении устойчивости крестьянских хозяйств, втягивающихся в товарно-денежные отношения. Отсюда потребность самих вотчинников в регулировании правоотношений, возникающих между крестьянами, между крестьянами и вотчинниками или их представителями. Термин «юстиция» в данном контексте является достаточно условным и не совсем точным. В общепринятом понимании это система правоохранительной и правоприменительной деятельности государства, в которой реализуется судебная власть. Однако, во-первых, нормы права, которые называют вотчинной юстицией, исходили не от государства, а от частных лиц. А во-вторых, они охватывают не только процессуальные нормы, но и в значительной степени нормы материального права. Можно было бы воспользоваться другим термином – вотчинное право.

Публикация документов, относящихся к вотчинному нормотворчеству, началась еще в XVIII в. самими его творцами. Во второй половине XIX и в начале XX в. они вводились в научный оборот уже историка-

ми-профессионалами. Наиболее полный их перечень дан в монографии В. А. Александрова, советского исследователя русской крестьянской общины. Всего им обнаружено 47 инструкций или наказов помещиков для их крестьян и управляющих.

По форме и содержанию нормативные акты, вышедшие из-под пера владельцев крупных вотчин XVIII – первой половины XIX столетия, можно разделить на несколько видов. До конца первой половины XVIII в. преобладают акты в основном правоприменительного характера, т.е. различные приказы и распоряжения по какому-либо конкретному случаю, адресованные вотчинным приказчикам. Эти акты не могли быть рассчитаны на многократное применение и носили разовый характер. Параллельно появляются и всевозможные инструкции и наставления по частным случаям ведения вотчинного хозяйства. По мере накопления нормативных актов у их творцов возникла потребность в их обобщении и упорядочении. В связи с этим появляются на свет общие инструкции и наставления приказчикам и крестьянам, а затем и уложения по управлению вотчинами.

Несмотря на то, что каждый вотчинник составлял свои уложения самостоятельно, по структуре они были весьма схожи. Первый блок включал статьи, регламентирующие структуру управления имениями, включая сюда и должностные инструкции вотчинной администрации. Затем могли следовать нормы, регулирующие выполнение полицейских функций в вотчинной администрации. Здесь же могли быть и нормы, регламентирующие разрешение споров и конфликтов между крестьянами и представителями вотчинной администрации, меры наказания виновных крестьян. Отдельный блок статей посвящался взаимоотношениям вотчинной администрации с крестьянской общиной. В частности, следовали указания по созыву мирских сходов, разделу крестьянских семей и др. При этом вотчинники исходили из стремления не допустить ослабления отдельных крестьянских хозяйств. Они пытались всеми силами перекрыть каналы, по которым исправные крестьяне могли выбыть из вотчины, путем выдачи девок замуж, отдачи парней в рекруты, продажи крестьян и т.д.

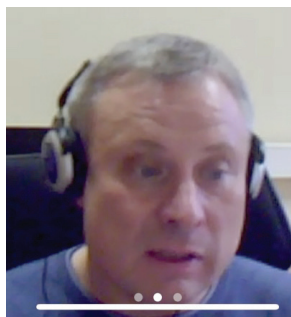
Вотчинные инструкции, с одной стороны, соотносятся с общегосударственным законодательством, а с другой – с обычным правом крестьян. Примером тому служат инструкции, определяющие меру ответственности крестьян, совершивших те или иные проступки или преступления. В качестве наказания применялись битье кнутом, заковывание в цепи, кратковременные аресты и разного рода штрафы или натуральные повинности.

Надо иметь в виду, что, получив неограниченную власть над крестьянами, русские помещики-дворяне оставались в рамках общероссийского законодательства. Согласно Соборному уложению они не могли лишать

своих крестьян жизни. Это обстоятельство наложило отпечаток и на вотчинное нормотворчество.

Тем не менее вотчинники вынуждены были считаться с нормами обычного права, выработанные крестьянами независимо от их владельцев на протяжении длительного существования крестьянского мира. Таким образом, вотчинное нормотворчество, а вернее, его результаты, являются наряду с государственным правом и нормами обычного права важным источником регулирования отношений, складывающихся в имениях крупных землевладельцев между крестьянами-общинниками, с одной стороны, и вотчинниками-приказчиками – с другой.

Вотчинное нормотворчество позволяло заполнить правовой вакуум, образовавшийся после принятия Соборного уложения 1649 г. Его специфика заключалась в том, что субъектами нормотворчества было уже не государство, а частные лица, которым государство фактически делегировало свои публичные функции.

Степанов Михаил Михайлович (Россия, г. Москва) – ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, кандидат юридических наук, доцент – представил доклад на тему: «Первые акты советского семейного законодательства через призму современного представления о традиционных российских духовно-нравственных ценностях».

Выступающий посвятил исследование одной из традиционных ценностей – семейным ценностям, которые закреплены в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» как «крепкая семья». По мнению докладчика, крепкая семья – это, во-первых, нуклеарная семья, семья, в которой живут два поколения, родители и дети. Трехпоколенная семья – это, скорее, исключение из правила, обусловленное либо необходимостью заботы о старшем поколении, либо материальными проблемами, т.е. невозможностью разъехаться. В большинстве случаев современная семья – это семья нуклеарная.

Во-вторых, крепкая семья основана на другой ценности, закрепленной в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809, а именно на соблюдении и защите прав и свобод человека. То есть члены семьи обладают широким спектром этих самых прав и свобод.

Далее, в основе крепости семьи лежит институт брака. Что бы ни говорили о семье без зарегистрированного брака, всё равно такая форма

является сожителем. Поэтому семья – это отношения между людьми, основанные на юридических нормах, на оформлении данных отношений, на браке.

Всё остальное, что касается понимания крепкой семьи, закреплено в Семейном кодексе РФ, где, в частности, указано, что семейное законодательство исходит из необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав, возможности судебной защиты этих прав (ч. 1 ст. 1 Семейного кодекса РФ).

По мнению докладчика, современные традиции семьи были сформированы в советский период и получили первое правовое закрепление в 1918 г., когда в РСФСР был принят Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве.

М. М. Степанов акцентировал внимание на том, что это был первый кодекс Советской власти и первый Семейный кодекс в нашей стране. Новеллами нового советского законодательства и отличиями от старого царского законодательства явились следующие нормы: 1) юридическая сила признавалась только за гражданскими браками, церковные браки отвергались; 2) свобода вступления в брак, в том числе независимо от вероисповедания, возраста; 3) свобода расторжения брака; 4) равенство мужчин и женщин, которое проявлялось, в том числе, в режиме раздельного имущества супругов, выборе фамилии и т. п.; 5) внебрачные дети приравнивались к детям, рожденным в браке; 6) родительские права были подчинены интересам детей.

Эти основные положения, отраженные и в действующем Семейном кодексе РФ, получили закрепление более 100 лет назад. Именно поэтому эти положения мы можем рассматривать в качестве традиционных.

Калинина Евгения Валерьевна (Россия, г. Нижний Новгород) – профессор кафедры теории и истории государства и права Национального исследовательского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, профессор кафедры общественного здоровья и здравоохранения Приволжского исследовательского медицинского университета, доктор юридических наук, доцент – предложила доклад на тему: «Истоки конституционализма в Танахе в контексте трансформации социально-правовых ценностей».

В российской и западной государственно-правовой мысли, а также в научно-популярной литературе встречаются предположения о древних корнях современных конституций. И, конечно, такой тренд не мог не затронуть и Ветхий Завет. Так, например, Макс И. Даймонт (1912–1992) рассматривал Тору в качестве первой еврейской конституции, а древне-

иудейскую концепцию ограниченной монархии – как учение о конституционной монархии. В конце XIX в. профессор Александр Павлович Лопухин (1852–1904), известный комментатор Ветхого Завета, упоминал конституционные начала, содержащиеся в Пятикнижии Моисея.

В конце 90-х. гг. XX в. была опубликована работа П. Д. Баренбойма (1948–2021), в которой утверждалось, что старейшая из известных миру писаных конституций была составлена судьей Самуилом три тысячи лет назад. Учитывая тот факт, что полного текста основного закона, составленного Самуилом, мы в Танахе не найдем, Баренбойм предлагал восстановить это содержание, используя различные ветхозаветные книги. При этом делалась оговорка, что Библия рассматривается как исторический документ, достоверность которого в значительной части подтверждена историческими, в том числе и археологическими исследованиями. Баренбойм подчеркивал, что он воспринимает данный текст пророка Самуила как конституционный, прежде всего ограничивающий права и произвол государства в отношении общества и человека, а не как современный текст, составленный по правилам общепризнанной юридической техники. Такую оговорку, по мнению Евгении Валерьевны, можно было бы рассматривать как уместную в остальных случаях изучения правового мышления, отраженного в Танахе.

Далее докладчиком были предложены анализ и краткие комментарии текста отдельных статей Конституции пророка Самуила, сделанные П. Д. Баренбоймом.

По итогам доклада был сделан общий вывод, согласно которому рассматривать положения, приписываемые Самуилу, в качестве конституции еврейского народа нецелесообразно в силу того, что некоторые из этих положений больше напоминают предостережения, чем декларативные установки. Логичнее было бы выделить во всем тексте Пятикнижия как учредительного акта в широком смысле слова несколько норм конституционного характера, имеющих признаки конституционной нормы в современном понимании. Такой учредительный характер проявляется в декларируемых правах народа и индивида, в формах участия народа в управлении государством через использование народного вето, в провозглашенном равенстве всех перед Законом, верховенстве Божественного Закона над всеми человеческими установлениями.

Волков Александр Константинович (Россия, г. Санкт-Петербург) – доцент кафедры международного права юридического факультета Северо-Западного института управления РАНХиГС, кандидат юридических наук – выступил с темой «Идеи Сийеса в конституционных актах Первой и Второй империй во Франции».

Докладчик обратил внимание, что применительно к тематике ценностей французский мыслитель Эммануэль Жозеф Сийес (1748–1836) пола-

гал, что в основе политического здания находится индивидуальная свобода, а организация государственной власти должна служить обеспечению граждан. Именно этот французский ученый выявил необходимость осуществления конституционного контроля и сделал первые предложения по его организации. Со своими предложениями он выступал в 1795 г. Однако его идеи были весьма прогрессивны и не воспринимались должным образом. Как следствие, они вызвали сильное разочарование среди членов собрания и не были реализованы. Но уже при разработке Конституции Наполеона I идеи, предложенные Сийесом, были отражены.

В 1795 г. он предложил создать конституционное жюри, которое должно было быть хранителем конституции. Оно состояло из 108 членов, обновляемых на треть из бывших, по сути дела, депутатов законодательного корпуса. В его компетенцию входило, во-первых, право аннулировать как несоответствующие Конституции акты старейшин Совета 500 и Конституционного суда, во-вторых, раз в 10 лет Конституционное жюри имело право вносить изменения, предлагать изменения в Конституцию.

В конституционном проекте 1799 г. Сийес предложил уже учредить коллегия охранителей, которая получила наименование «Охранительный сенат». Главным полномочием его стало рассмотрение вопроса конституционности актов, направляемых трибуналом и правительством. Только эти две инстанции могли направлять Сенату акты, которые вызывали сомнение.

Вторая попытка реализации идей Сийеса была предпринята в Конституции Второй империи.

С принятием Конституции 1870 г. конституционный контроль исключается из Конституции Франции на 70 лет. Но на примере проекта Конституционного жюри видно, что у идей Сийеса был достаточно богатый потенциал, который не раскрыт даже современными демократическими государствами.

Сорокина Юлия Владимировна (Россия, г. Воронеж) – профессор кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор – предложила доклад на тему «Современное состояние медиации в Китае».

Она обратила внимание на тысячелетнюю историю китайской цивилизации, общемировое влияние китайской культуры, культурологические основы китайского коллективизма. Сложность коммуникаций в коллективе стала важной предпосылкой формирования идеи гармонии. И эта гармония требовала благожелательного отношения к людям, необходимости ладить со своей средой, т.е. доброжелательных взаимоотношений людей в коллективе и коллектива с человеком. Гармония и Срединный путь, присущие китайской философии, выступают традиционными ценностями как для древнего, так и для современного Китая.

Профессор Ю. В. Сорокина предложила рассуждения о соотношении идеи гармонии и Срединного пути в контексте института медиации. Все конфликты решались внутри общины путем примирения, или медиации – в современной терминологии. Коллектив, община выходят на первый план, поэтому примирение осуществляется не исходя из интересов спорящих сторон, выясняющих отношения, а исходя из интересов коллектива. Таким образом, особенностью китайской медиации является превалирование коллектива и его интересов над интересами отдельных лиц.

Первым этапом становления института медиации стал период начала 1960-х гг., когда режим Мао разрешил не обращаться в суд, а прибегать к медиации. И люди воспользовались этим, поскольку недоверие к суду было высоким в тоталитарном государстве.

Второй этап связан с реформами Дэн Сяопина, который проводил политику открытости Китая. В данный период наблюдается снижение интереса к медиации, поскольку степень контроля государства за обществом ослабевает. Он продолжался ориентировочно до 2004 г. и характеризовался тем, что судьи практически принуждали стороны к медиации.

В настоящее время государство более разумно относится к медиации, политика принуждения к ней уже не развивается. Судьи уже не практикуют выступление в качестве медиаторов в рассматриваемом споре, а при необходимости мирного урегулирования спора приглашают профессионального медиатора.

Помимо судебной медиации в Китае можно выделить народную медиацию. Она направлена на урегулирование семейных и небольших земельных споров. Данная медиация организована на нижних уровнях государственной власти и является бесплатной. Развивается отраслевая медиация, например, по трудовым спорам.

В современном Китае наблюдается трансформация базовых принципов медиации, когда от преобладания коллектива над индивидуальным интересом переходят к поиску компромисса – решения с учетом максимальных индивидуальных интересов тяжущихся сторон.

Дудин Павел Николаевич (Россия, г. Красноярск) – заведующий лабораторией исторических и социально-экономических исследований Сибири и Центральной Азии, доктор исторических наук, доктор политических наук, доктор юридических наук, доцент – предложил тезисы исследования на тему «“Да Цин хуэйдянь” как памятник органического права империи Цин и его перевод – рукопись отца Иакинфа (Н. Я. Бичурина) “Изложение китайского законодательства” (первые итоги работы с источником)».

Доклад был подготовлен в рамках проекта научных исследований «Государства Центральной Азии и Ангаро-Енисейский макрорегион: миграция как ресурс развития». В ходе выступления было презентовано введение в научный оборот уникального перевода Свода установлений, который

с середины XVII – начала XX в. регулировал всю государственную систему империи Китая, от императорской семьи до низовых уровней уездных государственных институтов. Данный акт очень обширен, никогда не переводился на европейские языки. Но в XIX в. такие усилия были сделаны представителями русской духовной миссии в Пекине, в частности отцом Иакинфом, в миру Никитой Яковлевичем Бичуриным (1777–1853), которого называют основателем российской науки востоковедения.

Никита Яковлевич фигура известная, он руководил Девятой Русской духовной миссией в Пекине с 1807 по 1821 г. По возвращении из Китая долгое время жил на территории Бурятии в городе Кяхта. Это торговый купеческий городок, сейчас абсолютно неизвестный, но когда-то перекресток двух миров, двух цивилизаций. Там в 1835 г. было открыто первое в Российской империи и одно из первых учебных заведений в мире по изучению живого китайского языка. Русская духовная миссия оставила след не только в языкознании, но и в изучении государственных правовых институтов.

П. Н. Дудин отметил, что продолжается исследование рукописи этого выдающегося деятеля. Объем материала составляет 2,5 тысячи листов, которые сегодня находятся в Государственном архиве Республики Татарстан.

Касаткин Сергей Николаевич (Россия, г. Самара) – ведущий научный сотрудник Лаборатории доказательной социальной политики, доцент кафедры теории права и публично-правовых дисциплин Самарского государственного экономического университета, кандидат юридических наук, доцент – в докладе на тему «Основы конституционного строя в формальной и ценностной иерархии норм Конституции РФ» обратил внимание на изменения Конституции РФ в 2020

г., многие из которых можно определить как ценностные ориентиры современной государственной политики. Он отметил целесообразность концентрации основных ценностных положений в одной главе конституции. В Конституции России данной главой является первая – «Основы конституционного строя». В связи с этим Сергей Николаевич предложил суждения о проблемах соотношения положений глав 1 и 3 Конституции РФ и высказался о способах решения данной проблемы.

Есаева Екатерина Андреевна (Россия, г. Нижний Новгород) – преподаватель кафедры теории и истории государства и права Национального исследовательского государственного университета им. Н. И. Лобачевского – представила доклад на тему «Право как фактор сохранения и развития социальных ценностей Вьетнама», акцентируя внимание на традиционных семейных ценностях Вьетнама и тенденциях их трансформации. С 80-х гг. XX в., когда во Вьетнаме проводилась политика об-

новления, в стране произошли культурные, социальные, политические и экономические изменения.

Вьетнамская академия социальных наук в сложившейся ситуации ставит вопрос о сохранении традиционных национальных, социальных и семейных ценностей в условиях современных культурологических вызовов. Дело в том, что активное развитие рыночной экономики Вьетнама трансформирует представления молодого поколения, которое в таких условиях стремится к материальным ценностям, высоким зарплатам и прибыли. Всё это очень сильно отдаляет молодежь от родной общины, родной местности и, соответственно, традиций большой вьетнамской семьи.

Традиционная большая вьетнамская семья включает в себя не только маму, папу и ребенка, как это принято в Европе, но еще и родственников по нисходящей и восходящей линии, вплоть до прапрабабушек, прапрадедушек и праправнуков. И если мы будем говорить о традиционной вьетнамской семье в контексте народных верований, то в народе в традиционную семью входят еще и умершие родственники.

Кроме того, в 1980-х и 1990-х гг. (в 90-х гг. особенно: сказалась политика обновления Дэй Мэй) появилось поколение новых вьетнамцев, у которых есть потребность в личностной реализации, стремление показать свое я в обществе. Но данный концепт идет вразрез с традиционными ценностями Вьетнама. Названные факторы ослабляют внутрисемейные и внутриродовые связи. Теперь большая семья крайне редко собирается на основные государственные праздники или семейные торжества.

На XIII съезде ЦК КПВ был взят курс на сохранение именно семейных ценностей. Для реализации этой программы необходимо вовлечение всей политической системы и всех слоев населения. Пропаганда семейных ценностей ведется в школах, но школьники составляют лишь малую долю населения Вьетнама. И в данном случае значимым фактором, влияющим на сохранение традиционных семейных ценностей, является право, так как оно способно распространяться везде. Но государственная политика и меры, которые предпринимаются для сохранения и развития социальных ценностей, должны учитывать культуру разных регионов Вьетнама, поскольку культура горных районов несколько отличается

от культуры равнин. Поэтому государство создает различные программы для разных регионов.

Доклад **Андрея Марксовича Борисова**, председателя Курского регионального отделения ООО «Ассоциация историков права», кандидата исторических наук, был посвящен вопросу ценностного значения исторической памяти и исторической правды в контексте государственной молодежной политики.

Понятие «историческая память» активно внедряется в сознание общества с начала 2000-х гг. Данная категория имеет отражение в государственной политике и в законодательстве.

Докладчик подчеркнул, что эффективность политики исторической памяти обеспечивается ее неразрывной связью с исторической правдой. В Федеральном законе от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» среди целей молодежной политики определено формирование системы нравственных и смысловых ориентиров, позволяющих противостоять идеологии экстремизма, национализма, проявлениям ксенофобии, коррупции, дискриминации по признакам социальной, религиозной, расовой, национальной принадлежности и другим негативным социальным явлениям.

Основными направлениями молодежной политики названы воспитание гражданственности, патриотизма, преемственности традиций, уважения к отечественной истории, к историческим, национальным и иным традициям народов Российской Федерации.

Решение задачи укрепления традиционных российских ценностей, многие из которых характеризуются переменчивостью своего социального значения во времени, не исчерпываются направлениями, связанными только с духовно-нравственным и гражданско-патриотическим потенциалом общества.

Докладчик обратил внимание на советские подходы к сохранению исторической памяти, закреплению и развитию в сознании молодежи традиционных ценностей, а также предложил авторское определение категории «историческая правда» – это «достоверная и подтверждаемая научно-архивным инструментарием информация о совокупности исторических фактов прошлых периодов развития общества и государства, отражающих особенности социальных отношений, имеющих общественное и государственное значение».

В завершение доклада А. М. Борисов подчеркнул, что утрата исторической памяти, исторической правды – первый шаг, за которым через несколько шагов возможна утрата государственности.

Алексеева Татьяна Анатольевна (Россия, г. Санкт-Петербург) – профессор кафедры теории и истории права и государства юридического факультета Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор юридических наук, доцент – представила доклад на тему «Идея “древней” конституции в испанском правоведении и политической практике XIX в.».

Она отметила, что в основе концепции «древней конституции» или, как потом ее назо-

вут современные конституционалисты, «исторической конституции», лежат идеи одного знаменитого юриста, государственного деятеля, мыслителя и очень яркой личности – Гаспара Мельчора де Ховельяноса (1744–1811). В эпоху Просвещения в Испании Ховельяноса принимают в Академию истории, где он произносит речь о пользе изучения истории юристами. Высказанные в его выступлении идеи, в 1810 г. зазвучат заново, потому что будут очень востребованы в связи с необходимостью разработки настоящей, собственной, национальной Конституции Испании.

Проект первой конституции Испании 1812 г. будет подготовлен после смерти Ховельяноса, однако его идеи будут учтены. Исследователи отмечают, что содержание Конституции Испании 1812 г. не копирует Французскую Конституцию 1791 г., а лишь учитывает отдельные положения, в целом сохраняя самобытность правовой традиции Пиренейского полуострова, на которой основывал свои идеи Ховельянос.

Идея «древней конституции» оказала важное влияние на формирование испанской юридической культуры. И в настоящее время, когда готовится тот или иной акт, затрагивающий фундаментальные для испанского общества положения, обязательно происходит обращение к испанской правовой традиции.

Савченко Дмитрий Александрович (Россия, г. Москва) – профессор кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент – представил тезисы исследования на тему «Юридические технологии и юридические инновации в истории права».

Выступающий обратил внимание на концептуальное понимание категории «правые ценности» и его проявление в памятниках права.

Профессор Д. А. Савченко выделил три уровня в характеристике правовых ценностей. Первый уровень – самый глобальный, когда мы говорим о социальной ценности самого права. В нашей новейшей истории далеко не всегда право рассматривалось как ценность, в частности, в начальном периоде советской истории. Тогда право чаще рассматривали как пережиток прежнего капиталистического строя, полагая, что, как и государство, оно должно отмирать и существует только в некий переходный период. Но в последующем сама жизнь заставила изменить эти подходы.

Второй уровень: под правовыми ценностями можно понимать те социальные ценности, которые защищаются правом. Охранительные нормы показывают, что именно ценно для соответствующего политически организованного общества и что нуждается в охране самыми серьезными средствами. В первую очередь, именно уголовно-правовые нормы дают перечень тех ценностей, которые охраняются правом. Неслучайно в теории уголовного права достаточно распространена позиция о том, что объектом преступления являются ценности, которые охраняются законом.

Третий уровень правовых ценностей – это юридические ценности в узком смысле слова, принципы, следование которым обеспечивает эффективность и результативность юридических методов решения социальных задач.

В качестве примера для нормативного закрепления ценностей профессор Д. А. Савченко обратился к Соборному уложению 1649 г. Акцентируя внимание на структуре данного памятника права, докладчик отметил, что в первой главе Соборного уложения речь шла о положениях, направленных на защиту христианской церкви, религии, веры, иными словами, именно вера и церковь рассматривалась как ключевая ценность. Защита веры и ориентир на веру христианскую фактически означает признание равенства всех христиан перед Богом. Из Соборного уложения также вытекает, что важнейшей социальной ценностью признается государь, монарх. Вокруг него строится не только государство, политическая организация, но и мироздание в целом.

Таким образом, основные ценности общества и государства всегда можно вывести из законодательства, действующего в соответствующий период.

Завершая конференцию, профессор С. Н. Махина подчеркнула, что поднятые на мероприятии вопросы и в целом тематика генезиса и эволюции правовых ценностей имеют самые широкие перспективы междисциплинарных исследований, проведение которых, несомненно, обогатит отечественную юридическую науку.

Для цитирования:

Шелестов Д. С. Обзор Третьей ежегодной осенней научной сессии «Правовые ценности в условиях многополярного мира» (Часть II) (Воронеж, 12 ноября – 10 декабря 2024 г.) // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 2(11). С. 111–131.

Recommended citation:

Shelestov D. S. Review of the Third annual autumn scientific session "Legal Values in a Multipolar World" (Part II) (Voronezh, November 12 – December 10, 2024) // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 2(11). Pp. 111–131.

Сведения об авторе

Шелестов Дмитрий Станиславович – доцент кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: shelestovds2014@yandex.ru

Information about author

Shelestov Dmitry Stanislavovich – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Voronezh State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

E-mail: shelestovds2014@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Требования к материалам, направляемым для публикации в сетевом научно-практическом издании «Журнал юридической антропологии и конфликтологии»

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1.1. К публикации в сетевом научно-практическом издании «Журнал юридической антропологии и конфликтологии» (далее – Журнал) принимаются материалы, содержащие результаты научных исследований, оформленные в виде полных статей, кратких сообщений, обзоров. В журнале могут быть опубликованы рецензии и материалы-обзоры проведенных научных конференций, круглых столов, форумов, семинаров.

1.2. Материалы необходимо представлять в редакционную коллегию по почте или по электронной почте. В случае, если материал направляется в редакционную коллегию по почте, необходимо прилагать электронный носитель, содержащий файл со статьей автора.

1.3. Содержание присылаемых в редакционную коллегию Журнала материалов и их оформление должно соответствовать установленным требованиям. Присланные авторами материалы должны отличаться высокой степенью оригинальности. В случае явного несоответствия формальным требованиям (в части структуры, основных сведений, ссылок, библиографического списка) главный редактор, заместители главного редактора или ответственный секретарь Журнала могут направить поступившие материалы на доработку авторам.

1.4. Подписанный автором (соавторами) текст публикации оформляется одним файлом, который содержит следующую информацию и структуру:

- индекс УДК;
- название статьи на русском и английском языках;
- инициалы и фамилия автора (соавторов) на русском и английском языках;
- наименование образовательной, научной или иной организации, в которой автор (соавторы) работают (или занимают соответствующие должности) на русском и английском языках;
- дата направления материала в редакцию Журнала;
- аннотация статьи на русском и английском языках;

- ключевые слова на русском и английском языках (6–15 слов);
- текст статьи;
- сведения об авторе (соавторах) на русском и английском языках с полным указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени, ученого звания, основного места работы, занимаемой должности, номера (служебного, домашнего или мобильного) телефона, домашнего или служебного адресов, адреса электронной почты.

1.5. Для аспирантов и соискателей дополнительно необходимо приложить в редакцию журнала выписку из протокола заседания кафедры (сектора, подразделения организации) о рекомендации присланного материала к опубликованию в журнале или подписанный научным руководителем краткий отзыв о рекомендации статьи к опубликованию.

1.6. Статьи, направляемые в редакцию, подлежат рецензированию, и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

1.7. Решение о публикации статьи принимается редакционной коллегией журнала.

1.8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

2. ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ, НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИОННУЮ КОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ

2.1. Текст печатается в текстовом редакторе WinWord шрифтом Times New Roman 14-го кегля (размера) через 1,5 интервала.

2.2. Все поля на листе составляют по 2 сантиметра.

2.3. Объем статьи должен составлять 15–20 страниц (1 п.л., или около 40 тыс. знаков). По согласованию с редакцией журнала к публикации могут быть приняты статьи большего объема.

2.4. Сноски оформляются постранично. Нумерация – сквозная. Текст сносок печатается шрифтом Times New Roman 12-го кегля (размера) через 1,5 интервала.

2.5. В конце статьи приводится библиографический список в алфавитном порядке. Библиографический список подлежит переводу на английский язык по следующему образцу:

Библиографический список

Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / Р. Алекси. – М. : Инфотропик Медиа, 2011. – 192 с.

Радбрух Г. Философия права / Г. Радбрух. – М. : Международные отношения, 2004. – 238 с.

Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns, Bd. 1–2 / J. Habermas. – Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1981. – 1216 p.

.....

References

Aleksi R. The concept and validity of law (the answer to legal positivism) / R. Aleksi. – M. : Infotropik Media, 2011. – 192 p. (In Rus)

Radbrukh G. Legal philosophy / G. Radbrukh. – M. : International relationships, 2004. – 238 p. (In Rus)

Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns, Bd. 1–2 / J. Habermas. – Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1981. – 1216 p.

.....

2.6. Правила оформления сносок – в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Во избежание ошибок редакционная коллегия рекомендует авторам самостоятельно не сокращать сноски, всякий раз приводя полные сведения о цитируемом источнике.

2.7. Все страницы рукописи следует пронумеровать.

2.8. Наименования организаций, органов государственной власти, учреждений, международных организаций не сокращаются. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

2.9. Все таблицы должны быть упомянуты в тексте. Каждая таблица печатается на отдельной странице и нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте. Каждый столбец (колонка) должен иметь короткий заголовок (в нем могут быть использованы сокращения, аббревиатуры). Разъяснения терминов, аббревиатур помещаются в сноске (примечаниях), а не в названии таблиц. Для сноски применяется символ – *. Если используются данные из другого опубликованного или неопубликованного источника, должно быть полностью приведено его название.

2.10. Схемы и диаграммы должны быть пронумерованы и представлены в виде отдельных файлов.

2.11. Наличие иллюстраций в публикациях приветствуется. Иллюстрации (фотографии) могут быть черно-белыми и цветными, отсканированы с разрешением 300 точек на дюйм и сохранены в отдельном файле в формате tif или jpg. Для каждой иллюстрации в обязательном порядке должен быть указан источник ее получения.

3. РЕШЕНИЕ О ПУБЛИКАЦИИ И ОТКАЗ В ПУБЛИКАЦИИ

3.1. Автор, направляя в журнал текст статьи, обязуется до принятия решения о публикации не представлять идентичный материал другим печатным изданиям.

3.2. В случае, если для принятия решения о публикации необходимы познания в узкой области юриспруденции, редакционная коллегия направляет статью для заключения специалистам или экспертам.

3.3. В отдельных случаях возможна доработка (улучшение качества) статьи автором по рекомендации редакционной коллегии. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки.

3.4. Редакция журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ.

3.5. Отказ в публикации возможен в случаях:

- несоответствия статьи профилю и специфике журнала;
- грубых нарушений, допущенных при цитировании, в том числе при ссылках на законодательство;
- несоответствия статьи критериям научного уровня и практической полезности;
- отрицательного заключения редакционной коллегии;
- опубликования идентичной статьи в иных изданиях или представления статьи для опубликования идентичных материалов в другие издания.

3.6. Рукописи, представленные для публикации, не возвращаются.

3.7. Мнение редакционной коллегии не всегда может совпадать с точкой зрения автора.

ЖУРНАЛ ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ
И КОНФЛИКТОЛОГИИ
2025. № 2(11)

Подписано в печать 22.10.2025. Формат 70×100/16.
Уч.-изд. л. 12,6. Усл. печ. л. 12,1. Тираж 25 экз. Заказ 226

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3